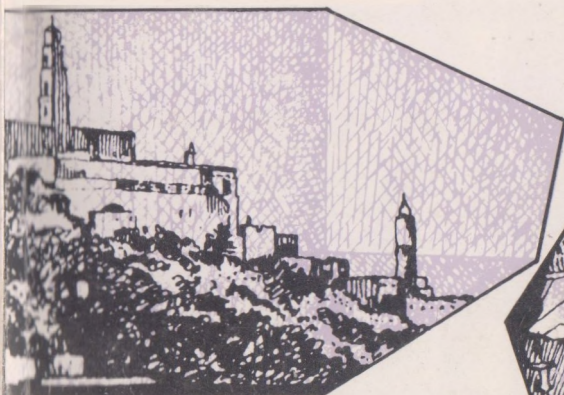

Ашер Лог

ИРЪЗАМЫ

Ашер Лог

Ашер Лод
ПРИЗМЫ

מחלקת ספרים
ספרייה
20 ברח' 33041 חיפה
1085

Ашер Лод

Ашер Лод

ПРИЗМЫ

(ОЧЕРКИ)

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1989

Printed in Israel

**Библиотечный фонд.
Продаже не подлежит**

א. לוד

השתקפויות

A. Lod

PRISMS

Редактор *С.Тартаковская*

Печатается с любезного разрешения
Израильского радиовещания "Шидурей Исраэль"

Издание 2-е, исправленное

ISBN 965-320-043-7

העמותה לקליטת עלייה בחיפה
רח' נ. ל. פרץ 20 חיפה 33041
ספריה
מס' 1085

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה

ת.ד. 4140, ירושלים

הוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניויורק

OCR Давид Титиевский, сентябрь 2021 г., Хайфа

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	VII
Предисловие	VIII
Откуда у цветов ноги растут	1
Белые формуляры и желтые циркуляры <i>И. П. Калачев</i>	6
Свидание в Тель-Авиве	10
Скворцы прилетели	15
Театр военных действий	19
Кайзеровская каска дедушки	22
Разбитые шаблоны родины	28
Письма	32
Синай	37
Изгнание из рая	41
"Президент"	45
Там, откуда съехала приличная публика	50
Город без памятников	53
"Колботек"	58
Зарезанный фильм	64
Пейзаж с птицами	68
Парад в Дамаске	74
Из программы передач	78
Двойная бухгалтерия	82
Собаки, Брехт и гитара	86
Два стальных баллона со сжатым воздухом	91
Эпикурец из Меа-Шеарим	95
Щедрый скупец	99
Мещанство во дворянстве	105
Дождь	108
Фантазия на фруктовую тему	113

Перед глобусом	117
"Роце — ло роце!"	122
В честь влиятельного идола	126
Сын халуца из ВПШ	130
Там, где пересекаются параллели	134
Почти Челюскин	140
Немецкие дворники	144
На Молдаванке в Яфо	148
Фиеста	153
Английский гольф и еврейская демократия	157
В темном мире капитала	161
Проклятая задача	167
Что будет?	170
Сено-солома	175
Кусочек немецкого сала	179
Театр профессора органической химии	183
Из старой оперы	187
Купчая на собственную собственность	191
Разница в одну букву	195
Снаряды и миксеры	201
Алиса в стране чудес	205
Международная дива и другие лавины	209
Последний концерт	213
Большой театр	216
"Происшествие"	221
Земля Шемер, земля Кейнана	225
Огненный свиток	228

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга "Призмы", предлагаемая читателю, основана на материалах радиопрограмм, транслировавшихся в передачах радиостанции "Голос Израиля" на русском языке под названием "Призмы". В сборник вошли зарисовки-"призмы", сделанные в 1979–1984 гг.

Их автор, Ашер Лод (псевд. Оскара Минца, род. в 1925 г. в Риге; в Израиле с 1974 г.) посвятил свои очерки самым животрепещущим проблемам Израиля — политическим, социальным, бытовым. Талантливый и опытный журналист, он чутко и остро воспринимает окружающую действительность. Он реагирует на нее быстро и точно, освещает самые актуальные события израильской жизни чуть ли не в самый момент их свершения, умеет дать им должную перспективу и, что не менее важно, нисколько не стремится что-либо затушевать или отретушировать. Сквозь призму своего личного восприятия, своих личных переживаний Ашер Лод описывает широкий спектр вопросов, ежедневно волнующих граждан Израиля. И делает это с незаурядным художественным мастерством. Таким образом, этот сборник является своеобразным эмоциональным и правдивым отражением жизни Израиля в бурные семидесятые и восьмидесятые годы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название литературного произведения нередко является его кратчайшей аннотацией.

Книга Ашера Лода называется "Призмы".

Что же стоит за этим словом? Вынося за скобки объяснения, которые даются в учебниках геометрии и физики, обратимся к выражению "сквозь призму". Словари толкуют его следующим образом: "смотреть, наблюдать с позиций чего-либо, переносное значение — не непосредственно, с посредствующим влиянием промежуточных факторов".

Очевидно, именно это переносное значение имел в виду автор, давая название книге, ибо писал ее, наблюдая жизнь сквозь призму своих эмоций. Впрочем, такой способ наблюдения разумеется сам собой, поскольку он заложен в природе любого творчества.

Чтобы узнать, какого характера эмоции влияли на нашего автора, достаточно прочесть хотя бы один очерк из "Призм", и не останется сомнений, что писателем руководило прежде всего чувство любви.

В самом деле, что бы ни двигало писателем — желание обличить мир или воспеть его, раскрыть мир для себя или раскрыть себя миру, — в конечном счете за каждым из этих желаний кроется любовь. Исключения бывают, но ведь они лишь подтверждают правило. Хотя высказывания знаменитых людей вряд ли можно принимать за неопровержимую истину, а ссылки на них — за доказательство, тут так и напрашиваются слова М. Шагала: "В нашей жизни, как и в палитре художника, есть только один цвет, способный дать

смысл жизни и Искусству. Цвет Любви”.

Как раз этим цветом и окрашены “Призмы”.

Оттенков у этого цвета, пожалуй, не меньше, чем людей на белом свете. Правда, если условно принять характер любви за отличительный признак, то по нему род человеческий разделится на далеко не равные части. Так, любовь к своим детям окажется присущей почти каждому человеку, тогда как любовь к так называемому “ближнему” — гораздо меньшему числу людей. То же самое можно сказать и о любви к своим родителям и к чужим, к своей стране и к чужой, к индивидууму своего пола и противоположного и так далее.

“Призмы” — одна из тех книг, которых существует великое множество: она о любви к родине. Хотя прямо об этом не говорится ни единого слова. Но и среди великого множества таких книг она выделяется: речь идет о родине особой, о родине обретенной.

Одни считают, что родина — это то место на земле, где человек родился. Таких людей большинство. Другие говорят, что родина — это то место на земле, про которое человек знает сердцем, что это — его родина. Таких людей меньшинство.

Автор “Призм” относится к тем, кто находится в меньшинстве: он родился далеко от Израиля, приехал сюда вполне зрелым человеком, сформировавшимся в мире с иной системой ценностей (чего, кстати, по его книге никак не скажешь, если не считать тех мест, где он об этом размышляет), — и вот он пишет об Израиле как о месте на земле, которое “обрел в сердце своем”.

Однако книга его выделяется не только этим. Даже среди немногочисленных произведений о любви к родине обретенной она тоже стоит особняком. “Призмы” обладают одной, можно сказать, чудесной (от слова “чудо”) особенностью. Но прежде следует сказать несколько слов об Израиле.

В Израиле, как известно, есть все что угодно (кроме нефти). И все, что в нем есть, писатель может описать:

палящее солнце и проливные дожди, лазурное море и безводную пустыню, страшную бюрократию (ту самую, о которой знает каждый, включая тех, кто об Израиле решительно ничего не знает) и жуткий балаган (израильтяне почему-то убеждены, что "балаган" означает "беспорядок"), есть любые климатические пояса (откуда, наверное, и возникает ощущение бескрайних просторов, которых у нас нет и в помине), есть социализм (хоть и не "развитый", как в одной шестой части света) и капитализм (тоже какой-то "недоразвитый"), есть глубочайшие древности и самые современные отрасли техники... Словом, есть все, и все это можно описать.

Израиль — сложная страна. Она требует затрат огромных душевных сил, что, в свою очередь, требует наличия таковых. Те, кто в Союзе покупали кооперативные квартиры, возможно, помнят, как в них въезжали, когда они еще были недостроены, — только бы поскорее избавиться от коммуналки. Помнят, как приходилось все достраивать своими руками, чаще всего неумелыми, так что переделкам не было конца. Наверняка не забыли и радость, когда конец все-таки наступал и забывались все беды. До появления новых. И чем больше труда вкладывалось в новую квартиру, чем тяжелее она доставалась, тем больше к ней привязывались.

Такое сравнение, конечно же, не отражает всей специфики израильской жизни, но оно может дать некоторое представление о ней. Так или иначе, даже самую сложную действительность, включая израильскую, описать можно.

И только одно не поддается описанию: особое, не выразимое словами обаяние, которое есть в Израиле.

Чудесная особенность "Призм", о которой мы упомянули выше, в том и состоит, что автору этой книги каким-то чудом удалось выразить это обаяние.

"Призмы" — книга о нашей жизни, о нашем времени. Она актуальна в самом точном значении этого слова. Правда, жизнь меняется, а в Израиле — особенно

быстро. Но и при этом книга А. Лода останется актуальной, поскольку сможет подвести читателя к сопоставлению настоящего с совсем недавним прошлым, а сопоставление есть первый шаг к осмыслению происходящего.

Все, что описано в этой книге, нам хорошо знакомо. Все это мы и сами видим каждый день. Но, пропущенная автором сквозь призму его эмоций, наша до боли знакомая повседневность открывается теми сторонами, которые могли бы остаться не замеченными нами.

Автор этой книги, как это часто бывает, пытался скрыть за юмором, а порой и за сарказмом то главное чувство, которое вдохновляло его и которое, по мнению М. Шагала, является единственным чувством, придающим смысл жизни и искусству. Из этих стараний (и это естественно) у автора ничего не получилось. От очерка к очерку мы убеждаемся, что главные грани авторских "призм" — это любовь и доброта. И это, конечно, самое важное для нас — читателей.

С. Тартаковская

ОТКУДА У ЦВЕТОВ НОГИ РАСТУТ

В любой израильской газете можно найти уголок цветовода-любителя.

Правда, в глаза он не бросается. Не то что полицейская хроника, которая подается с таким энтузиазмом, будто ее составители мечтали ставить вестерны, но не пробилась в кинематограф. Уголок цветовода сух по содержанию, мал по газетной площади и относится к явлению, которое за ним кроется, как свеча к лесному пожару.

Для разговоров о цветах, возможно, следовало пригласить ученого ботаника или цветовода-практика. Благо, ботаников и цветоводов в Израиле, кажется, больше, чем людей. Поскольку такого быть не может, приходится думать, что в этой стране не обязательно сколько-нибудь смыслить в растениях, чтобы держать их у себя, и тем более рассуждать о них.

Все это можно себе позволить благодаря растениеводческому сервису. В Израиле он доведен до того же уровня, что и автомобильный. На Западе, как известно, чтобы успешно ездить на машине, вам не обязательно знать, где у нее мотор — спереди или сзади. Этим вопросом ведает могучий авторемонтный бизнес. Могучий садоводческий бизнес ведает в Израиле вопросом, откуда "ноги растут" у цветов.

Есть обычные цветочные магазины. В полном соответствии со своим профилем они предлагают цветы и рассаду. Но польститься на их предложение может

только простаки или мот, который денег не считает. Назвать же типового израильского потребителя мотом и тем более простаком — значит оскорбить его по гроб потребительской жизни.

Типовой израильский покупатель искушен, как черт. Он себе на уме и точно знает, что в любом хорошем магазине не столько берут за товар, сколько берут за витрину. Поэтому, собравшись вечером в гости, куда не принято ходить без букета, он спокойно газует мимо ста красивых цветочных витрин и держит курс на некий яркий объект на обочине шоссе, радостное освещение которого, с точки зрения нашего брата, репатрианта из Союза, сильно смахивает на иллюминацию крейсера "Аврора".

Наш брат тоже подъезжает к обочине и видит вместо мачт шесты, на которых пестрят лампочки, а на земле под шестами — цветы в кувшинах. Никаких дополнительных расходов на торговое оборудование. Посреди живой радуги из роз, гвоздик, гладиолусов и более загадочных произведений природы бойко шурует хозяин. Этот летучий голландец еврейской или арабской национальности возникает из ниоткуда со своими шестами, лампочками и кувшинами на пять-шесть часов бойкой вечерней торговли, после чего проваливается в никуда. Зазывная иллюминация его собратьев по цеху подстерегает клиента на въездах в города и прямо посреди потемок междугородных шоссе. Искушенный, как черт, израильский потребитель платит здесь не меньше, чем в хорошем магазине, и иногда и больше — зато с преприятнейшим чувством, что он не мот и, упаси Боже, не простаки.

Но ни цветочные магазины, ни тем более летучие голландцы не принадлежат к настоящим китам растениеводческого сервиса. Настоящий кит — это отдельный большой рассказ.

В один прекрасный день на пустыре у оживленного перекрестка близ Тель-Авива выгрузили высоченные пальмы. На завтра эта живая реклама уже осеняла небо, словно тут годами произрастала, а под нею возник

каркас ангара из металлических труб. На третий день каркас покрыли виниловой пленкой. Начали ставить второй ангар. Затем ангараы начинили ящиками с рассадой. На задах этого хозяйства ревели самосвалы, ссыпая тонны компоста, похоже, для цветочных горшков всего Ближнего Востока.

Месяца через два число ангараов достигло пяти. В них торговали: комнатными и садовыми растениями, разными сортами газонной травы, декоративным кустарником, декоративными и плодовыми деревьями, а также удобрениями — химическими и органическими, чистыми и в сложных смесях, в больших мешках и маленьких узелках. Торговали еще и цветочной посудой, гончарной, пластмассовой и стеклянной. Для школы, для дома, для семьи. Торговали еще и всевозможными цветочными подставками, а также крюками в таком количестве, что на них можно было повесить не только торговцев-единоличников, но все торговые коллективы.

На этом этапе появившийся на свет кит полностью вошел в тело, но еще не исчерпал своих возможностей. Через полгода он ускорил бег к миллионным оборотам, загребая деньги двумя новыми плавниками: плетеной мебелью и декоративным камнем.

Через год, на следующем перекрестке, в двух километрах от первого, у кита появился двойник.

Надо заметить, что в полукилометре от каждого из китов, еще до них резвился кит поменьше, назовем его дельфином.

Теперь, я думаю, ясно, что у нас не обязательно быть цветоводом, чтобы увить свое жилье всем, что способно виться. Подъехав к каким-нибудь очередным ангараам и погуляв по их ботаническим садам, вы тычете пальцем в понравившееся вам растение, не спрашивая его названия. Кувшин или горшок, отобраный под него, вам тут же наполняют некоей сложной земляной композицией и пересаживают в нее вашу покупку. Завертывают некую химию, которой полагается удобрять и опрыскивать растение — про-

дали бы и воду для полива, да жаль, у вас у самого свой кран.

Но есть еще и магазины хозяйственных товаров. Они снабжают вас (за деньги, и немалые) садовым инвентарем — от первобытной лопаты до компьютерной сети автоматического полива. Не забудем и о книжных лавках, которые предлагают всевозможные руководства для цветовода-любителя. Мэрии и муниципальные советы держат специальные садовые отделы, чтобы как-то ввести в берега эту растениеводческую стихию.

Вот что кроется за уголком любителя-цветовода на задворках израильской газеты.

Стоит спросить, чем объясняется этот ажиотаж вокруг цветочных горшков и кадок. Вокруг личных садов и садиков.

Говорят — мода. Говорят — обуржуазились: слишком много денег у слишком большого количества людей.

Так-то оно так, но, поездив по арабскому западному берегу Иордана, я стал смотреть другими глазами на газон под окнами израильянина и на культ цветочного горшка в его квартире.

Там я увидел нагой, неокультуренный с библейских времен материк и с пафосом, надеюсь, простительным для новичка, записал по свежим впечатлениям:

”Километры без малейших признаков жизни. Ни капли воды. Небо и камень. Раскаленные надолбы синих скал. Россыпи белого вулканического шлака. Над петляющей по обрывам дорогой хранят зыбкое равновесие вулканические бомбы, как судьба, которая с равной вероятностью может помиловать или казнить.

Какое-то грандиозное кладбище, где истлели все завоеватели. Только и осталось, что белые каменные кости, синие скальные надгробия, да рыжие заросли живой колючей проволоки.

С непривычки становится не по себе. Хочется назад, в долину, к морю. Возвращаешься, как в райский сад — да это и есть райский сад: цветы, как тропические

птицы, и птицы, как тропические цветы.

Но под ногами у тебя все тот же мертвый материк. И при мысли о тысячелетнем кладбище, спрятанном под растениями, зябко становится на тридцатиградусной жаре.

И, хотя тут почти ничто уже не напоминает о пустыне, хочется придавить ее последние следы тяжелым зеленым щитом, чтобы снова не выглянула на поверхность. Или завести, по крайней мере, свой личный зеленый талисман от праха вечности”.

Сейчас, спустя много лет, мне крайне неловно за напыщенные излияния нового репатрианта. Однако и много лет спустя я по-прежнему думаю, что бизнес, кроющийся за газетным уголком цветовода, процветает не только благодаря брюшку израильского общества, но и благодаря здоровому инстинкту его души.

БЕЛЫЕ ФОРМУЛЯРЫ И ЖЕЛТЫЕ ЦИРКУЛЯРЫ

Новые репатрианты, отписывающие своим далеким близким насчет израильской бюрократии, наивно полагают, что бюрократ — это коренной израильтянин, поставленный портить настроение коренному еврею, прибывшему на историческую родину.

Такое мнение должно быть очень обидным для бюрократа. Оно крайне сужает его функции и ограничивает компетенцию. Ему куда приятней посмотреть на свою могучую фигуру, нарисованную пером публициста Ахарона Бахара.

В статье под названием "Болезнь Паркинсона" Бахар (он еще объяснит, при чем тут Паркинсон) начинает не спеша:

"Возьмем любого канцеляриста. В одно прекрасное утро канцелярист неизбежно приходит к выводу, что он завален писаниной. Ему не под силу тащить такую обузу. Что делать? Одно из трех: либо уволиться, либо свалить пол-обузы на коллегу, либо потребовать себе двух помощников.

Уволиться? Хотел бы я видеть чиновника, готового освободить место добровольно. Хотел бы я посмотреть и на его коллегу, который согласился бы тащить хоть осьмушку чужой обузы. Что же остается? Требовать помощников!

Но почему именно двоих? А потому, что если с работой сладит один помощник, то велика ли обуза. Почему с ней не справился сам канцелярист? Очень

тонкий вопрос. И начальник канцеляриста может плохо подумать о своем подчиненном, и помощник канцеляриста может слишком возомнить о себе. Поэтому без двух помощников никак нельзя. А что до дела, так одному дадим разбираться с белыми формулярами, другому — с желтыми циркулярами. Тогда оба поймут, что только сам канцелярист способен разобраться и в тех и в других бумагах. Еще бы! При двух помощниках он уже не просто канцелярист, а шеф, начальник.

Вы, конечно, подумаете, что таким образом происходит раздувание государственного аппарата и увеличивается число бездельников. Вы, конечно, ошибаетесь. Бюрократия тем и хороша, что, чем сильнее она разбухает, тем больше у нее работы. Вопреки всем злостным анекдотам насчет сплошных чаепитий в государственных учреждениях, нашим двух новым помощникам бывшего простого канцеляриста, не до чая. Нет времени разогнуться. Одному над белыми формулярами, другому — над желтыми циркулярами.

Может ли узкий специалист по формулярам один тащить на себе такую обузу? Конечно, нет. Что же ему делать? Этот вопрос уже подробно разобран на примере бывшего простого канцеляриста. Из разбора вытекает, что специалисту по белым формулярам несдобровать, если он не потребует себе двух помощников.

Но в таком случае, что сделает его коллега, специалист по желтым циркулярам? Тоже потребует и тоже не меньше двух. А как отнесется к их требованиям бывший простой канцелярист, ныне довольно большой начальник? Конечно, горячо поддержит их требования. Ведь это так естественно, и по-человечески и по-канцелярски: сейчас он начальник над двумя помощниками, а благодаря их справедливым требованиям станет совсем большим начальником. Целых четыре помощника! Причем два из них в ранге довольно больших начальников над двумя простыми канцеляристами.

Словом, чем больше помощников, тем крупнее получается начальник. Он уже не разговаривает с публикой. Не разговаривают с публикой и восемь начальников под его началом. С публикой иногда разговаривают шестнадцать помощников по белым формулярам и желтым циркулярам. И это еще очень гуманно с их стороны”.

Изобразив разрастание бюрократии в геометрической прогрессии, очень смахивающее на размножение амебы путем деления, Бахар переходит к руководящей верхушке.

”Когда выросший из помощников начальник достаточно укрупнится, его заметит усталый взгляд заведующего сектором. Веки заведующего разомкнутся. У него, у заведующего, только четыре заместителя, а лучше бы пять. И вот подходящий кандидат. Конечно, подходящий — иначе он никогда бы не возник в поле зрения заведующего.

Не повысили бы до такой степени, имей он хорошую голову на плечах: бывшие канцеляристы не продвигают помощников умнее себя. Лучше всего продвинуть дурака. На фоне пустого места начальник, того и гляди, сойдет за умного”.

Вы вправе спросить, как соотносится эта картина с действительностью. Отвечу: как злая карикатура с оригиналом. Свою карикатуру Бахар посвящает профессору Паркинсону — автору знаменитого ”Закона Паркинсона”. Эта книга переведена на русский язык. Именно из нее я узнал в свое время о бюрократе как о центральной фигуре государственного управления на Западе. Что касается лагеря, противостоящего загнивающему Западу, то там мы не слыхали о бюрократах, разве что когда проходили Маяковского. Бывало, кое-где, в отдельных случаях нам доводилось слышать про иные пережитки, однако настолько безобидные, что искореняли их уже не поэты-самубийцы, а процветающие конферансье.

Ахарон Бахар не поэт и не эстражник. Он, если хотите, газетный трибун. Он по должности бичует язвы

общества. А беззубой демократической еврейской бюрократии даже льстит, что ее замечают в прессе.

Вот Бахар и пишет:

”Способным работникам остается либо уволиться из аппарата, либо притвориться круглыми идиотами и нарочно вносить дурацкие предложения, чтобы начальство их заметило и повысило.

В итоге, если вам по какой-либо причине требуется пойти в какое-нибудь учреждение, вы оказываетесь в положении человека, бесплодно слоняющегося по коридорам, от одного кабинета к другому. За одним столом сидит истинно пустое место, за другим — прикидывающееся пустым. Вы, естественно, приходите к мысли, что надо добиваться приема у заведующего, того самого, который уже не принимает публику. Путем невероятных ухищрений вы к нему все-таки попадаете. И тут оказывается, что ”босс” смыслит в своем секторе меньше всех подчиненных, вместе взятых.

О, если бы он только и делал, что сидел и чесал затылок! Но нет. Как у каждого матерого канцеляриста, у него не найдется свободной минутки, чтобы со вкусом выпить свой стакан чаю. Вред от его трудов неописуемый. Словом, готовый кандидат на повышение в центральный управленческий аппарат”.

Что для него, кандидата на повышение, готового потопить целую страну в разноцветных чернилах, значит наш брат — новый репатриант?! Поднимай повыше!

СВИДАНИЕ В ТЕЛЬ-АВИВЕ

Выходящая в Израиле на русском языке газета "Наша страна" регулярно печатает списки разыскиваемых родственников, друзей, знакомых. Словно только что кончилась Вторая мировая война с ее разоренным человеческим муравейником, когда уцелевшие подавали голос через газеты — авось кто-нибудь да откликнется. Теперь, спустя тридцать с лишним лет, эти отчаянные голоса в аккуратной типографской рамочке выглядят на газетной полосе так же обыденно, как прогноз погоды. В нашем безумном, безумном мире чуть ли не половина его обитателей давно привыкла к тому, что частной почтовой перепиской заведует не почта, а тайная полиция, и не дай Бог иметь родственников за границей, а тем более писать им. Если в зрелом и даже очень зрелом возрасте вы можете себе наконец позволить вслух поинтересоваться, жива ли тетя Маня, беглая троцкистка, вы воспринимаете это как большой и, может быть, даже незаслуженный подарок. Вы принимаетесь судорожно разыскивать тетю Маню или еще судорожнее наводите справки о Шоломе, родном брате, от которого лет сорок тому назад с негодованием отказались как от сиониста.

Очень страшная вещь, если подумать. Но кому это охота думать...

Массовые поиски пропавших родственников часто приводят к неожиданным результатам. В Израиле

фантастические встречи — такое же заурядное явление, как сама фантастическая еврейская судьба. Десятки людей ежедневно находят друг друга, иногда самым невероятным образом. Чтобы местная газетная хроника тиснула фото одного из таких случаев, он должен быть совсем уж из ряда вон выходящим, вроде рождения тройни. На смазанном, как обычно, газетном снимке, герои встречи, по-видимому, улыбаются среди отчетов о вчерашнем заседании правительства, краже бриллиантов и приезде в Израиль Элизабет Тейлор.

Кстати, встречи бывают не только с живыми, но и с мертвыми, и я позволю себе сослаться на свой опыт, чтобы пояснить, о чем идет речь.

Мне тоже посчастливилось "воссоединиться", хотя я искал не родственников, а искал деньги на покупку автомашины.

Надо заметить, что из-за пресловутых льгот на разные мирские блага репатриант из СССР начинает свое знакомство с Израилем, так сказать, с черного хода, со всяких благотворительных обществ. Помощь неимущим — одна из традиционных функций галутной общины. В Израиле выстроен громоздкий механизм государственной социальной помощи, однако галутная благотворительная касса не спешит сдавать свои позиции, действуя при землячествах, синагогах и даже похоронных обществах. А коль скоро касса существует, отчего бы не потрясти перед ней пустой кружкой бедняку, остро нуждающемуся в стиральной машине "Вестингауз" и автомобиле "Альфа-Ромео"? Освоившие эту жилу передают опыт ее разработки новичкам. Каждый заезд репатриантов рождает своих ударников, которые, по слухам, владеют засекреченным полным списком благотворительных источников, вызывая черную зависть у отстающих собратьев. Как только вы обживетесь, вы напрочь забудете о душевнораздирающих страстях, а если и вспомните, то со снисходительной усмешкой. Но пока — какой смех, когда в витринах сплошной импорт, а в кармане, извиняюсь, ни шиша.

Найдя работу чуть ли не на второй день после приземления в Лоде, ваш покорный слуга оставался большим гордецом, пока дело не дошло до покупки автомобиля. Тут я и вспомнил про завалявшуюся у меня записку с адресом какой-то благотворительной кассы и рекомендацией выдать подателю записки денежную ссуду.

Советский человек твердо знает, что учреждение должно помещаться в учреждении, а не в частной квартире. Найдя по адресу искомый дом, я обошел конторы нижнего этажа. Их характер был очень далек от благотворительного. Тогда я заглянул в парадную и в списке жильцов, к своему удивлению, увидел значившуюся на записке фамилию.

Поднявшись на первый этаж и позвонив, я долго стоял перед негласной дверью, с виду ничем не отличавшейся от других. Наконец послышались такие звуки, как если бы в квартире волокли по полу мешок. Дверь приотворилась, и я увидел перед собой старика-инвалида, уцепившегося за притолоку.

Это и был директор-распорядитель общественной благотворительной кассы. У русских в таких случаях говорят "вот тебе, бабушка, и Юрьев день", что говорят у евреев, я, по своему невежеству, не знаю.

В то время я также очень мало понимал в векселях, жирантах и гарантах. Поэтому старик начал с лекции, которой он угощал, по-видимому, всех просителей, впервые попавших в мир кредита. Опустив описание того, как разбитый параличом директор добрался до своего кресла, умолчу и о его нечленораздельной речи. Скажу только, что все это было в высшей степени противно и еще более утверждало меня в моих типично советских мыслях о том, как все-таки унижительно стать жертвой большого капитала и его мелкой благотворительности. Как все-таки жестоко ущемляют тут наше достоинство. При покупке автомобилей на чужие деньги.

Мало того, что старик меня сурово поучал, он еще выпрашивал совершенно не относящиеся к делу

вещи: есть ли у меня жена, много ли детей мы с ней народили и откуда именно я приехал из Союза, поскольку и сам он из России. Меня так и подмывало плюнуть и удрать. Но, когда вас долго мучают, вы начинаете любить свое мученье. Вместо того, чтобы выскочить за дверь, когда наконец можно было уходить, я остановился и спросил: "Вы тоже из России? Откуда?"

— Вы не знаете такого места, — промычал старик.

— А все-таки? — не унимался я.

— Из Освея, — выговорил он.

Я сел на стул.

Старик был прав. О таком месте, как Освей, не слышали, я думаю, и члены Российского географического общества. Но в нашей довоенной рижской квартире стоял огромный стол резного дерева, покрытый вместо клеенки вошеной бумагой с планом земель, — все, что осталось у моего деда от его имения. В правом верхнем углу этого плана большими буквами с красивыми завитушками было выведено: "Освей".

В восемнадцатом году дед бежал от большевиков в Ригу. Тогда меня еще и на свете не было. И вот в тысяча девятьсот семьдесят пятом, спустя более полстолетия, я сижу в Тель-Авиве в квартире, куда попал каким-то чудом, и говорю ее диковинному хозяину:

— Раз вы из Освея, может быть, вы знали там Иуду Каема?

Если при упоминании Освея озноб пробрал меня, то теперь затрясся старик. Я думал его снова хватит удар.

— Откуда вы знаете Каема?!..

— Я его внук.

У себя в Освее купец первой гильдии был, конечно, фигурой. Но почему и в Риге, в свой последний, нищий период жизни дед пользовался почетом, не знаю. Помню только, что в синагоге, куда он водил меня, приобщая к еврейству, на меня смотрели многозна-

чительно и, понижая голос, говорили: "Иуде Каемс а эйникл!" — "Внучек Иуды Каема!".

Продолжая трястись, старик протянул ко мне парализованную руку и осторожно меня погладил, словно перед ним находился маленький мальчик.

— Иуде Каемс а эйникл...

Ей-Богу, он это произнес. Именно так, как мне говорили полвека тому назад на идиш. Словно внезапно забыл иврит.

Тут он спросил про Риву. И у меня еще страшной заглодело сердце:

— Вы ее помните?!..

— Я ее рисовал. Она была тогда очень молодой девушкой, а я — очень молодым человеком, и я ее рисовал. А когда нарисовал, преподнес ее портрет Иуде Каему.

Лица матери я не помню. Оно не приходит ко мне ни во сне, ни наяву. Помню, как она вела меня, шестнадцатилетнего, к двери, чтобы бежал, спасался от немцев, а ей бежать нельзя было. Нельзя бросить дедушку. Вижу ее волосы, прилипшие к мокрому от слез лицу, а лица не вижу. Может, в наказание за мое предательство, за то, что, спасая себя, бросил мать, не вижу я все годы жизни ее лица, и только ровная тупая боль приходит ко мне.

Я могу, конечно, сказать вам, что дед умер своей смертью, скончался в рижском гетто до расстрелов, а маму убили в Румбуле. Но ведь можно сказать и иначе: до того, как я убежал от немцев, они были, а когда я вернулся, их не было. Вот и все.

Даже могил от той моей жизни не осталось. Потом дрогнула и исчезла моя вторая жизнь — советская. И вот в третьей моей жизни мои мертвые приходят ко мне.

Старик гладит мою руку и плачет, а я смотрю в окно на тридцатиградусный белый зной Тель-Авива и улыбаюсь механической улыбкой.

СКВОРЦЫ ПРИЛЕТЕЛИ

Неисповедимый путь внезапных массовых увлечений привел к тому, что с некоторых пор у нас появилось множество орнитологов-любителей. Старцы, юноши и дети едут в поле и часами наблюдают перелетных птиц.

В самом деле, есть на что посмотреть. Миллионы пернатых, от горных орлов до бакланов, зимуют в Израиле или останавливаются на отдых во время перелета. Помню раннее декабрьское утро в долине Бет-Шеана. С черных пальм брызнули фонтаны птиц. Они взмывали все выше и выше. Держа равнение и дистанцию, звенья этого крылатого парада то пронызывали друг друга по аэродинамическим кривым, то смещались молниеносными зигзагами, развертываясь по небу во весь горизонт. Воздух наполнился гулом, как от дальнего водопада. В пальмах распушлось зеленое солнце, и вдруг оно выплыло и превратило всю армаду в реюющие блески золота.

Это были обыкновенные российские скворцы. Они ежегодно летают в Израиль, не спрашиваясь ОВиРа, и зимуют на банановых плантациях долины Бет-Шеана. Банан растет там, где тепло и зимой. В долине температура не опускается ниже четырех градусов тепла даже в январе. Правда, часть скворцов выбирает не эту долину, а Иерусалим, где зимой ветрено и промозгло, а иногда и снежно. Как же зябкая птица спасается там от холода? Животрепещущий вопрос был

рассмотрен в радиообзоре "Еш иньян"* . Этот, можно сказать, капустник на злобу дня ведет журналист Габи Газит. Газит успел пройти насчет новых экономических мер, перемять косточки трем депутатам Кнесета и задеть одного министра, отчего пришел в доброе расположение духа и снисходительно-весело бросил приглашенному знатоку родной природы:

— Ну, так как скворцы?

Есть у Газита такая довольно бесцеремонная манера любимца публики. Знаток природы не обиделся и заговорил с жаром, достойным Паганеля. Скворцы в Иерусалиме вовсе не мерзнут. Это чрезвычайно сообразительная птица: она облюбовала старые акации вокруг одной из Иерусалимских котельных и наслаждается ее теплом. Их там тьма, российских скворцов — вокруг котельной больницы "Шеарей цеддек".

В этот момент Газиту, по-видимому, сообщили прямо в студию новость, еще не попавшую в сводку последних известий. "Шеарей цеддек"?.. — переспросил он изменившимся голосом и прервал передачу со словами: "Передаю микрофон нашему корреспонденту в Иерусалиме".

Студийную тишину прервала лавина уличных шумов. Крики, скрежет битого стекла, лязг железа. Нам эти звуки, к несчастью, так хорошо знакомы, что сердце обрывается раньше, чем срабатывает мысль. "Как это произошло? — прорезался голос репортера. — Что вы успели заметить?" Ему отвечал голос слабый и невнятный, точно спросонья: "Взрыв. Больше ничего я не помню".

Через десять минут из сводки последних известий мы узнали: четверо убитых, тридцать семь раненых, из них десять — тяжело. Бомба взорвалась под сиденьем в центре переполненного автобуса восемнадцатого иерусалимского маршрута. Ответственность приняли на себя обе группировки расколовшейся Организации освобождения Палестины. Как предста-

* "Это интересно".

вители Арафата на Кипре, так и представители Абу-Мусы в Дамаске сообщили, что взрыв был организован их людьми. Согласно их же сообщениям, в Иерусалиме взорвана израильская военная машина. По священным правилам западной журналистской этики, израильское радио передало и нашу сводку, и версию противника, при этом без всяких комментариев: нельзя давить на публику, ее право знать обе версии и самой в них разобраться.

Сводка последних известий закончилась сообщением, что взрыв произошел близ больницы "Шеарей цеддек", куда сейчас доставляют пострадавших.

Если бы скворцы из Омска и Калуги умели говорить, они рассказали бы в России, что происходит возле израильских больниц после каждого террористического акта. По пандусу приемного покоя санитары катят вверх все новые и новые тележки с банкой физиологического раствора в поднятой руке бегущего рядом фельдшера. На тележке нечто вроде тюка, накрытого простыней. Сторожа, сестры, посетители со всех ног бросаются помогать санитарам. Глаза и рты у людей вокруг тележки, подскакивающей на неровностях асфальта, как у бегунов на последних метрах перед финишем, а финиш — в глубине приемного покоя, где уже раздернута занавеска перед пустой койкой реанимационного отделения. Койку рядом уже облепили халаты, и в просвете между ними — страшно скосить глаза, а тянет, как магнитом, — обожженное, окровавленное тело.

Чтобы представить себе эту картину, нам здесь не надо не только рассказа о российских скворцах, но даже кинорепортажа в нашем вечернем выпуске телевизионных известий. Так что зря Иордания спешит услужить нам, показывая эти сцены за полтора часа до нас. У диктора иорданской передачи темные очки слепца. Унылый вид и унылый голос. Палестинские партизаны уничтожили в Иерусалиме израильский военный автобус, доложил он безучастно. Подождав, пока с экрана исчезнет горелый остов автобуса, то ли

гражданского, то ли военного — разобрать нельзя, так ловко обрезан материал, — диктор столь же безучастно сообщил об инциденте в Париже. Выдающийся французский поэт-еврей в знак протеста покинул зал, где выступал посол Израиля, назвавший борцов за освобождение Палестины террористами.

...Одну из четырех жертв взрыва еще не опознали: разорвало на куски. Пройдут сутки, прежде чем узнают имя. Три другие известны. Семидесятилетний старик. Две девочки, девяти и четырнадцати лет. К ним прибавится еще пятая — пятнадцатилетняя сестра одной из погибших. Она умрет в больнице спустя два дня.

Старик был одинок, как перст. Никто не проводит его, кроме служителей погребального общества. На похороны девочек соберется море людей. Толпа захлестнет двух матерей, близких к обмороку, подхватит их под руки и, толкаясь, сбивая их с ног, понесет по неумолимо прямой дорожке. Организация Объединенных Наций выдаст Арафату гарантии его личной безопасности при эвакуации из Бейрута. Французский поэт-еврей останется при своем мнении. А скворцы — что с них возьмешь — отойдут за ночь от сегодняшнего переполоха. Отогреются у больничной трубы и чуть свет взмоют вверх, на воздушный парад над Иерусалимом. Затем каруселью спустятся в "Шеарей цеддек". Что, кстати, означает "Врата справедливости".

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Карпов я покупаю на знаменитом тель-авивском рынке — "шук ха-Кармел", под навесом из рваного брезента, в ряду щелей, набитых мясом, ботинками, овощами и душераздирающим галдежем.

Подтравленный бензином зной еще более нестерпим в тени, чем на солнце, где над гирляндой пыльных навесов, над раскаленным нагромождением домишек, среди которых тянется рынок, зияет единственный лик вечности, доступный человеческому глазу: горячее пустое небо.

Щель рыбной лавки почти всегда обозначена толпой, но пугаться обилия покупателей не следует. Не следует и спешить протискиваться к садку — хотя бы потому, что спешить под этим небом во всех случаях жизни столь же бесполезно, столь и бессмысленно.

Живая рыба в садке привлекает и любознательных подростков, и бледных пожилых дам с гримаской тоски по европейскому климату, и нервных стариков, на всю жизнь испуганных событиями своего века. Подростки оцепенело смотрят в садок, старики и дамы переминаются с ноги на ногу, стараясь не допустить себя до истерики и не догадываясь, что время для хозяев лавки не имеет никакого значения, да и сама рыботорговля, пожалуй, тоже.

Потная толпа ошалело и покорно тушется перед огромным мужчиной в фартуке и его не менее огромной женой, подавленная одним видом этих двух

глыб сизой бронзы, вскормленных на перченом рисе и моркови, сладком мясе и соленых фисташках. Загадкой остается не только, как они умещаются в своей щели, но и когда закончат сводить между собой какие-то счеты. Муж ухмыляется, жмурясь, как старый персидский кот, и косясь на жену, которая, не глядя ни на кого, злобно швыряет с места на место рыбы потроха и кропит публику брызгами зеленой слизи.

Ее так же явно возмущает безделье мужа, как его забавляет энергия жены, но, судя по всему, каждый из них волен делать что ему угодно, лишь бы не командовал другим.

Тем более, не указывайте им и вы. Не вздумайте предложить им пошевеливаться. Не задевайте даже тишайшей просьбой заняться, наконец-то, делом. Они вас запросто сотрут в порошок. Кто вы такой, чтобы тут командовать? Вы мелкие пешки для этих двух фартучных животов, двух военных башен, отстаивающих перед всем светом — но, в первую очередь, друг перед другом — свое незыблемое, неприкосновенное достоинство. Свой "кавод".

Они напрашиваются на драку не по злобе, а в силу тысячелетней гордыни, которую можно втиснуть в щель и вымазать рыбьей кровью, но нельзя ни убить, ни сжечь, ни утопить. Она неистребима, как горячее пустое небо, зияющее над кромкой навеса и перевидавшее не только множество пышных базаров, но и сгинувших городов.

Зной под навесом заряжается грозovým электричеством, и внезапно, как взрыв, муж и жена накидываются друг на друга.

Раздув щеки и вылупив в иступлении глаза, они мечут друг в друга ядра криков, садят друг в друга тараны длинных арабских ругательств, распаляют в себе экстаз, захлебываются от удовольствия, а наивная публика думает, что тут недалеко до убийства.

Дамы и старички сначала отшатываются, затем, потеряв всякую надежду купить рыбу, рассеиваются,

и я оказываюсь в полном одиночестве у заветного садка.

Это мягое цинковое корыто, где карпы с зелеными спинками и оранжевыми боками мерцают в черной воде, словно слитки затонувшего в море золота.

Накричавшись досыта, муж, как ни в чем не бывало, ухмыляется и жмурится. У жены еще свирепо закусена губа, вулканоподобные груди еще колышутся, но лицо у нее удовлетворенно остывает. Оба чувствуют себя победителями, так что до следующего нарушения перемирия можно и карпа взвесить.

Муж ловит скользкий зелено-золотой брусок и швыряет жене. Жена шлепает его на весы и хватает дубинку. Раздается тупой хряск. Толстые бронзовые пальцы гребут из распоротого брюха потроха. Карп скользит в полиэтиленовый мешок, надутый прозрачной водой из-под крана. Мешок перелетает по воздуху мужу в фартук, а оттуда уже поступает ко мне. Пока я отсчитываю бумажки в огромную ладонь, ее обладатель равнодушно смотрит в вечность. Туда же уставилась и его жена.

Они смотрят в разные стороны, благо небо большое.

Этот недолгий антракт вводит в заблуждение публику, и она снова скапливается у щели.

Простодушно полагает, что тут торгуют рыбой.

КАЙЗЕРОВСКАЯ КАСКА ДЕДУШКИ

Прозвище бывших немецких евреев в Израиле — "йекес". Его придумали евреи Восточной Европы, разговаривавшие на идиш. Я не знаю идиш, и семантика клички мне неизвестна. Сабры истолковали ее по-своему. Как аббревиатуру ивритских слов: "иеху-дим кшей авана" — "евреи-тугодумы". Здравствуй, племя молодое, незнакомое! Поди докажи ему, что один такой "тугодум" придумал теорию относительности, другой изобрел психоанализ, а третий — сообразил наслать на мир призрак коммунизма.

Не говоря уже об авторе утопического сочинения "Альтнойланд", то есть о Герцле, которому сабры обязаны тем, что они сабры.

Но вернемся к "йекес". Они не остались в долгу перед изобретателями своей клички и прозвали евреев Восточной Европы "ост-юден", восточными евреями. Как и полагается носителям европейской культуры, немецкие евреи придумали прозвище для своих соплеменников из славянских земель по объективному географическому признаку. Хотя если немножко покопаться, легко выкопать из-под "ост-юден" азиатов, то есть дикарей. Дело давнее, и стороны, кажется, уже квиты. Все же нашелся один тугодум, который только теперь вспомнил, что ему следует возмутиться своим прозвищем, и подал жалобу в "Багац".

"Багац" — это "бет-дин гавоа ле-цеддек", высокий

суд справедливости. Вы о такой инстанции не слыхали. Она поставлена защищать человека от властей. Если вы гражданин Израиля, это еще не значит, что родному еврейскому государству позволено закручивать на вас гайки и в своих интересах ущемлять ваши права. Вы считаете, что власти вас обидели — езжайте в Иерусалим в канцелярию Верховного суда и, уплатив символическую сумму, подавайте жалобу в "Багац". В отличие от других судебных инстанций, которые годами мурыжат дела, этот суд соберется в считанные дни, а иногда и часы, чтобы рассмотреть вашу жалобу на правительство Государства Израиль или на любое государственное учреждение.

Адвокат не всякому по карману — в "Багаце" можно и без него. Остается вопрос, насколько практика высокого суда справедливости оправдывает его название. Недавно этот суд вынес решение против собственного правительства в пользу жителей территорий, которые, с точки зрения международного права, находятся под оккупацией Израиля. "Багац" удовлетворил иск самарийских арабов-землевладельцев, обязав Государство Израиль в течение тридцати суток эвакуировать созданное на землях истцов поселение Эйлон-Море.

Для высокого суда справедливости не имеет значения, кто вы и откуда, если в отношении вас государство нарушило свои или международные законы, оно будет призвано к ответу. Коль скоро вы просите защиты, суду также неважно, пришли ли вы с делом, имеющим огромные политические последствия, или с жалобой, которая звучит скорее как анекдот.

Так и получилось, что наряду с делом о землях в Эйлон-Море суд рассмотрел жалобу одного раввина на израильское телевидение.

Истец просил запретить демонстрацию нового документального фильма.

Мотив: фильм называется "Йекес", что сильно оскорбляет чувства истца, бывшего немецкого еврея.

Решение: жалобу отклонить.

Раввину не повезло: судья, разбиравший его жалобу, оказался тоже бывшим немецким евреем. Он заявил обиженному земляку, что, будучи истым "йеке", считает свое прозвище не только не оскорбительным, но весьма почетным; чем-то вроде родового герба. Он рад, что про "йекес" наконец вспомнили и сделали фильм. Он посмотрит его с огромным интересом.

Я тоже смотрел этот фильм, и тоже с огромным интересом. Он сделан сыном немецкого еврея, вместе с другими "йекес" бежавшего в тридцатые годы от Гитлера в Палестину. Здесь у них выросли дети и внуки. "Йекес" состарились, и картина исполнена сыновней нежности к своим старикам.

Вместе с тем фильм раскрывает драму еврейского эмигранта, привязанного всеми фибрами души к отторгнувшей его земле и культуре.

Автор фильма не стал упрощать проблемы. Ему нетрудно было бы показать, что репатрироваться не только хорошо, но и выгодно, что обрести родину легко и просто, напиши он лишь иной комментарий к кадрам. Посмотрите, мол, как устроились в Израиле старые "йекес"! Превосходные кибуцники, отличные фермеры, выдающиеся профессора, богатые коммерсанты. А какие виллы, библиотеки, мебели и даже белокурые болонки на гобеленовых кушетках!..

Но, приглашая зрителя в одну из очередных вилл, автор просит обратить внимание не на ее роскошь, а на ее стиль, на контур ее черепичной кровли. И зритель видит на израильской улице фрагмент немецкого архитектурного ландшафта. Собравшееся под этой кровлей общество разговаривает на изысканном немецком языке и, музицируя, исполняет под аккомпанимент концертного рояля шубертовские и иные "лидер".

Фильм был показан в Западной Германии. Немцы не поверили своим глазам: в Израиле конца семидесятых годов — натуральные берлинские салоны начала века!..

Автору-сабре это кажется дикостью. Мне это кажется неизбежностью, которая в случае с немецкими евреями так бросается в глаза лишь в силу фундаментальности немецкого воспитания. Фильм, в сущности, о нас всех, собравшихся здесь со всего света. Не исключая, конечно, и меня, "ост-юде", привезшего в Израиль полную подписку гослитиздата. А как же иначе? Каждый везет свое. Лоточник из Ирана показал мне однажды свою главную реликвию: медный самовар в бляшках цветного стекла. В фильме "Йекес" бабушка из Берлина, раскрыв семейный альбом, с гордостью показывает внучке кайзеровского кавалериста в остроконечной каске. Какой красивый у покойного дедушки головной убор! Мой гослитиздат затрепан, самовар лоточника завернут в ветошь. Альбом немецкой еврейки словно вчера переплели, а сегодня впервые развернули. Обращение разное — отношение одно.

И все-таки, когда старые "йекес" в фильме начинают вспоминать невзгоды своих первых лет в Палестине, нельзя не поразиться: то же самое, что говорили они тогда, сегодня сплошь и рядом можно услышать от новых репатриантов из СССР. Оказывается, мы лишь повторяем жалобы полувековой давности, причем слово в слово. "Не та природа, не те порядки, не то окружение". "Местные игнорируют новоприбывших". "Приехал цвет культуры (тогда — немецкой, сейчас — советской), хочет внести вклад, а "им" не надо". "Кругом "ост-юден" с их жуткой примитивностью, разболтанностью и криками вместо дела". Как видите, азиаты всегда портили нервы европейцам. С той лишь разницей, что у еврея из Союза в дикарях ходят его соплеменники из Азии и Африки, а у немецкого еврея в дикарях ходили азиаты из России. То есть мы с вами.

Время, однако, лечит людей, и "йекес" в фильме с улыбкой вспоминают свои былые переживания, о которых, впрочем, они и по сей день рассказывают не на иврите, а по-немецки.

Нам показывают директора хайфского зернохранилища. "Йеке", он подобрал всю администрацию из немецких евреев и создал с их помощью образцово-показательное предприятие, которое работает как часы.

Немецкие евреи, говорит он, все делают идеально. Они разговаривают между собой по-прежнему на немецком, лишь потому что не знают в совершенстве иврита. Не то, что "ост-юден". У тех каждый владеет по меньшей мере двадцатью языками и ни на одном не говорит правильно.

В этом последнем замечании что-то есть. Но не тут зарыта собака. Недавно телевидение показало другой документальный фильм — об Александре Пене. Был такой красавец-юноша из Сибири. Приехал в Палестину в двадцатых годах. Владел ивритом так, как не владеют сабры с филологическим образованием. В силу возраста любил женщин, в силу происхождения хлестал водку, а в силу иллюзий был коммунистом. На своем блестящем иврите писал лирические стихи и политические поэмы. Сабры не оценят, если я скажу, что Александр Пен привез в Палестину кое-что от Маяковского и многое от Есенина. Но сабра, сделавший фильм о Пене, и тот уловил, что у знаменитого израильского поэта были две родины.

Эмигранта часто сравнивают с пересаженным растением. Под моим окном растет фикус. Не российский фикус в кадке, а огромное дерево, привезенное евреями в Палестину не то из Австралии, не то из Чили. Чтобы прижиться на новом месте, оно выпустило из кроны воздушные корни и ввинтилось ими в неподатливую, чужую поначалу землю.

Человек, однако, не фикус. Одни способны на огромное личное усилие, необходимое, чтобы заново обрести родину, другие не способны. Освоение языка — существенная часть этого усилия.

Фильм о "йекес" исследует и эту часть. Авторы не выставляют отметок за поведение, а пытаются разобраться в жизни. И приходят к выводу, что типичный

случай — как раз директор хайфского зернохранилища, а не Александр Пен.

Еврей из галута до окончания жизни будет сидеть в своих микро-Германиях или микро-Россиях, микро-Алжирах или микро-Тунисах. Это знала и зафиксировала Библия, сверхъестественная хотя бы потому, что в отличие от всех эпосов она никогда не льстила своему герою — еврейскому народу — и не приукрашивала его. Согласно Библии, и эмигрантам, вышедшим из Египта, не дано было освободиться от оков прошлого.

РАЗБИТЫЕ ШАБЛОНЫ РОДИНЫ

Итак, седьмая ступень двадцатого века отгорела, и малоуправляемая ракета человечества кувырком покатилась в восьмидесятые годы под грозные аккорды из американского научно-фантастического кинобоевика "Борьба миров". Газеты, радио, телевидение выплеснули на израильтян обзоры политики, экономики, демографии, искусства, спорта, моды — чего угодно за истекшие десять лет. Энергетический кризис, голод, террор, локальные войны и глобальный тоталитаризм. Крестовый поход ислама. Американские заложники в Иране и советские в Афганистане.

Есть чем наполнить ушат пессимизма, которым так любит окатывать себя неустойчивый еврейский оптимизм.

Газеты упомянули и мир с Египтом, не слишком задерживаясь на нем, чтобы не вносить диссонанса в общую мрачную картину. Цифра 150 тысяч — число репатриантов из СССР — тоже могла бы слегка утеплить морозный воздух, и поэтому тоже промелькнула незаметно. Тем более, что конкурс на почетное звание родины советского еврея сейчас вроде бы выигрывает Америка. Может, в Соединенных Штатах больше сионизма? Видимо, да. А дефицит сионизма в Израиле налицо. На него указали в новогоднем телеинтервью четыре ученых репатрианта. Они предъявили крупный счет израильской публике. Но публика в последнее время занята еще более крупными счетами за бензин,

газ и электричество.

Газеты продолжают исправно вести бухгалтерию алии — сколько уехало, куда поехали, — но не тратят много эмоций на затруднения репатриантов в Израиле. Газеты, по-видимому, считают, что не стоит раздражать страну сплошных иммигрантов, и не то еще хлебнувших в свое время.

В самом деле, алия из СССР началась сразу после того, как нищая страна пересела из разбитых автобусов на подушки американских лимузинов и ринулась менять табуретку на датские мебельные гарнитуры. Некоторые материальные блага перепали и репатриантам из СССР, что немедленно возмутило старожилов, напомнив им продуктовые карточки и бараки, с которых начинали они. Почему им не пофартило, как советским евреям, с места в карьер снять пенки в Израиле?

Верно, что мы, репатрианты из Союза, проявили вполне здоровое желание сорвать свой куш. Но при этом нас сильно огорчила безыдейная погоня израильтян за материальным благополучием. Мы, конечно, тоже материалисты, но прежде всего идеалисты, и четыре наших ученых репатрианта начали с местной безыдейности, от нее перешли в другим вопиющим недостаткам и кончили общей картиной, которая, по их образному выражению, и в страшном сне не могла присниться.

Этот удачный образ напомнил мне другой страшный сон, о котором, пожалуй, стоит рассказать.

Дело было в первые месяцы после моего приезда в Израиль, в одном из тех казенных мест, по которым всем нам приходилось мыкаться на первых порах. Я сидел, балдея и от израильского лета, плавившегося в окошках-амбразурах, и от секретарши из породы смуглых газелей с непостижимо длинными ногами на модных колодках и с грудью, как распечатанный шоколад. Все в ней было умопомрачительно, от золотого изобилия браслетов, цепочек и колец до дикарского блеска улыбающихся черных глаз.

Надо было докатиться до предела бесчувственности, чтобы в присутствии такой жар-птицы спать, как спал мой сосед по скамье для посетителей. Он сердито сопел под грузом шляпы, жилетки и мятого пиджака. Что может присниться в такую жару да еще в таком компрессе из мокрого сукна, кроме кошмара? Как только секретарша выгарцевала из приемной, сосед, однако, проснулся. И заговорил, точно и не спал:

— Вы тоже новый репатриант? — зашептал он тоном заговорщика. — Ах, из России? Я, знаете ли, из Аргентины. Но Израиль ведь вам тоже не нравится?

Я не успел ответить: в этот момент вернулась секретарша, и у соседа тотчас захлопнулись глаза. На этот раз он спал долго, пока секретарша не вышла снова.

— Ну, конечно, вы недовольны, — схватил он меня за локоть, как только она удалилась. — Синагог здесь раз два и обчелся. Молящихся мало. Выйти на улицу нельзя, хочешь подышать воздухом — сиди дома да жди темноты!..

— Да, жара мучительная, — сказал я неопределенно.

— Вас мучает жара? — сосед сделал большие глаза.

— А меня оскорбляют вот такие девицы! Еврейки ходят голыми! Стыд и срам! Разве так мы с вами представляли себе еврейское государство?!..

Стыд и срам вернулся, сверкая улыбкой и звеня цепочками. Сосед тут же изобразил мертвый сон, и я опять не успел ему ответить. Сказать, что мы с ним действительно не так представляли себе еврейское государство.

По-разному мы его себе представляли.

Этот разговор, о котором я не могу вспомнить без смеха, помог мне открыть для себя простую вещь. В галуте у каждого еврея, сознательно или бессознательно, складывается свое личное представление о том, какой должна быть его родина. Еврей выстраивает себе свою личную модель Израиля. Репатририуясь, мы не только отправляем багаж, но и, сами того не подозревая, везем с собой свою модель. С первого же

шага мы начинаем прикладывать ее к Израилю. Модель, разумеется, совершенно отличается от оригинала. Все ваши ожидания разлетаются вдребезги.

Питаете ли вы относительно Израиля иллюзии или нет, рисуете ли себе страну по чужим письмам или по собственным догадкам — будьте готовы к тому, что все окажется не так. Израиль не может подойти ни под модель репатрианта из Союза, ни под модели репатриантов из любых других концов Земного шара: мерки у людей не только разные, но иногда и противоположные. Как и сами люди. Как и вся их прошлая жизнь.

То же самое происходит в любой стране, куда едет эмигрант. Есть, однако, великая разница между любой страной и Израилем, который, по определению, его родина.

Отсюда и другой характер разочарования и другой рисунок поведения.

ПИСЬМА

Получил письмо от знакомого, шесть лет назад собиравшегося в Израиль. Письмо пришло из Канады. Когда люди шесть лет ничего не слыхали друг о друге, естественно было бы начать со своего здоровья или поинтересоваться здоровьем адресата. Знакомый начал с географии: "Выбор наш случаен — просто ткнули пальцем в карту; одним словом, "прямки", как называют нас ваши газеты", — пошел он в атаку, едва уронив "здрасьте". — "Дурацкая кличка. В каком смысле "прямки"? Не свернули вниз и налево? Или поехали прямо туда, куда другие поедут потом? Что-то тут не додумано. Надо вам что-то ругательно-обидное? Ну, так придумайте, а не получается — рекомендую просто крыть матюгом".

С места в карьер, без всяких рукопожатий и объятий. Как будто я ему слово сказал. Такой взрослый, такой умный, такой инженерный человек. Ему ли не понимать, что после того, как он покинул "пределы", уже ни перед кем не нужно отчитываться. Так нет же! Отчитывается! Немедленно. Оправдывая себя нападками на нас.

Остается думать, что мучает его не кличка, вполне возможно, и дурацкая, а сам маршрут: "прямо", а не "вниз и влево". И хотя он ехидно потирает руки, намекая, что другие, те, кто его сейчас укоряет, еще последуют за ним, что-то не видно, чтобы это облегчило ему сердце.

Единственное, что можно сказать ему в утешение — он не одинок. Было время, когда география заботила извозчиков, а теперь она мучает евреев. Мучает во всей диаспоре, и в Израиле тоже. Здесь далеко еще не преодолены галутные центробежные силы, веками носившие нас по свету.

Смотрю телеинтервью с израильской камерной певицей Мирой Заккай. Текущая работа и планы. Внезапно певица заговаривает о географии. "Мои заграничные гастроли — всего лишь вылазки, — говорит она. — Мой дом в Израиле".

Факт, вроде бы, самоочевидный, да не вполне, раз Мира Заккай находит нужным о нем говорить и еще подчеркивать.

Другой гость на телевидении. Знаменитый израильский архитектор, автор павильона Канады на всемирной выставке в Монреале. "У меня контора не только в Канаде, но и в Израиле", — спешит он предупредить щекотливый вопрос. Израильская контора, однако, не помогает, и его спрашивают в лоб: "Но большую часть времени вы живете в Канаде?"

Среди шести израильтян, жертв террористического акта в Хевроне, был человек по имени Эли Зеев. В Хевроне его и похоронили — рядом с могилами палестинских евреев, убитых во время резни двадцать девятого года. При показе по телевидению похорон шести погибших диктор сообщил, что Эли Зеев, сын американского полковника, воевал во Вьетнаме, получил одну из высших американских наград и, вернувшись с войны, принял иудаизм.

Я подумал: кого в Америке, за исключением родственников, трогает судьба протестанта Эли: его отказ от своей веры, уход в другой народ и в другую страну, гибель в этой далекой стране от пули в спину после субботней молитвы? Кого там интересует, какой маршрут выбрал после Вьетнама сын американского полковника, — прямо назад или вниз и налево?

Этот риторический вопрос уместен в отношении любого народа на земле. Конечно, кроме снабженного

большими административными органами. И кроме евреев, у которых тот же овировский, по сути, вопрос учитывается не тайным кабинетом в "большом доме", а тайной раной в душе. В Израиле есть певец-эстрадник Толедано, у которого земляк эмигрировал в Лондон, и Толедано испускает тихий, щемящий душу крик с такими, приблизительно, словами: "В Лондоне старые башни и новый рок-н-ролл — но солнце там больное, бери палку, Йонатан, и двигай домой".

Как и все израильтяне, Толедано не терпит высоких слов, он в жизни не скажет "посох Вечного жида", но всем и без того ясно, о какой палке идет речь.

У нас есть журналист Барух Надель, известный своей козлиной бородкой и бодливым характером. Барух не обижает лишь маленьких детей, которым он рассказывает в своей газете о новых игрушках и добрых книжках. А так, он уже бодал и киббуцы из лона Израилева, и репатриантов из русского лона. Недавно этот, по-своему добрый, злой человек забодал оптом все израильское общество, пытаясь доказать в иностранной статье, что именно оно довело немало своих сынов до эмиграции.

Для того, чтобы Барух Надель взвинтился, достаточно возникнуть у него перед бородкой. Но главный объект, мимо которого он не может пройти спокойно — власти и всякая официальщина. Обратиться к какому-нибудь своему земляку, сбежавшему, скажем, в Нью-Йорк, с призывом хватать палку и шагать на родину для Наделя значило бы спеть в унисон с официальной политикой, которая клеймит эмиграцию из Израиля. Как же сохранить верность себе? Вот Надель и бодает израильское общество, его учреждения и официальную политику, с безмолвной болью глядя за океан.

Маленький Израиль по-провинциальному гипертрофированно гордится успехами своих соотечественников в так называемом большом мире. Вот документальный телефильм о знаменитом скрипаче Цукермане, израильтянине, давно живущем в Нью-

Йорке. Цукерман показан в фильме с явным восхищением и любовью. Но и с незримой болью, непонятной, скажем, французу, которому показали бы фильм про знаменитого соотечественника, покинувшего родину ради Карнеги-Холла.

Спортивная передача на прошлой неделе. Сенсация: Ави Козн, израильский парнишка с талантливыми ногами, за которого знаменитый футбольный клуб "Ливерпуль" уплатил миллион фунтов стерлингов, забил в финальном матче чемпионата Англии два гола. Один из них, к сожалению, в свои ворота.

Из спортивной редакции телевидения позвонили на Би-Би-Си, прося срочно протранслировать для Израиля через спутник связи кадры, где Ави забивает гол в собственные, то есть ливерпульские ворота, и где наш Ави заколачивает мяч в чужие, то есть тоже английские ворота, и где наш Ави, по случаю этих ненаших футбольных триумфов, благодарит наших болельщиков за любовь и поддержку.

Еще года не прошло, как Ави уехал из дому, а уже благодарит домашних с иностранным акцентом. И домашние это очень замечают, но так хочется порадоваться.

Тем же вечером на одной из свадеб в Тель-Авиве раввин говорит о другой радости: молодые создали в Израиле еще одну, новую, семью. И как это радостно, как важно не только для самих молодых, для их родителей, для Израиля, но и для евреев во всем мире. Потому что время такое. Потому что вопрос стоит так: быть еврейскому народу или не быть.

Но не только в Тель-Авиве понимают, что вопрос стоит именно так. То же ощущение скрывается и за обиженным письмом из Канады. И за веселым письмом, пришедшим из СССР.

В письме фотография пасхального стола и следующие примечания хозяйки, до недавних пор не имевшей понятия о Пасхе: "Слева рыба, для справки — треска. В центре шарики из глины, которую месили в концлагере у Рамзеса Второго. Я сделала еще ли-

пучки, которые, мне сказаали, нужно варить в меду — то ли "тейгlex", то ли "кнейдlex", не могу запомнить".

СИНАЙ

После Ханукки пресса поместила короткие отчеты о ней, перечислив экскурсии и прогулки — непреходящий вид праздничных удовольствий. Поездкам в Нуэбу и Шарм-аш-Шейх, которые должны отойти Египту, было уделено полстрочки. Между тем, такие путешествия заслуживают большего внимания. Особенно, если у вас нет своего автомобиля или вы не такой шейх, чтобы проехать 1200 км на своем бензине, и поэтому записываетесь в профсоюзную автобусную экскурсию.

”Ваад овдим”, назовем его для простоты месткомом, берет на себя до половины расходов на туристический автобус с гидом, ночлегом в отелях и питанием в ресторанах. Трудящиеся экскурсанты, с одной стороны, довольны, но, с другой, не могут удержаться от колкостей по поводу малого комфорта, неизбежного, правда, при поездке за полуказенный счет: вы услышите, как автобус с кондиционированным воздухом обзовут телегой, а отель с баром, бассейном и пятью махровыми полотенцами на двоих — постоялым двором. Впрочем, экскурсанты мужественно переносят лишения даже на фоне куда более шикарных средств передвижения и ночлега.

Чтобы присоединиться к ”лишенцам”, не обязательно иметь отношение к местному. Достаточно и того, что в учреждении, организовавшем экскурсию, работает ваш двоюродный дядя. Попросите его, и он

вас запишет. Запишет он, если хотите, и вашу подругу детства, давно мечтавшую посмотреть Синай, и ее дедушку, которого не на кого оставить. Поэтому не удивляйтесь, что в автобусе, высланном в Шарм-аш-Шейх, допустим, Тель-Авивским университетом, не окажется, скажем, ни одного профессора, но зато будет широко представлен весь прочий Израиль. Вы найдете здесь мошавника, водопроводчика, программиста, старшего банковского клерка, судомойку с пятью детьми и группу заслуженных дам в перчатках, которые везут с собой в пустыню самое необходимое, то есть три смены вечерних туалетов.

Вам гарантирована также влюбленная парочка, которая смонтируется друг с другом, как только займет места, и размонтируется лишь через трое суток, по возвращении в Тель-Авив. Почти наверняка вы увидите и двух подружек, засидевшихся в девицах. В отчаянном поиске суженого, они уже починили у хирурга свои носы и готовы ехать не только на край Синайского полуострова, но и на край света. И вы непременно увидите типового израильского гида — профессионального весельчака в расшлепанных бо-соножках — в паре с профессионально хмурым шофером. Увидите, как в один миг гид сколотит из этой разношерстной и даже разноцветной израильской публики не просто дружную компанию, но я бы даже рискнул сказать, коллектив.

Достигается это точно так же, как в Союзе, с помощью песни, гражданской по содержанию и лирической по форме. Песня — это и детство, и школа, и молодежная организация, и военная служба. Любой израильтянин в любом возрасте окончательно пьянеет от нее, как от бутылки пива. Гид, поскольку на дворе Ханукка, начинает с хануккального репертуара, запевая в микрофон тем голосом, какой Бог послал; в автобусе взрывается неистовый рев; поют в унисон дамы, судомойки, мошавники, а samozабвеннее всех — подружки с хирургически-классическими носами. С этого момента банковский клерк начинает давать

бесплатно финансовые советы. С этого же момента каждый любит другого, как родного брата. Если не до конца жизни, то почти до конца поездки.

Израильский гид, как видите, еще и затейник: рассказывает политические анекдоты, устраивает игры и разучивает с публикой собственные куплеты весьма озорного содержания. Вообще, в отличие от экскурсоводов во всем мире, он изъясняется не в стиле туристических проспектов, а на языке "хевре", то есть неписанного братства питомцев израильской школы и Цахала. У "хевре" своя речь, приправленная пудом съеденной вместе ближневосточной соли; на этом невероятном языке гид рассказывает как маленькие анекдоты, так и великую историю. Сантименты противопоставлены "хевре". И поэтому, когда он вдруг заявляет по поводу предстоящей отдачи Синая Египту, что у него сердце болит, можете ему поверить.

Дело не в собственническом инстинкте и даже не в том, что ужасно жаль огромных средств, вложенных Израилем в освоение неприступного восточного побережья Синая. Дело в самом этом побережье с его горами и морем, перенесенными на Земной шар как бы с иной планеты.

Зимой, в период грозных дождей, внезапных, как наводнение, на берег из всех ущелий обрушиваются стены воды. Потоки с пушечным громом тащат каменные глыбы, несут песок, мчат клубы колючек и клубки уцепившихся друг за друга ядовитых змей. За миллионы лет вода ливневых паводков намыла песчаные террасы, точно светлые столы, на которых горы стоят, как темные пирамиды. Зимние потоки ежегодно отшлифовывают их гранит, отчего крутые громады высятся в грозной наготе первого дня Творения.

Гид расскажет вам анекдот, как проводнику-бедуину, сопровождавшему здесь в прошлом веке английского географа, надоели вопросы европейца о местных названиях вершин. На один такой вопрос бедуин ответил неприличным арабским словом, ко-

торое с тех пор так и значится на всех картах. Но как не пристает к этим горам летучий песок, так не подходит к ним ни одно название на изменчивом человеческом языке, ни высокое, ни низкое. Сотни, тысячи вершин и пиков безмолвно лиловеют в небе зазубренными шеренгами, одна над другой. А внизу расстилается невозмутимое море с чашами лагун, сияющими фосфорическим светом.

Какое-то космическое единство противоположностей: самая богатая в мире подводная флора и фауна переходит на урезе воды в мертвую горную пустыню. Ничего, кроме тектонической архитектуры: витые каменные колонны, башни, арки. Да еще магические краски, переливающиеся на синайском граните. Автобус едет под нависшими глыбами, мимо редких зонтов синайской акации на белой гальке. Глаз отдыхает на ее зелени. Но троньте веточку, и она вам пропорет ладонь острыми, как гвоздь, шипами, которые по зубам только верблюду.

Гид заметит, что верблюды здесь не знают разницы между этим огнеупорным деревом, растущим в синайском зное, и ржавыми египетскими минами, которые они жуют с не меньшим якобы аппетитом.

Гид остановит автобус, сорвет на обочине скромное растение и пустит по рукам, объясняя публике, что отвар из его листьев действует лучше всякого героя: синайский дурман, как называется растение, вызывает галлюцинации, затем смерть.

Публика хануккальной учрежденческой экскурсии прекратила песни — молча смотрят в окно на каменную пустыню.

И вдруг пронзает догадка: так вот этот камень, на котором были высечены Десять Заповедей.

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

У Пушкина в одной из его народных драм народ безмолвствует. О евреях в Израиле этого не скажешь, тем более когда дело доходит до народной драмы. Эвакуация Ямита и разрушение этого города вызвали в Израиле, можно сказать, вошль. Гневу еще долго остывать в сердцах и архивах, прежде чем историк сможет к нему прикоснуться без риска подчеркнуть или поддурманить вывод.

Но одно можно сказать уже сейчас. В Ямите состоялось самоизгнание из райского сада. И если само решение оставить Ямит было принято добровольно — насколько можно полагаться на свободное парламентское голосование — то выполнение этого решения добровольным не было и быть не могло. Стоит ли отдавать Синай за мир с Египтом, точнее, за страстное желание надеяться, что действительно будет мир?

Стоит или не стоит — но смотреть, как бульдозер крошит и погребает в пустыне зеленые ковры плантаций и садов, выше человеческих сил. А видеть даже по телевидению сцены финала — сцены столкновения войск с противниками эвакуации Ямита, забаррикадировавшимися на крышах города — такого я не желаю ни одному народу.

Это было похуже военных маневров с живым огнем, где несчастье может произойти просто по ошибке. Это была не только самая большая в мире массовка, где с обеих сторон участвовало в общей сложности

более десяти тысяч человек, но и единственная в мире, где на главных ролях были статисты: среди десяти тысяч, которые сошлись в Ямите, каждый мог зажечь пожар большого кровопролития. Иные иностранные обозреватели объявили события в Ямите израильской инсценировкой: правительству, мол, выгодно представить дело так, будто передача Египту этого района натолкнулась на народное сопротивление. Кто говорит об инсценировке, пускай посмотрит документальные кадры с поселенцами на крышах и солдатами у стен белого Ямита, объятого дымом горящих покрышек. Пусть посмотрит, как толпы на крышах, теряя голову, пытаются сбросить солдат с штурмовых лестниц. Не думая о последствиях, молотят по каскам, отпихивают вместе с лестницами от карнизов. Пусть посмотрит, как солдаты, вооруженные лишь приказом предотвратить несчастье, все это терпят, не отвечают на удары. Не дают волю рукам. Угрожают нападающих пеной из мощных огнетушителей. Заводят на крыши стрелу гигантского крана с железной клеткой на крюке и, спасая сопротивляющихся от их собственной ярости, спускают их по одному, по двое вниз. Терпят обоюдное унижение, лишь бы не дошло до катастрофы.

Надо было посмотреть и на ямитского плотника, построившего здесь дом. Свой первый дом после лагерей в галуте. Он тоже отказался уходить. Он заранее отказался и от обещанных правительством компенсаций, от денег в возмещение жилья и мастерской, где пилил и строгал до последней минуты. Словно ее, этой последней минуты, и быть не могло. На крыши не пошел. Стоял возле своих обреченных стен, потягивая кофе и глядя на происходящее. Телевизионщики, назвав его в кадрах совестью Ямита, дали крупным планом его лицо. Зритель увидел невыразимый взгляд советского зека.

Надо было посмотреть и на другого жителя Ямита. Копна волос, из-под которой сверкают яркие белки. Смуглое, жесткое лицо военного, подрывника. Когда

бульдозер завел мотор, чтобы двинуться на его дом, он снял с крыши палку с флагом Израиля, позвал плачущую жену и четырех детей, и так, всей семьей, они вышли на дорогу и пошли в Иерусалим.

Они шли несколько суток, через киббуцы, мошавы и маленькие поселки. К ним навстречу выходили люди и звали в дома, чтобы покормить, напоить и предложить ночлег. А когда флаг на неоструганной палке оказался в Иерусалиме, у подножия Стены Плача, он почти затерялся среди тысяч и тысяч людей, присоединившихся по дороге к траурному шествию одной семьи.

Зачем я это рассказываю? Хочу, чтобы об этом знали евреи всего мира. Независимо от того, как они распорядятся своей судьбой. Или как, не дай Бог, судьба распорядится ими. Желают они добра еврейскому государству или не желают, как это порой бывает в итоге несостоявшейся любви — к Израилю они не равнодушны.

Еврейский издатель русской эмигрантской газеты в Лос-Анджелесе, сам эмигрант из СССР, не хотел в своей газете "никаких этих еврейских историй". Одни половецкие пляски. Немедленно выяснилось, что газета прогорит.

Подписчикам, избравшим Америку, почему-то надо, чтобы в каждом номере газеты было и про Израиль. Поэтому теперь у газеты один глаз смотрит прямо в насущные заботы еврейского эмигранта, попавшего в огромный американский город, а другой глаз косит за океан по принципу перископа. Многого по такому принципу не вымотришь. И газета прибегает к услугам бывшего земляка, ныне жителя Иерусалима, печатая заочное интервью, взятое у него незадолго до драмы в Ямите.

Что же рассказывает бывший земляк новым американцам? Сначала о себе. Писатель. Русский писатель, а также еврей. Далее подробно о личном вкладе в русскую литературу после выезда из Союза и о состоянии оной на текущий момент. Но газету, как ни

странно, интересуется еще и еврейское государство. О нем коротко, вот цитата:

”Государство малопривлекательное, вязкое, надоедливое, утомительное. Отбивает охоту жить на свете, вызывает раздражение”.

Спорить? Опровергать? Ни в коем случае! Бывший земляк говорит чистую правду. Его личную. Ее-то и сообщает газета своим читателям. И правильно делает. Почему бы новым американцам не знать и эту правду. Тем более, что интервьюируемый не одинок и многие из новых израильтян с ним согласны.

Но почему бы новым американцам не узнать и другую правду? Например, правду флага на неоструганной палке.

”ПРЕЗИДЕНТ”

Передачей, посвященной Ицхаку Мамбушу, телевидение возобновило программу биографических вечеров под названием ”Вот такая жизнь” — ”Хаим ше-казле”. Любой показ так называемых положительных героев отдает, как известно, юбилейным сахаринном. Из передачи ”Хаим ше-казле” его отцеживают как могут. Прежде всего программа строится так, что последней о ней узнает сам герой: материал собирают втайне от него и даже на саму передачу его не приглашают, а заманивают под каким-нибудь предлогом. Вводят в неосвещенное помещение — и вдруг темноту разрезают ярчайшие юпитеры. Герой оказывается в створе телекамер, перед множеством людей, рассаженных амфитеатром. Среди них он с изумлением видит жену, детей, иногда внуков и непременно — весь сонм своих знакомых и приятелей за последние сто лет.

Пожилой, тщедушный, морщинистый, с ехидным ртом и скорбно-крючковатым носом, Ицхак Мамбуш недаром более известен под своим потешным прозвищем ”Иче”. ”Иче” Мамбуш. Мастер устраивать розыгрыши, он на сей раз сам попался на крючок и вполне это оценил. Бровью не повел, только прищурился на дородную красивую жену, улыбавшуюся милой, счастливо-виноватой улыбкой:

— Так вот почему ты сегодня напялила на меня чистую рубашу.

Трибуна, слишком хорошо зная "Иче" и заранее предвкушая удовольствие от его ответов, покатилась со смеху еще до того, как он вымолвил первое слово.

— Эх, вы... Предатели. При таких друзьях врагов не надо, — повел носом Мамбуш в сторону собрания в сто с лишним человек.

На "Хаим ше-казле" в студии всегда собирается уйма народу. Вскоре вы начинаете понимать, что перед вами не случайная публика, а как бы группа сородичей, клан сложившийся еще со школьной скамьи. Вам становится также ясно, что, по всем правилам родовой общины, клан ходит под старшим в роде, и тот, кто сидит в кресле перед собравшимися, и есть этот старший. Весь Израиль, мостивший дороги, убиравший камни с полей, сражавшийся в войнах, голодавший, закладывавший основы промышленности или культуры, состоит сегодня из подобных кланов. Явление, пожалуй, уникальное в современном мире, где люди воют от разобщенности. В израильских кланах стоят друг за друга горой и требуют уважения от посторонних. Когда такой посторонний — ведущий передачи позволил себе фамильярно назвать Мамбуша "Иче", присутствующие тут же закричали:

— Называйте его "президент"!

В этой шутке была большая доля правды. Хотя "президент" нынешнего вечера тем был интересен и поначалу даже немного загадочен, что занимаемое им положение нельзя объяснить какой-то особой заслугой. На сей раз в кресле юбиляра сидел не ученый, не партийный или государственный деятель, не генерал. Даже наоборот. Как выяснилось, Мамбуш не мог похвастать ни геройскими поступками, хотя честно прошел через испытания века, ни большими успехами на каком-либо поприще. Бросил живопись, которой долго занимался и ради которой несколько лет проголодал в Париже. Пробовал сниматься в кино и в конечном счете утешился мастерской ковров и эстампов. Главное достижение его жизни носит чисто организаторский характер: основал товарищество

художников в месте, которое называется Эйн-Ход. Место живописнейшее, оно пребывало в запустении, пока не явился Мамбуш и не привел туда свою божественную братию. Ведущий спросил его, почему он все-таки забросил кисть.

— Чтобы ее не забросить, надо быть либо круглым дураком, либо слишком большим умницей! — отбрил "президент".

Собственно, ответ адресован не столько ведущему, сколько двум художникам, начинавшим вместе с ним. Один — Дани Караван, которого нам тут же и показывают на экране в его роскошной студии в центре Парижа, напротив центра Помпиду. Сейчас Караван проектирует один из новых городов-спутников столицы Франции. Он — воплощение успеха в жизни. Другой художник, имя которого, увы, никому ничего не говорит, доживает свой век на задворках в том же Париже. Он обозлен на мир, отказавший ему в признании, но все равно не выпускает из трясущейся руки свою мучительницу — кисть. Да, Мамбуш не сорвал банк, но зато вовремя отошел от стола. Однако не один Дани Караван — большинство членов клана намного обогнали своего "президента". В студии сидят известные израильские художники, писатели, артисты. Они обошли Мамбуша не на голову, а на целый корпус и, тем не менее, весь вечер смотрели ему в рот, как ученики смотрят на метра, или, лучше сказать, как дрессированные львы — на сурового, но обожаемого укротителя.

Так умильно взирая на Иче, писатель Йорам Канюк привел разные примеры магнетической власти Мамбуша над людьми. В том числе над гарсонами парижских кафе, где Мамбушу отпускали коньяк в долгосрочный кредит — вещь просто уму непостижимая для прочей израильской богемы, мытарствовавшей тогда во Франции.

— Все официанты Монпарнаса — сволочные антисемиты, — откомментировал Мамбуш, наливая себе стакан хорошего виски из бутылки, предусмотритель-

но приготовленной телевидением. — Они постоянно убеждали меня, что я не израильтянин и, не дай Бог, не еврей, а просто пропойца.

Иче кричал им в ответ: "Гарсоним!", переиначивая французское слово на ивритский лад для пущего оскорбления гарсонов, — рассказывает дальше Канюк, красивый, как поседевший ангелок с картины Мурильо. В Париже Канюк остро завидовал успехам невзрачного Мамбуша у лиц женского пола. По его словам, Иче производил неизгладимое впечатление не только на старых дев и консьержек, но и на девиц, куда более сведущих в любви.

— При всей моей большой скромности я вынужден признать, что во мне что-то есть, — согласился Мамбуш и опрокинул второй стакан.

Трибуна грохнула, излив на него очередную струю того нежного восторга, в котором, как теперь выяснилось, он купался всю жизнь. Хотя жизнь его не баловала. Зато баловали люди. И не за подвиги, не за заслуги, а исключительно за редчайшее свойство талантливо жить. Люди остро нуждаются в таланте находить радость для себя и для других при любых обстоятельствах.

— Почему вы такой оптимист? — спросил ведущий.

— В пессимисты я успею записаться и за минуту до того, как мне придет карачун, — сварливо ответил Мамбуш.

В силу этого простейшего соображения, продолжал "президент", он совершенно не переносит нытиков. Одному нытику, жаловавшемуся в тель-авивском кафе на ужасные израильско-еврейские недостатки, Мамбуш объявил, что из любви к своему народу готов поцеловать каждого еврея в задницу.

Трибуна остолбенела. Все-таки микрофоны включены и камеры снимают.

— А что, — продолжал невозмутимо Мамбуш, — половина нашего населения, как известно, милые женщины. Если к ним прибавить наших сладких деток, получится уже три четверти. Остальных я, так и быть,

поцелую из патриотизма.

Клан вскочил на ноги от восторга и бросился обнимать "президента".

ТАМ, ОТКУДА СЪЕХАЛА ПРИЛИЧНАЯ ПУБЛИКА

Можно ли создать произведение о той удивительной власти, которой обладает над своими поклонниками шахматная игра? Есть, например, "Шахматная новелла" Стефана Цвейга. За доску Цвейг усаживает, с одной стороны, чемпиона мира довольно неправдоподобного, так как во всем, что не касается шахмат, он круглый невежда, а с другой — бывшего узника гестапо, полубезумного человека. Их поединок протекает среди аромата дорогих сигар, на борту роскошного судна. При таких экзотических героях и аксессуарах, в сущности, не так уж важно, идет ли речь о шахматах или о топоре, из которого солдат сварил свой знаменитый суп.

Все обстоит не так в скромном документальном фильме, показанном нашим телевидением на прошлой неделе. Фильм снят в Тель-Авиве, где существует несколько шахматных клубов. Но чтобы воспеть эту игру и вместе со зрителями поразиться удивительной способности человека жить за шахматами особой жизнью — такой яркой, болезненно радостной и страстной, что порою перед ней блекнет так называемая "настоящая" жизнь — авторы отправились не в каюту роскошного лайнера и даже не в какой-нибудь особняк с люстрами и паркетными полами. Они выгрузили камеры и микрофоны возле ветхого домика, камень и железо которого изъедены ржавчиной и солью. Лет тридцать назад этот район на берегу моря был как

картинка, но картинка поблекла, и теперь ее вытесняет совсем другое полотно: фешенебельные, как цвейговский пароход, башенные отели плывут под небесами в сторону замусоренных дворов и открытой всем ветрам панели с тоскливо маячащими на ней жрицами продажной любви, выражаясь цвейговским языком. Но что "шахматным евреям", как вполне можно назвать героев фильма, до убогости антуража! Они, кажется, даже не заметили, как съехала отсюда вся приличная публика. Дом, куда они ходят десять, двадцать, тридцать лет подряд, может рассыпаться над их головами — материя для них не существует. Кроме бронзового бюста Ласкера, который наблюдает за их партиями так долго, что весь он уже почернел. О нет, у них и мысли нет подняться до гиганта: тут честолюбие не в потугах выскочить в великие мастера, а в решимости ни за что и никогда не складывать шахматного оружия. То есть не прекращать то самое усилие ума, которое необходимо и гигантам, пускай на другом, недостижимом уровне.

Клуб (хоть и странно называть клубом эту свирепую арену безвестных шахматных гладиаторов) вот уже тридцать лет открыт с раннего утра до поздней ночи и всегда набит битком. От вас не требуют никаких рекомендаций и тем более анкет; можете даже не называть себя: внесите скромный членский взнос и приступайте к делу. Шахматную доску совершенно не интересуют ни имя, ни возраст, ни заслуги перед обществом или собственным карманом. В клубе собираются и молодость, у которой все впереди, и старость, у которой впереди, увы, уже почти ничего нет. Общество, невозможное в обычной жизни даже по своему внешнему виду, но пока отсюда не вынесли шахматные часы и доски, сцементированное так прочно, как дай Бог стенам, в которых оно собирается.

С точки зрения постороннего наблюдателя, это сборище одержимых чудаков, "мешугаим ле-иньян", как говорят на иврите. Эта точка зрения представлена в фильме очень живо. Жены нескольких "шахматных

евреев" откровенно рассказывают за кадром все, что они думают про занятие своих мужей. А в кадре тем временем бушует это самое занятие, раскрытое в превосходных, кстати, портретах.

Шахматные доски оглашаются то громкими выкриками, то невнятными вздохами, то какими-то шарманочными напевами. Время за доской течет не по звездам — оно скачет под выстрелы шахматных часов. Вся эта звукозапись в фильме еще усиливает впечатление от зрительного ряда.

Говорят, шахматы — еврейская игра. Точнее, эту игру должны были выдумать евреи, если б ее не придумали индусы. Камера показывает, главным образом, стариков: молодость хороша собой, но универсальна, как дебют. А эти усталые веки, эти старческие носы — и разве мы иной раз не стеснялись их, окарикатуренных всеми "Штюрмерами" мира! — несут в себе эндишпиль целой жизни. Но камера приближается, дает крупный план — и вы видите, что партия еще не сыграна. Воля драться до самого конца, расчет и азарт, мудрость и простота, — все в этих чертах, и вы вдруг ловите себя на мысли: эти черты — прекрасны.

В фильме есть монолог завсегдатая помоложе. Видный мужчина, того особого типа, который не пропустят дамы и который не пропускает дам. Он и шахматный вопрос освещает с точки зрения успехов у женского пола. Одна из его бывших подруг однажды заметила, что за шахматами он очень хорошеет, и теперь он широко пользуется приемом, неизвестным ни Казанове, ни Дон Жуану: водит девушек в клуб смотреть на него во время игры.

— В самом деле, — говорит он, сбросив усмешку, — что может быть выше сильнейшего напряжения ума и души. Должна же такая работа возвышать человека, хоть она и незрима.

...А башенные отели продолжают плыть под небесами в сторону замусоренных дворов...

ГОРОД БЕЗ ПАМЯТНИКОВ

Не знаю, кто такой профессор Дан Мерон, которого я слушал по радио, но не могу вообразить, чтобы израильский профессор не понимал красоты и величия Иерусалима. Между тем, Мерон заявил даже с каким-то вызовом в адрес поклонников Иерусалима, что Тель-Авив куда больше говорит его уму и сердцу и что в свободные дни он специально ездит из Иерусалима в Тель-Авив, чтобы погулять по городу.

В свободные дни все дороги обычно ведут в Иерусалим.

Господствует общее мнение, что днем в Тель-Авиве смотреть нечего, а летом и вообще нечего делать в этой парилке. Это мнение, видимо, не разделяют любители "Ха-музеон ха-мешотет". По-русски — "Бродячий музей". За этим ярмарочным названием скрывается цикл скромных пеших экскурсий по городу для тель-авивских школьников во время летних каникул. Школьники ценят лето за свободу от мероприятий, и, придя на место сбора на углу улиц Алленби и Бялика, я, естественно, не увидел ни одного школьника. Пенсионеры — да. Они были. Затем появились женщины. За ними начали прибывать дамы, за дамами поспешили семьи, волоча упирающихся детей. Прикатил на велосипеде повышать свой уровень слесарь. Затем из-за угла вывернул американский лимузин. Из него выпрыгнула полуобнаженная газель, которой, судя по автомобилю, повезло родиться не

только красивой. Затем возник, словно с пролетевшего самолета, долговязый солдат-парашютист, еще пастельный от серой синайской пыли. Возвышаясь над публикой, запрудившей уже и тротуар, и мостовую, парашютист поспешно уминал "питу" — обед из двух блюд в одной лепешке. Набралось человек триста.

Чтобы ходить по центру Тель-Авива в мокрую августовскую жару, нужно и впрямь быть подвижником. И вот, в пять пополудни, когда улица Алленби вот-вот, кажется, упадет в обморок от духоты, триста подвижников двинулись в путь, запрокинув головы в предвкушении архитектурных достопримечательностей Тель-Авива, обещанных организаторами экскурсии. Подвижники шли по тем же улицам, по которым ходили годами, если не всю жизнь.

Объясняя свою приверженность Тель-Авиву, профессор Мерон сказал, что, если не считать монумента, воздвигнутого футуристом-скандалистом Тумаркиным на главной городской площади, где скульптор назло врагам установил нечто вроде двухэтажной соковыжималки, это город без всяких памятников, скульптурных и архитектурных. В этом вся соль, добавил Мерон. Памятники олицетворяют прошлое. Тель-Авив же — воплощение настоящего. Скоротечного, но и созидательного, как прибой, который, перебивая песок, стирает один рельеф и строит новый.

Итак, триста подвижников, одолев несколько сот метров, благоговейно усталились на купол, примечательный, пожалуй, лишь тем, что его жесть с двадцатых годов дожила до наших дней.

Такое внимание к железной крыше вызвало у торговой улицы Нахалат-Биньямин немалое изумление. Продавцы высунули головы на солнце и, убедившись, что перед ними экскурсия, похоже, из сумасшедшего дома, тут же спрятались в лавки. Гид повел экскурсантов к другой башенке "из бывших", к другому ржавому призраку над столпотворением раскаленных автомобилей, вывесок и светофоров.

Свою радиобеседу о Тель-Авиве профессор Мерон

начал с евреев из алжирского Орана, разбогатевших в Яфо на ювелирном деле. Выходцы из арабского мира, в Палестине они потянулись к новой, обособленной от арабов жизни и построили свои еврейские выселки за пределами Яфо. Мечты этих алжирских евреев начать жизнь сызнова, с нуля (как будто кому-нибудь это дано) сохранились только в названиях, которые они дали своим слободкам: Неве-Шалом и Неве-Цеддек — Обитель Мира и Обитель Справедливости...

Потом были русские евреи, они тоже отпочковались от Яфо — прямо на песок береговых дюн, где и положили Тель-Авив. Их алжирские предшественники строили, имея перед глазами модель восточного Орана. Русские евреи взяли за образец дачное Подмосковье. И построили. Правда, без берез, но зато с запахом жасмина и со звуками вечернего рояля. От Неве-Цеддека и Неве-Шалома сохранились полуразвалины, от дачного Тель-Авива ничего не осталось, кроме новелл Ашера Бараша. Этот наблюдательный юноша из Галиции описал заседания тогдашнего тель-авивского городского совета, где пили чай вприкуску, разумеется, из самовара. На месте первой в Палестине ивритской гимназии "Герцлия", построенной российскими интеллигентами в пенсне и панамах, сейчас громоздится железобетонная глыба "Мигдал Шалом", крупнейшего до недавнего времени израильского универмага. Новые времена — новые боги. Новым богам — новые храмы.

В двадцатые годы хлынула алия Грабского, прозванная так по имени польского министра-юдофоба, от декретов которого бежали в Палестину еврейские портные и торговцы. В дачный Тель-Авив потекли капиталы, жаждущие хлынуть в мануфактуру и пустить сверхприбыль на оперетку и танго. Нахалат-Биньямин, центр дачного Тель-Авива, превратилась в торговую улицу, а затем уступила первенство улице Алленби и прилегающей к ней улице Шенкина. Район заблистал не только витринами и кафе не хуже варшавских, но и варшавскими манерами. Алленби из-

лучала энергию и силу не меньше, чем со временем стали излучать улицы Дизенгофа и Бен-Иегуды.

А к северу от Алленби и Шенкина, замечает профессор Мерон, стоял еще один Тель-Авив, совершенно иной — пролетарский. Тель-Авив Гистадрута, гистадрутовской больничной кассы, рабочих общежитий. Глаза у людей в этом районе были воспалены от солнца, цемента и песка, но главным образом от бессонных ночей. От ночных дебатов о том, как немедленно исправить человечество, начав, конечно, с евреев.

Оба Тель-Авива одинаково шумно отмечали свои достижения и одинаково тихо обходили некоторые свои недостатки.

Если подняться скоростным лифтом на вершину "Мигдал Шалом" и облокотиться на парапет панорамной террасы, можно убедиться, что и эти два Тель-Авива давно ушли в прошлое. Прибой времени, сплошной конгломерат плоских крыш, возносит над ним теперь очередные мечты из стали, бетона и стекла явно американско-небоскрежного типа.

Где-то внизу, в разрывах между крышами, ходит экскурсия тель-авивцев по Тель-Авиву. И созерцает не поднебесные достижения, а обломки старых, отлетевших снов и сбывшихся мечтаний. Разбитый витраж. Осыпавшаяся мозаика. Особнячок-пагода — простодушная дань тогдашней европейской моде — сиротливую ветхость которого милосердно укутала незаметно подкраившаяся за часы экскурсии зеленая вечерняя тень.

Осмотрев китайскую пагоду, а затем уже при звездах, во мраке нежилого переулочка и постройку с колоннами ампира, экскурсанты выныривают на улицу английского короля Георга и расходятся по домам. Витрины королевской улицы сейчас оккупированы приборами сантехники. Экскурсанты, уже не задирая головы, спешат мимо современных храмов, где розовые ванны и лиловые унитазы восседают на бархатных пьедесталах, подсвеченные прожекторами, как ше-

девы Праксителя.

Замечательные памятники архитектуры и скульптуры, говорит Мерон, заставляют задуматься над жизнью ушедших поколений. Задуматься же над смыслом своей жизни человека иногда заставляют простые приметы времени.

”КОЛБОТЕК”

В средние века жуликам отрубали руку на городской площади. Этот несколько топорный метод лечения нравов был отшлифован в новейшие времена, когда за один моток народных ниток давали десять лет Ивана Денисовича.

Потом долго и упорно сажали артельщиков, пока не догадались зарубить сами артели. Потом на подмогу ОБХСС в штатском насадили такой контрольно-ревизионный механизм, что на смазку всех его колес уходит полприбыли от ”левого” товара.

Гнилая буржуазная демократия, вроде израильской, как известно, не брала на себя обязательств досрочно завершить план по излечению человеческих нравов. Тем более — с помощью топора. Ее суды, полиция и инспекция отличаются не тем, что лучше искореняют зло, а тем, что не слишком его умножают. Это удивляет свежего выходца из системы расстрелов за экономическую контрреволюцию. Выходец возмущен открывающимся его взору безбрежным либерализмом. Он начинает тосковать по скорому суду на площади и совершенно не понимает местного безмятежного спокойствия, воплощенного, например, в улыбающемся Дани Пеэре — дикторе израильского телевидения, который ведет еженедельную передачу о всяких родимых пятнах — бытовых, торговых и т. д. и т. п.

Он ведет, в сущности, израильский ”Фитиль”, толь-

ко не в кино, а на телевидении. Но где же советская заставка, тот ящик с порохом и мощный взрыв, уготованный проходимцам? Да и название какое-то беззубое — "Колботек". Что-то вроде "Всякой всячины" в вольном переводе. Ни тебе кровью не пахнет, ни даже доброй крокодильской сатирой на злодеев, разве что Дани Пеэр иронически поднимет брови. Никаких фельетонно-игровых приемов и прочих украшательств. Студия, стол, за которым по ходу действия меняются участники передачи, и неизменный Дани, удобно расположившийся на своем неудобном стуле. Пять-шесть тем за тридцать минут телевизионного времени, "пишите нам о замеченных недостатках", и — прости-прощай, до очередного выпуска "Всякой всячины".

И все же в Израиле эти тридцать минут приковывают к себе не меньше болельщиков, чем, скажем, международный баскетбольный матч с участием национальной городости — тель-авивской команды "Маккаби".

Почему? Возьмем, к примеру, тему одной из передач. Пеэр коротко сообщает, что речь пойдет о случае, в котором замешаны большие деньги, и предлагает посмотреть сюжет, заснятый репортером. В кадр въезжают огромные сверкающие лимузины, оборудованные под такси. Штук двадцать умопомрачительных машин. Нужны, в самом деле, большие деньги, чтобы купить одну такую красавицу, и куда более огромные, чтобы держать фирму, которая их импортирует.

Поэтому волосы встают дыбом, когда таксисты, купившие эти машины, по очереди рассказывают репортеру, сколько горя они хлебнули со своим приобретением.

У всей партии с иголочки новых и безумно дорогих автомобилей летят головки двигателей. Отказывают тормоза. Крошатся подшипники. Вместо того, чтобы возвращать вложенный капитал, таксомоторы возвращаются на ремонт в мастерские фирмы, и там...

владельцам заявляют, что они не умеют обращаться с техникой. Репортер спрашивает одного такого злополучного таксиста о его водительском стаже. Тот говорит, что он старый шофер, к тому же тракторист, а по армейской специальности — водитель танка.

Тут бы остановить ленту и идти громить фирму, но репортер продолжает опрос. На глазах у публики он развивает свое журналистское расследование, которое ведется с подчеркнутой сдержанностью, без всякой пены у рта. Вам показывают не обвинительное заключение, а житейское злключение, и еще неизвестно, чем оно обернется и как закончится.

Так разбирается любая, даже самая мелкая тема. Пришла жалоба, допустим, на недовес в пакетах с мукой какой-нибудь расфасовочной фабрики. В студию из ближайшего магазина приносят пять-шесть таких пакетов. Дани распечатывает их на глазах у публики и, слегка вымазавшись содержимым, взвешивает муку на аптекарских весах. Израиль внимательно следит за колебаниями чашечек: на весах микродетектив и его развязка.

Конечно, изобличить неодушевленный пакет с мукой — фокус несложный, как и небольшой труд расспросить воодушевленного жалобщика. Но совсем не так просто справиться с ответчиками: на репортеров телевизионного журнала возложена общественная миссия, и никакими милицейскими или партийными полномочиями они не наделены. Никто не обязан держать перед ними ответ, даже в форме беседы, и тем более разрешать снимать себя на пленку. Репортеров иногда просто в дом не пускают. Тогда они показывают зрителю пленку на которой заснято, как их не пускают.

Зритель учтет этот факт. Учтет он и то, что противники играют на равных. Редакции журнала не позволены никакие голословные утверждения: говоришь — докажи, а доказать — значит показать. На автостраде из Тель-Авива в Хайфу автобусы повадились превышать скорость и делать опасные обгоны.

Оператор садится в машину и снимает автобус через ветровое стекло. Но так, чтобы зритель одновременно видел и приборную доску мчащегося за автобусом автомобиля телестудии: на спидометре 110, нет — уже все 120 километров в час! Опасные обгоны? Вот вам, пожалуйста, и обгон заснят.

Кто-то из таксистов, пострадавших от импортной фирмы, мельком замечает, что в довершение ко всем бедам, его еще и оштрафовала полиция за копать в выхлопе. Сказал — докажи. Репортер выстраивает машины в ряд, просит завести моторы и снимает результат — облака дыма. Но и этого мало. Автомобили отъезжают, камера фиксирует на светлых бетонных плитах копать, как от старта межконтинентальной ракеты.

Теперь можно остановить ленту и вернуться в студию.

Брови Дани Пезра невозмутимы: зритель выслушал только одну сторону, так что делать выводы и выносить приговоры рано. Дани Пезр сообщает, что телевидение, по своему обыкновению, пригласило на студию директора фирмы, чтобы выслушать его объяснения. За столом сидит и репортер. Его присутствие обязательно: он должен публично защищать свой материал. Затем показывают место, приготовленное для директора фирмы. Наезд камеры. На экране пустой стул.

Надо сказать, такие случаи бывают редко. Даже в самых проигрышных ситуациях ответчики являются на студию и спорят, хоть и не повышая голоса, но отчаянно. В итоге не раз оказывается, что бесспорный вроде бы факт раскрывается с неожиданной стороны и дело принимает совсем иной оборот. Так что стул на телестудии вовсе не обязательно служит скамьей подсудимых.

То, что фирма не прислала представителя, конечно, дурной знак, но не более того. Вместо человека фирма прислала бумагу, и это обязывает разобраться в ней.

Что пишут? Ответ не только зачитывается вслух,

но и предъявляется зрителю крупным планом, фирма в высшей степени сожалеет. Фирма беспрекословно ремонтирует. Бесплатно. Фирма просит обратить внимание: некоторые туристические агентства приобрели ее автомобили той же марки. Остались довольны. А мы уже видели, что брак ремонтируют отнюдь не беспрекословно и отнюдь не бесплатно. Но утверждение фирмы относительно туристических агентств — это новость.

Дани протягивает руку за какими-то письмами, лежащими на столе. Оказывается, телевизионщики разыскали эти самые туристические агентства, запросили их мнение, и те прислали свои ответы.

Ответы слово в слово сходятся с жалобами таксистов.

Но, оказывается, есть еще одна бумага. Есть еще сам изготовитель злополучных лимузинов, к которому фирме и следовало при первой же жалобе обратиться. Но она этого не сделала, явно рассчитывая на свою неуязвимость. Что ж, за нее это сделало телевидение, отправив запрос в Америку.

Дело в том, что вышеописанный брачок выпустил не какой-нибудь райпотребкомбинат, а сама великая "Дженерал моторс". Именно на ее заводах был допущен грубейший брак при выпуске новой модели роскошных "Олдсмобилей".

Вы будете смеяться, но, оказывается, бывает и такое.

"Дженерал моторс" ответила молниеносно, не письмом — телеграммой: "Тысяча извинений наш афинский представитель срочно вылетает Тель-Авив разобраться исправить".

Вот теперь можно перейти к выводам. В студию приглашено еще одно лицо — представитель израильского Министерства транспорта. Дани спрашивает, собирается ли министерство что-нибудь предпринять по поводу всей этой истории.

Министерство уже предприняло: сообщило фирме, что не пролонгирует разрешение на импорт продукции.

И зритель понимает, что при всем своем реноме и капитале фирма уже может заказывать похоронную музыку. Ее песенка спета. Дело даже не в том, приняты против нее меры или нет: кто после такой передачи рискнет купить у нее машину?

Вот почему ответчики, как правило, в студию приходят как миленькие и на глазах у зрителя сражаются не на жизнь, а на смерть. Не докажешь зрителю своей правоты — тебе обеспечено банкротство.

Так что возможен, оказывается, и другой вид лечения нравов. Без членовредительства, без сгорающих со зловещим треском фитилей, без судей в штатском и палачей в мундирах.

ЗАРЕЗАННЫЙ ФИЛЬМ

Молодой кинорежиссер Яки Иеши проиграл в высоком суде справедливости дело по поводу цензурных правок в его новом фильме. Случай, когда цензура вмешивается в творчество, в Израиле настолько редки, что стоит рассказать об одном из них.

Яки Иеши открывает зрителю очень древнюю истину. Его картина, в сущности, о том, что на земле нет более надежного ремесла, чем ремесло гробовщика, и что при старухе с косой можно не только жить, но и наживаться.

Такое запоздалое открытие у нас никого не взволновало бы, не будь некоторых исторических и национальных обстоятельств.

Сюжет фильма развивается вокруг смерти молодого израильтянина, павшего на войне. Израиль потерял в войнах двенадцать тысяч своих сынов, а память об умерших, святая у всех народов, у евреев имеет еще и свои особые черты.

Евреи ходили под смертью во все века. Возможно, потому и нет другого такого народа, который вкладывал бы столько средств и сил в заведомо безнадежную борьбу с травой забвения. У нас посмертные ритуалы не имеют временных ограничений: сколько живому жить, столько ему и поминать своих покойников. В Израиле принято, чтобы родители печатали воспоминания о погибшем сыне. Не на продажу и не для распространения. Книжечка встанет в ряд себе

подобных в семейных архивах и будет желтеть, покрываясь архивной пылью. Родители, однако, верят, что письма не истлевают, хотя все на свете тлен.

Евреи не только никогда не забудут дорогу к могиле дорогого человека, но и будут созывать к ней людей: на тридцатый день смерти, и на третью годовщину, и на тридцатую. В израильском быту оповещают об этих сроках всех-всех. Расклеивают на столбах траурные объявления. Напоминают через газету, помещая фото улыбающегося, вечно молодого покойника в военном берете.

День памяти павших в борьбе за Государство Израиль, его официальные церемонии, массовые хождения на кладбища, по местам боев, к памятникам и мемориалам в этот день, масштаб и характер самих этих памятников, — все это тоже несет на себе печать исконного еврейского отношения к смерти.

При таком отношении можно себе представить, что тем, кто подрабатывает на ней, среди евреев живется особенно неплохо. Тут недалеко и до наживы. И до спекуляции памятью павших на войне тоже.

И вот молодой режиссер решил вторгнуться в эту специфическую область. Он сделал это нарочито тупым инструментом. Поставив в центр фильма спекуляцию на смерти, он дал картине лобовое название "Аит". То есть "Стервятник". Таким образом режиссер заранее заклеил главного героя, а затем в подтверждение своего приговора придумал фантастические сюжетные ходы, плохо вяжущиеся с действительностью. Да еще наложил краски погуще и поглубей, чтоб не отстать от беспощадного западного кинематографа.

В принципе такой подход у нас никого не может удивить. От западного кинематографа израильтяне никогда не отрывались. Тем более они привычны к плодам своих собственных правдоискателей и разоблачителей. И даже весьма одобряют самые бурные атаки на общественные язвы, неважно, действительные или мнимые. Да здравствует свобода слова в самых

резких выражениях!

Но резкие выражения всегда кого-нибудь задевают. Задетые всегда протестуют. Протесты в силу описанных настроений почти всегда мало помогают.

Хотя у Иеши получился немножко лубок, кое-кто мог вполне узнать себя в его фильме и запротестовать. Но уж родственники-то погибших, казалось бы, должны были сказать молодому режиссеру большое спасибо.

Однако, молодой режиссер не учел национальную психологию. Он опрометчиво задел единственную еврейскую черту, которая не терпит соревнования с любыми другими, пускай тоже очень еврейскими чертами.

Говорить о покойнике плохо не принято у всех. У евреев, как оказалось, даже рядом с его именем нельзя говорить ничего плохого.

Фильм Яки Иеши возмутил не спекулянтов — прототипов его "стервятника", а наоборот, тех, кто потерпел от них. Возмущение было таким, что на фасаде кинотеатра, где шла картина, в первый же день появились надписи с требованием немедленно снять фильм с экрана.

Охрана памяти павших солдат находится в ведении Министерства обороны. Комитет семей, потерявших своих близких на войне, обратился в министерство, требуя прекратить демонстрацию фильма. Заместитель министра обороны попросил Общественную цензурную комиссию по театральным зрелищам и кинофильмам аннулировать свое разрешение на демонстрацию картины.

Как видно из названия комиссии, в Израиле цензура на спектакли и фильмы не государственная, а общественная. Но тоже очень нелюбимая публикой. Хотя вся деятельность комиссии сводится к защите подмостков и экрана от чрезмерно порнографических или садистских зрелищ. В фильме Яки Иеши порнографии и в помине нет, однако, по уставу, комиссия призвана не допускать оскорбления общественных чувств, а

именно это и произошло.

Цензурной комиссии пришлось выбирать между задетыми общественными чувствами и свободой слова. Одна святая святых столкнулась с другой, и о том, как трудно пришлось цензорам, свидетельствует их решение: запретить картину они не рискнули и ограничились требованием вырезать из нее самые вызывающие кадры.

Режиссеру поблагодарить бы комиссию, а он опротестовал ее решение в Верховном суде справедливости. Яки Йеши указывал, что по закону у общественной цензурной комиссии нет никакого права вмешиваться в идейную сторону произведений и что куски, которые комиссия предложила вырезать, служат лишь средством донести до зрителя авторскую мысль.

И вот постановление Верховного суда справедливости: "Идея фильма проведена настолько ярко, что ее не ослабят купюры, которые предложила сделать Общественная комиссия. Права комиссия, а не жалобщик, ибо наш долг по отношению к семьям павших выше даже нашего естественного отвращения к любой цензуре".

Осталось добавить одно. Может показаться, что святые чувства победили ценою сокрушения святейшей свободы слова. Поэтому стоит сообщить размер утвержденных судом цензурных купюр: в двухчасовом полнометражном фильме режиссеру предписано вырезать кадры длиной в сорок секунд экранного времени.

ПЕЙЗАЖ С ПТИЦАМИ

Берег в районе Герцлии. пляж под обрывами между минаретами мечети и развалинами турецкой крепостной стены. Ее обрушившиеся куски висят на откосе и торчком вздымаются из песка. Ящерица сидит на обломке античного мрамора, вмурованном в грубую крепостную кладку. В песке торчит бутылка из-под кока-колы.

Над берегом медленной каруселью кружат стервятники, высматривая рыбу на отмелях, отороченных белой пеной. Птицы ложатся на ветер и зависают в небе, распластав крылья, словно орлы с жезлов римского легиона. Внизу по самой кромке воды катит джип с длинными антеннами радиопередатчика. В звуконепроницаемом грохоте моря патрульная израильская машина движется, как в немом кино.

Осталось вписать в пейзаж бронзового человека в плавках, соорудившего себе, как ласточка, диковинное глинобитное гнездо на обрыве. Слоистый береговой ракушечник не пригоден в качестве строительного материала. Глина же есть в Герцлии, за пять километров от берега. Человек возил ее мешками, ездя на автобусе взад-вперед. Воду для замеса он таскал из моря ведрами. Глину месил в найденных старых бочках. Бочки поставил на террасу, которую вырубил высоко над пляжем. Затем вырубил и лестницу с террасы на пляж, укрепив ступени древесными плахами, выброшенными морем на берег.

На этом этапе у строителя откуда-то взялась целая команда добровольных молодых помощников. Команда лепила хижину на террасе. Глину из Герцлии теперь возил еще один волонтер на своем личном грузовичке. Нанесли кружки, тарелки, натащили досок для скамеек, приволокли палки для частокола, обсадили террасу кактусами и однажды скинули из грузовичка на песок бракованный унитаз. Из него получилась прелестная белая чаша для сизой молодой агавы.

Хижина росла и приобретала все новые и новые детали. Ее купол с одного боку увенчался глиняным слоновым хоботом, а с другого — петушиным гребнем. Этих двух скульптур строителям, по-видимому, показалось мало. Посматривая в небо на стервятников, они вылепили по их образу и подобию ни на что не похожую птицу и посадили ее на хобот.

Помощники человека в плавках были из сорта тех, кто не ходит ни в школу, ни на работу. Околачивается по кафе, накуриваясь подозрительными сигаретами, или сидит на уличной ограде, уставившись в пространство. А тут они вкалывали так, словно их внезапно подменили. Однако строительство дурацкой избушки на курьих ножках подействовало, как магнит, и на переполненный по субботам амфитеатр пляжа. Все солидные зонты и добропорядочные тенты в радостном изумлении задирали головы, словно перед ними строили родовой английский замок на продажу. Публика вереницами карабкалась вверх по лестнице, чтобы осмотреть его и вступить в почтительную беседу со строителями. Строители же откладывали лопаты, чтобы великодушно выслушать советы, чего бы еще такого вылепить. Команда принимала публику, а ее командир продолжал месить и копать, не снисходя до простых людей.

Нисим Кахалон, так зовут человека в плавках, жил в ста метрах от берега в одном из гнилых бараков, на которые теперь наступает новый район шикарных вилл. Вместе с соседями, кутящимися здесь еще с

пятидесятых годов и отказывающимися съехать в человеческие квартиры, пока государство не уплатит им огромной компенсации за землю, он правильно рассчитал, что рано или поздно земля в этом районе подорожает. Цены в самом деле подскочили неимоверно, но как раз в это время лачуга Кахалона сгорела.

Так что можно подумать, будто Нисим Кахалон сейчас гол как сокол. На самом деле он состоятельней не только обитателей всех бараков вместе взятых, но и некоторых хозяев соседних вилл. У него большой дом в Америке.

Впрочем, он и с виду никак не напоминает жалкого погорельца, которого несчастье вынудило перейти на пещерный образ жизни. Он из породы тунисских евреев, как на подбор ладно скроенных и крепко сшитых. К тому же у него фигура натурщика. И борода, черная, как смоль, и ослепительные зубы. Среди разных типов мужской красоты есть особая хищная красота, от которой веет притягательной угрозой. Дом в Америке у Кахалона появился вовсе не потому, что он прилагал большие усилия, чтобы окрутить на пляже богатую американскую туристку. Нет, голубоглазая блондинка в него втрескалась сама, а он всего лишь не сопротивлялся.

И гнездо на обрыве он начал строить отнюдь не потому, что его лачуга сгорела. Просто нормальный дом не подходит Кахалону по его натуре. В доме глухие стены и уйма лишних вещей. Люди, живущие в домах, не ходят круглые сутки в одних плавках. Тем более Кахалону не подошел его американский дом: не стоит на берегу моря. А если бы и стоял, это было бы совсем не то море. И не та речь на переполненном по субботам пляже. И не те спасатели, что сидят на вышках в соломенных сомбреро и гонят купальщиков из воды при самой легкой волне. В то время, как ему, Кахалону, никакие волны не помеха: разогреваясь работой на солнцепеке до температуры железа в горне, он раз тридцать за день сбивает жар, бросаясь в воду и уходя саженками к горизонту.

Ни валы, ни водовороты его не берут, как будто под кожей у него зашито выданное ему от рождения свидетельство на непотопляемость ни в море ни на суше. Произведя на свет с голоубоглазой блондинкой черноокого Дейвида, а затем убедившись, что мать ребенка, такого сладкого, что хочется ножки слопать, никогда не согласится переехать на постоянное жилище в пещеру на Средиземном море, Кахалон понял, что совершил маленькую ошибку. Он затворил за собой калитку американского дома и полетел через океан, размышляя о том, что вылепит на крыше орла. И о том, что скоро зима. Ни туалета, ни электричества, ни водопровода. Но глина как-нибудь выдержит, а он — тем более.

В Израиле, как и повсюду, нельзя вести самовольное строительство. Даже из глины и даже на обрывах. Это привлекает внимание строительных инспекторов, хотя им прекрасно известно, что против незаконных застройщиков типа Кахалона не помогают ни штрафы муниципалитета, ни даже постановления суда. Помочь может только бульдозер, и то под охраной полицейской роты. Застройщик в таких случаях рвет на себя волосы перед репортерами, которые щелкают его со всех сторон, чтобы представить публике фотодоказательство вопиющего бездушия властей. А он проклинает муниципальных извергов и обещает эмигрировать из Израиля со всеми детьми, братьями, сестрами, дядьями и тетками.

Неприятная в высшей степени сцена. Поэтому власти избегают доводить дело до этой стадии. Однако посылают инспекторов регистрировать нарушения и предупреждать нарушителей о последствиях, которые скорее всего не последуют. Явились инспектора и к Кахалону. Выйдя на пляж, они вылупили глаза уже от одного вида незаконной постройки. А еще больше — от ее местоположения, не доступного никакому бульдозеру. Вскрабавшись на террасу и попав в хижину, они словно очутились в лесу. Пучки сушеных трав, живые растения, какие-то камни и коряги.

Посреди леса на топчане лежал хозяин в одних плавках и читал Священное Писание. У топчана на земляном полу лежали книжки по физике.

Косясь на Священное Писание и на физику, инспектора, как положено, составили протокол и, как положено, выслушали возражения. Вместо жалоб на бедность и ссылок на малых детей хозяин понес какую-то философию. Что-то насчет своего жилья, выросшего из земли натурально, как дерево, которое тоже часто сносят всякие идиоты.

Словно услышав про такую недобрую перспективу, из дыры в задней стене, — лаза в пещеру, выкопанную в обрыве, — вывалило целое общество кур, а с террасы примчался кот. Хозяин переговорил с котом и курами по-арабски. Кота после разговора пулей вынесло на улицу, а куры наскочили на инспекторов. Хозяин прикрикнул на кур, а про кота объяснил, что четвероное нашкодило и наказано трехсуточной высылкой из помещения.

Инспектора махнули рукой и поскорей убрались из этого дурного места.

Кахалон взял лопату и пошел копать новую пещеру.

Их у него задумано десять. Почему именно десять? Неизвестно. Зато известно, что, когда Кахалон добьется электричества, он превратит пещеру в ремесленные мастерские и художественные студии. Так он объяснил корреспондентам, до которых ему пришлось снизойти, чтобы отстоять свои пещеры через газету. В них у него будут работать все желающие камнерезы, художники и скульпторы. Уже сейчас к нему целыми классами ходят школьники, чтобы лепить из глины. Любой прохожий, найдя на берегу интересный камень или корягу, придет и вырежет рыбу или птицу.

Недавно на берегу произошло страшное несчастье. Ночью сгорел очередной барак. Кахалон примчался на пожар, полез в огонь и вынес останки трех маленьких детей. Неделю после этого он не выходил из хижины. Потом поехал в Герцлию — звонить в Америку. Потом отправился в Иерусалим — к Стене Плача.

Вернувшись, он изрек перед своими помощниками очень старую истину: жизнь — как воздушный шарик. Ткни булавкой — и нету. Спешите наслаждаться жизнью.

Открыл Америку. Все уже давно спешат. День за днем наедаются платными удовольствиями — по субботам катят на платный пляж. И там наши израильские мастера глушить деньгами скуку начинают тайно завидовать непутевой избушке на курьих ножках.

ПАРАД В ДАМАСКЕ

Террориста-смертника, который атаковал израильскую базу в Тире и погиб при взрыве своего заминированного пикапа, видел только один человек — стоявший на часах резервист Давид Илуз из провинциального Кирыт-Гата, где у него жена и двое детей и где он работает шофером автобуса. Илуза в очередной раз призывали на один месяц в санитарную роту в Тире, размещенную в палатках возле двух зданий базы. Он увидел свернувший к базе автомобиль, открыл по нему огонь из ручного пулемета и убил водителя. Машина с пятьюстами килограммами взрывчатки протаранила ворота базы и взорвалась посередине двора.

Воздушной волной снесло одно здание целиком и разрушило часть другого здания. Повторились прошлогодние вылазки террористов, когда в том же Тире погибли люди, и не столь давние — в Бейруте, где тем же способом были взорваны сначала американское посольство, а затем штабы американцев и французов.

К моменту взрыва в двух зданиях базы находились евреи и друзья — наши пограничники и арестованные палестинцы и ливанцы. Погибло пятьдесят человек. Их разорвало так, что не каждого удалось бы опознать без солдатского номерного знака или замазанного кровью документа. Илуза, предвратившего еще более ужасное несчастье, отшвырнуло на десять метров. Этот дюжий красавец все же поднялся на ноги и поковылял

за носилками выносить своего раненого ротного врача. Потом задержал арабов, которые пошатываясь, как и он сам, спешили убраться со двора. Потом сел на землю и обхватил руками контуженную голову, чтобы не слышать истошных воплей из-под развалин. О террористе-самоубийце Илуза спросили несколько часов спустя, уже в хайфской больнице, когда контузия окончательно сломила его и он едва мог говорить.

Ответственность за все атаки террористов-смертников приняла на себя подпольная бейрутская организация "Священная война ислама". Известно, что эта организация — ширма для ниливанских вдохновителей и исполнителей террористических актов нового рода. Хумейни откомандировал на Ближний Восток около восьмисот подростков и юношей из числа так называемых "революционных караулов" в Тегеране. Их лагерь расположен в городе Баалбеке на северо-востоке Ливана, занятом сирийскими войсками. Смертники носят на груди записку со словами "Аллах велик", начертанными лично Хумейни. Им также выдают штампованную из красной пластмассы розу. Этот жетон, который полагается носить на сердце, служит пропуском в загробный магометанский рай. Долгое время обладатели таких пропусков сидели тихо — пока Цахал не эвакуировал свои войска с Шуфских гор и не открылся путь из Баалбека в Бейрут.

Газеты у нас теперь говорят об этой новой опасности для Израиля. Да и для других стран, причисленных Сирией и Ираном к гидре мирового империализма. Газеты считают, что террор иранских религиозных фанатиков пострашней палестинского. Это верно: самоубийцу остановить трудно. Разница, впрочем, чисто техническая. Потому что презрение к человеческой жизни, своей и чужой, в обоих случаях одинаковое. Как одинакова идейная накачка. Во всех случаях противника изображают в образе гада, а с гадами, как известно, один разговор, независимо от

их породы. В то самое время, как иранец-смертник повернул на израильскую военную базу, палестинцы в районе Триполи резали друг друга так, будто перед ними не люди, и тем более не соплеменники, а гадюки. Когда израильтяне выбивали террористов-палестинцев из лагерей палестинских беженцев в Ливане — предварительно дав срок палестинским женщинам, старикам и детям уйти с места предстоящего боя, — это был геноцид. Теперь, когда палестинцы, переметнувшиеся от Арафата к Сирии, бьют из сирийских пушек и собственных минометов по палестинским женщинам, детям и старикам в лагерях, удерживаемых Арафатом, — это торжество справедливости. Хотя недостатка в информации нет: вездесущее телевидение, американское и французское, снимает и в Триполи. Так что мы, как и весь западный мир, видели молодую арабку с кровавым месивом вместо лица. И арабских врачей, которые роются в этом месиве, отыскивая рот, чтобы вставить в него кислородную трубку.

Но лучше описать другую документальную сцену, вполне бескровную. Месяца два назад в Дамаске состоялся большой военный парад. В нем участвовали не фанатики-иранцы и не анархисты-палестинцы, а дрессированные сирийцы, послушно демонстрирующие как народное ликование, так и народный гнев по хорошо знакомому нам образцу. В Сирии тоже не может быть никакой отсебятины, никакой "инициативы снизу".

Парад передавался по сирийскому телевидению, и наше телевидение показало в записи один эпизод.

Группа сирийских девушек в военной форме выполняла упражнение по закалке воли в борьбе с гидрой сионизма. Упражнение состояло в том, что девушки по команде перегрызли белыми зубами живых черных змей, проглатывая чешую вместе с мясом. Затем мужчины-инструкторы зажарили змей на вертелах и тоже закусили. Все это происходило под самой трибуной, на которой сидел президент Асад со своими соратниками. Соратники энергично выражали одо-

брение. Лицо президента было, скорей, умиротворенно-задумчивым, что вполне соответствовало отзывам о нем на Западе, где его считают умным и дельным политиком. Лишь при бурных аплодисментах и он степенно похлопал. Видно было, что его мысли заняты более существенными вещами, чем показательные упражнения девушек из сирийского комсомола.

Под трибуной жарили и ели змей, перед Асадом стояла бутылка диетического нарзана.

Вернемся теперь к смертнику, которого видел Давид Илуз. Точнее — к самому Илузу. Марокканский еврей, житель заштатного израильского городка, населенного такими же, как и он, марокканскими евреями. Семья, баранка и еще футбол.

— Смертник? Конечно, видел его. И лицо разглядел, — выговорил с трудом Илуз.

— Можете описать? Какой из себя? — навалился репортер.

— Какой, какой... — рассердился Илуз, — мальчишка... От силы лет двадцать. Может, меньше.

— Что еще?

— Чего еще вам надо?... "Хамуд"!

На иврите "хамуд" значит "милый", "симпатия", "добрый малый".

Илуз перевел дух.

— Я бил в него из пулемета и жалел его, и себя жалел!.. — проговорил он с внезапной силой.

Израильское радио передало эти слова среди тысячи других слов, записанных репортерами на развалинах израильской базы и в больницах в день трагедии в Тире. Ничего не помню. А слова рядового израильского солдата о противнике, которого он убил, защищая свою жизнь и жизнь товарищей, никогда не забуду.

ИЗ ПРОГРАММЫ ПЕРЕДАЧ

Как известно, чудо ханукальной лампы состоит просто в том, что она теплится. Хотя всякий раз, когда ее зажигают, ума не приложишь, откуда налить в нее хоть каплю надежды на победу в мире света и добра.

Кто, например, виноват в польских событиях? Как стало известно на Западе, польские власти на подмогу штыкам и танкам пустили версию о сионистском заговоре: Польшу пытаются погубить евреи. В частности, вспомнили, что один из главных лидеров "Солидарности" вовсе не поляк: уцелел ребенком от крематория, прикрылся фамилией своих польских спасителей — и вот, отблагодарил.

Наше радио сообщило об этом обвинении в последних известиях, а затем перешло к текущей программе передач, в которую как раз на этот день и час еще неделю назад был включен рассказ израильтянки Ханны Мельсдорф о том, как в Польше, откуда она родом, она уцелела от крематория, благодаря доброй польской спасительнице.

Словом, произошло одно из совпадений, которые в Израиле случаются так часто, что начинаешь сомневаться, так ли уж случаен случай.

Трехлетней девочкой Ханна Мельсдорф попала в селекцию на железнодорожном полустанке близ Лодзи. Селекция происходила прямо на виду у кучки польских крестьянок, сбежавшихся поглазеть, что там

делают с евреями. Мать Ханны воспользовалась этим, чтобы попытаться спасти девочку. Улучив момент, она нашла в себе силы оторвать от себя дочку и толкнуть ее к одной из полек: "В пальто у девочки защиты деньги — возьмите себе, только спрячьте ее, ради Бога!"

Женщина увела ребенка, достала из-за подкладки вознаграждение и пошла искать, кто бы избавил ее от еврейского подкидыша. Так Ханна попала в дом молодой крестьянки по имени Юзефа.

Четыре года Юзефа прятала Ханну. С небольшим перерывом на то время, когда в доме стало небезопасно и пришлось Юзефе отдать девочку в другую семью. Наверно, похожим образом был спасен и разоблаченный еврей из "Солидарности", и, наверно, как и он, Ханна навсегда осталась бы в Польше. Если б не дядя, брат погибшей матери. Он разыскал Ханну и увез ее в Палестину. Там Ханна встретила своего уцелевшего в войну отца, которого не помнила, и деда с бабкой, которых помнить не могла: те уехали в Палестину еще до войны.

До встречи с дядей Ханна не подозревала, что она еврейка. Попав из материнских рук в руки чужой женщины, Ханна услышала от нее, что мать оттолкнула ее от себя в наказание за дурное поведение. У Юзефы Ханна старалась исправиться и усердно просила пресвятую деву Марию помочь ей в этом. Раза три за войну она вышла с Юзефой из дому к службе в костел. Юзефа была ревностной католичкой. Попав в Палестину, Ханна принялась искать католические храмы и еще много лет спустя продолжала ездить в костелы Яфо и Акко.

Взрослые дети польской семьи, куда Юзефа ее временно отдала, водили Ханну в квартал, разрушенный немецкими бомбами, на развалины бывшей бани и объясняли, что это — жидовский притон, вертеп врагов Христовых, где евреи замыслили козни против добрых католиков.

И вот вдруг в дом Юзефы пришел еврей и увел

Ханну с собой, а заметив, что она крестится, раскрыл широко глаза и строжайшим образом запретил ей это делать.

Ко времени появления дяди, у его семилетней племянницы не сохранилось и тени воспоминаний о родной семье. Ханне не нужны были ни дядя, ни человек, оказавшийся ее родным отцом. Четыре решающих года, когда из младенческого тумана пробивается сознание, она знала одну Юзефу, считая ее мамой и так ее называя. Четыре года она провела взаперти, не видя людей, кроме мужа Юзефы, запойного пьяницы. Его она никогда не считала отцом и вообще не задумывалась над тем, бывают ли у детей отцы.

В эти четыре решающих года Ханне досталась полная мера материнской ласки и любви. Но не от матери, заслужившей вечную память за одно только мгновение, когда она оторвала от себя своего ребенка, а от чужой женщины, полюбившей Ханну всем своим великим сердцем, не дрогнувшим перед смертельным риском.

Страшная, тысячелетиями себя повторяющая еврейская судьба знает случаи, когда даже благороднейшие из человеческих поступков могут ранить и искалечить душу. У Ханны Мельсдорф в Израиле муж и дети. И хотя детей она воспитывает евреями, в отношении себя она годами не могла принять мысль, что она еврейка, да так до конца ее и не приняла.

Все годы в Израиле Ханне снился один счастливый сон: свидание с Юзефой. Польша не впускает к себе израильтян-туристов — только в составе делегаций, да и то редко. Сон казался несбыточным. Лишь незадолго до польских событий, а значит, и до того, как еврейский соратник Леха Валенсы, этот, можно сказать, двойник Ханны Мельсдорф, был объявлен Иудой-предателем за свою любовь к Польше и к полякам, Ханне удалось съездить в Лодзь в составе делегации израильских текстильщиков.

Нет той Юзефы, что приходила к Ханне во сне, как

нет и той Ханны, чей сон ночами оберегала Юзефа, но Ханна закричала: "Мама!", и Юзефа, стиснув руки Ханны, принялась покрывать их поцелуями, словно эти руки принадлежали не взрослой женщине, а ребенку.

На той польской улице, где живет Юзефа, сейчас разъезжают танки. А в доме Ханны Мельсдорф на израильской улице горит ханукальная лампада, зажженная ради детей и мужа. И свет ее не отличается от света других лампад, которые тоже не выдают свои, может быть, не менее потрясающие, но, будем надеяться, не столь жестокие истории.

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Одно из самых сильных впечатлений моей прошлой, доизраильской, жизни — концовка одного из советских телефильмов. Финал многосерийной эпопеи, посвященной второй мировой войне, прежде всего — Великой Отечественной, но с показом участия и жертв всех больших и малых народов мира. Эти жертвы и были вынесены в финал: на черном экране в полной тишине проплывали светящиеся числа — цифры убитых. Не только на стороне стран-союзниц, но и на стороне противника. Отдельно по каждой стране, с точностью до одного человека.

Такая бухгалтерия превосходила по силе воздействия любые художественные средства. Но она была страшна вдвойне еще и потому, что в этой дани каждому пострадавшему народу, преподнесенной по окончательному и не подлежащему пересмотру списку, не было евреев.

По-видимому, ко второй мировой войне евреи не имели никакого отношения. Как, скажем, некоторые племена пигмеев в Экваториальной Африке.

Как нельзя забыть сам реестр, так невозможно забыть и пропущенную в нем строку. Вот о ней, об этой строчке, как и о силе сухого документа, я вспомнил сейчас в Израиле, когда в канун Дня Катастрофы услышал по радио историка Авиغدора Шахама и прочитал в газете материал психолога Яэль Даниэли.

Она пишет протокольным языком. Психолог ис-

следовала некоторые особенности семей, где либо один из родителей, либо оба — бывшие заключенные немецких концлагерей, и докладывает выводы.

После освобождения из лагеря, пишет она, такие семьи создавались, как правило, не по любви, а в силу страха перед одиночеством. Женщина осталась одна, мужчина остался один. Внешность партнеров, их душевный склад, образование, даже возраст роли не играли.

В одиночку у них не было сил, чтобы снова начать борьбу за существование. Немцы не успели их добить, но зато довели до состояния простейшего организма, лишенного средств защиты даже от самого микроскопического хищника. Теперь их грозила раздавить уже не смерть, а жизнь. Сойдясь друг с другом, они образовывали как бы новый, более сложный организм о целых четырех руках и четырех ногах. Они спешили родить ребенка, чтобы превратиться в многоножку, на которую еще легко наступить, но уничтожить уже непросто. Без ребенка спасение оставалось зыбким и условным — с ребенком они становились настоящими победителями смерти, уготованной им концлагерем. Поэтому рождение ребенка было победой не только над смертью, но и над Гитлером.

Как правило, детей в таких семьях нарекали именами погибших родственников. Так живые вызывали из могил мертвых, но детям не полагалось знать, что видели глаза их родителей и как умерли эти мертвые. Нельзя травмировать ребенка — и отец с матерью запирали рты на замок. По ночам они мучались кошмарами, днем улыбались. Улыбка скрывала многоголовую гидру страхов: страх перед будущими несчастьями, которые, кажется, подстерегают их за каждым углом; страх за свое здоровье: пережив крематорий, страшно умереть от гриппа; страх за детей, да такой, что, даже когда ребенок взрослый, дверь к нему в комнату из спальни родителей должна быть открыта. А днем ежеминутно надо знать, где он, что делает и с кем встречается. Если уедет и сутки не

позвонит, это воспринимается как предательство. Ведь должен понимать, что он значит для своих родителей.

И взрослый ребенок действительно понимает. Яэль Даниэли констатирует, что дети бывших концлагерников уходят из семьи значительно позже, чем их сверстники. С трудом приобретают самостоятельность. Долго не находят себе пары. Лишены инициативы, которую они годами подавляли в себе в угоду родителям. Травмированные, с одной стороны оранжевым воспитанием, с другой — безобразными семейными сценами, почти неизбежными при постлагерном браке, как правило, столь же прочном, сколь и несчастливом, они к тому же навсегда мечены ужасом, пережитым родителями, скрываемым, а потому абстрактным, бесформенным, как тяжесть, которую они обречены нести в себе всю жизнь.

Речь идет, подчеркивает психолог, не о единичных случаях, а целом поколении евреев, и о следующем поколении. Так что не надо обманываться, полагая, будто прошлое изжито. Лапа Катастрофы — предлинная, она отпускает только мертвых.

Мне, наверно, не удалось сохранить протокольный стиль Даниэли. А именно он передает весь ужас содеянного над евреями.

О советском протокольном перечне, куда вошли все народы, а мой не вошел, невозможно было не вспомнить, слушая радиоинтервью израильского историка Авигдора Шахама. Он положил двенадцать лет жизни, чтобы выяснить, верно ли общепринятое мнение, будто румынских евреев Катастрофа почти не коснулась. Шахам доискался-таки до маленькой пропажи: 690 тысяч уничтоженных румынских евреев, о которых забыли и о которых никто не знал, словно их никогда не было на свете.

Мало того, что 690 тысяч были забыты, так еще и в небытие они канули по-особому: эти 690 тысяч евреев — 300 тысяч из Бессарабии, 300 тысяч — из Трансильвании, 90 тысяч из Буковины — не были ни застрелены, ни отравлены, ни сожжены. Сначала

румынские войсковые начальники выполнили приказ маршала Антонеску выкопать рвы вдоль сельских дорог в Трансильвании. Затем осенью и зимой по этим дорогам румынские конвоиры гоняли колонны евреев. Взад и вперед. Без еды. С наступлением темноты евреев загоняли в лес на ночлег близ очередного рва, а на рассвете приказывали оставшимся в живых тащить в ров не доживших до утра и выходить на дорогу строиться. Тех, кто и после всего уцелел, разогнали по брошенным хуторам и заперли в пустые коровники.

Из 690 тысяч евреев выжило 13 тысяч. Среди них был двенадцатилетний Авигдор Шахам. Теперь своим исследованием он поставил в Израиле памятник мертвым. Зная, что кроме него, еврея, никто их не вспомнит и не внесет в реестр.

СОБАКИ, БРЕХТ И ГИТАРА

По второй программе израильского радио транслируется с восьми до двенадцати утра — четыре часа подряд — радиожурнал. Передача выдержана в духе домашней беседы, и, соответственно, называется "У нас дома".

Мне уже как-то представился случай поговорить о новизне ощущения жизни в собственном доме. Я старался показать, как это ощущение сказывается на израильтянах, говорил о всеобщем отрицании любых форм официальщины и парадности, в том числе в одежде и поведении. Неслучайно в израильском лексиконе почти не встречаются такие слова, как "родина" и "отечество": в Израиле родина — это школа, военная служба, праздники и будни. Нет абстракций, есть конкретные вещи, общие для всех, кто вместе с вами сидел за партой, ходил на экскурсии, потел на учениях, изнывая на марше в противогазе под тяжестью санитарных носилок с условно раненым товарищем-здоровяком, терпел страх и видел смерть на войне. "Страна — это я!" — перефразировал бы французского короля каждый житель Израиля, если бы только согласился сформулировать свое ощущение страны.

Заголовок "У нас дома" в ином месте прозвучал бы как штамп из арсенала патриотического воспитания масс. В Израиле — это обещание не морочить голову отвлеченными рассуждениями. Слушатель выключит

приемник, если с ним заговорят о том, что не представляет для него личного интереса, а в передаче на роль ведущего не подберут человека, который подкупит слушателя с первого же слова.

Не скажу, чтобы это всегда удавалось актерам израильского театра и кино. Иное дело израильская эстрада. Радиожурнал ведет Ривка Михаэли. Она чувствует себя как дома и на эстраде, и в стенах любой израильской квартиры, где звучит передача "У нас дома".

Михаэли так хорошо знакома израильтянам, что ее заочная аудитория не только слышит актрису, но и видит ее воочию, едва лишь в динамике раздается ее грудной хрипловатый голос. Гибкая, как шпага, фигура, завидная в возрасте без возраста. Обворожительная улыбка, в которой не участвуют умные, насмешливые глаза. Южный темперамент — актриса им управляет так, что выходцы из Франции и из Йемена в равной степени считают ее "своей". Михаэли не разочаровывает ни тех, ни других. Недавно она вела эстрадный концерт на вечере репатриантов из Грузии и по ходу выступления не забыла тонко намекнуть залу, что в ее жилах течет кровь грузинских евреев.

После такого намека ей пришлось долго пережидать овации.

Так или иначе, Ривка Михаэли воспринимается как своя еще до того, как выходит из-за кулис или садится к студийному микрофону. Кстати, она вполне может начать с громкой одышки и откровенного объяснения: проспала, едва успела к началу передачи. Было, не было — неважно: важно, что это "у нас дома", а дома можно и проспать. И работающий с Михаэли звукооператор может вставить в радиожурнал не ту пластинку. Возможно, это элементарный брак в работе. Но, если у нас дома на кухне может пригореть яичница, почему у нас дома на студии не может выскочить в эфир не та пластинка? Скрыть, умолчать? Напротив — обыграть и приправить моментальной шуткой. И

Михаэли молниеносно импровизирует. Такое, по крайней мере, создается впечатление. Михаэли разговаривает по радио, как заглянувшая к нам соседка: та ведь тоже не судачит по бумажке, приготовленной накануне.

Одна из страничек радиожурнала отведена выступлению Ханны Земер. Ханна Земер — главный редактор "Давара", партийной газеты израильских социал-демократов. О чем же говорит эта официальная дама с профилем римской императрицы, когда она садится за микрофон передачи "У нас дома"? Об истории сионистского движения? О насущных общественных задачах? Нет, "У нас дома" Земер рассуждает о погоде.

Слушателям не надо объяснять, что такое израильская жара — но как все-таки с ней бороться? Об этом стоит подумать вместе, а у Ханны есть свои наблюдения и рецепты. Лучше всего, говорит она, просто лечь и не шевелиться. Но такая роскошь, увы, недоступна ни скромному слушателю, ни горделивому редактору партийного официоза. Что же остается? Остается великая вещь — самовнушение! Мне сейчас жарко, пот течет, говорит Ханна Земер, а я внушаю себе, что не жарко. И она рассказывает, как ездила в Египет, в Александрию, и как там было сносно и даже приятно, невзирая на тридцать шесть градусов в тени. В Тель-Авиве убивает зависть к тем, кто прохлаждается в Нетании на пляже. А в Александрии Ханна постоянно напоминала себе, что она на самом прохладном египетском курорте, никакого сравнения с жарой, например, в Каире.

После Ханны Земер к микрофону садятся врач и психолог: странички, посвященные здоровью вашей семьи или воспитанию ваших детей. Перед началом радиожурнала Михаэли сообщает телефон студии и приглашает слушателей звонить с рассказами и вопросами. Звонки транслируются в эфир, так что вы слышите живой разговор, а не запись. Разговор не вырубят, как бы он ни повернулся, пусть резко, пусть

смешно.

Чтобы критикнуть безумные нынешние цены на земельные участки, Михаэли выкопала из газет полувековой давности объявление о продаже земли и зачитывает его: тысяча пятьсот палестинских миль за участок на улице Бен-Иегуды. Михаэли вслух пересчитывает палестинские деньги на израильские. Слушайте, слушайте — в центре Тель-Авива можно было купить участок за сто пятьдесят лир!.. Раздается звонок. Вы слышите в трубке хрипы и сипы какого-то древнего старца: "Ошиблись, моя милая, — галантно обращается к Ривке старец, — тысяча пятьсот палестинских миль — это полторы лиры. Вот какие были времена!.."

Да, действительно. Но микрофоном уже завладел ученый ветеринар, который рассказывает вам, как быть с вашей собакой, случись ей отказаться в интересном положении. Это очень важная тема, учитывая количество собак и полную свободу передвижения. Огромные белокаменные доги возлежат в позах античных сенаторов и на буржуазной улице Дизенгофа и на пролетарском газоне израильского киббуца. Перевернув страничку догов, радиожурнал "У нас дома" может сразу оказаться на страничке Бертольда Брехта. Брехт будет пользоваться прочным успехом в Израиле, пока не кончатся войны и социальная несправедливость.

Встык с универсальным Брехтом идет пластинка самой израильской из израильских эстрадных певиц.

Не знаю, случайно или нет, в сценическом гриме Хавы Альберштейн есть нечто от маски клоуна — самого искреннего и доброго персонажа человеческой комедии. В концертах она выступает одна, без партнеров, без декораций, без ведущих и, не покидая сцены, поет два отделения, каждое по полтора часа. Все три часа аккомпанирует Хаве Альберштейн ее гитара.

Модные израильские эстрадные певцы и певицы, едва успев зарекомендовать себя дома, едут завое-

вывать мир. Не слыхал я о зарубежных гастролях Альберштейн и более того — не могу себе их представить; не могу вообразить вне Израиля не только самой Хавы, ее музыки и текста ее песен, но и такого массового отклика на эти песни.

По праздникам, кстати, — как и в дни общенационального траура — составители программ радио и телевидения почти автоматически включают в передачу ее пластинки и киноконцерты. На первый взгляд это неожиданно, потому что в ее репертуаре нет ни одной песни так называемого гражданского содержания. Она поет не о судьбах страны, а о судьбе человека — но что же, если не его судьба, есть судьба его страны?..

"У нас дома" не существует тем постыдных и запретных, и Хава выносит на эстраду и человеческие муки и падения. Она делает это очень по-израильски, то есть просто, сдержанно и вместе с тем в полный голос. Приход гибели и смерти она выражает с той же самозабвенной силой, с которой воспекает женское счастье. В одной из своих песен она говорит о себе, что в оправдание своей жизни не принесет к престолу Всевышнего ничего, кроме двух ямочек на щеках и шести порванных струн.

ДВА СТАЛЬНЫХ БАЛЛОНА СО СЖАТЫМ ВОЗДУХОМ

Между страной, откуда я приехал, и страной, где я теперь живу, неожиданно оказалось большое сходство в отношении к победам своих спортсменов над иностранными соперниками.

Правда, в стране, откуда я приехал, это отношение инспирируется партийно-политическим аппаратом, ставящим перед спортивной командой и бронетанковой дивизией, по сути, одни и те же задачи. В стране, где я теперь живу, оно никем не инспирируется, если не считать неистового желания всех ее граждан, чтобы победили "наши".

Недавно тель-авивская "Маккаби" выиграла у мадридского "Реала" и второй раз вышла в финал кубка Европы по баскетболу. Кому как не самим израильтянам хорошо известно, что это не самое крупное событие века и что у Израиля и дома, и за его пределами есть куда более насущные проблемы. Неважно! Все израильские газеты поместили отчет о матче на первой полосе, где репортер "Маарива" восторгался: "После игры тысячи поклонников "Маккаби" осадили выход № 9 дворца спорта в Яд-Элияху, дожидаясь своих кумиров, а в это время в раздевалке кумиров шампанское лилось рекой. Приглашенный из Америки игрок "Маккаби" Эрл Вильямс, негр-гигант, стоял посреди раздевалки в чем мать родила и, вскинув руки к потолку, распевал в экстазе: "Мы идем

на Берлин!”

Почему на Берлин? Потому что финал кубка состоится в Западном Берлине. Финал в Берлине еще впереди, но к концу матча в Яд-Элияху трибуны уже скандировали в сладком трансе: ”Кубок — наш!!!”, ничуть не смущаясь таким рискованным предвосхищением событий. Назавтра болельщики ринулись заказывать авиационные билеты в Германию и в один день расхватили три тысячи билетов.

Цены в стране растут, учителя, врачи, медсестры бастуют, перед Кнесетом состоялась массовая демонстрация земледельцев. Они жаловались на то, что правительство пускает их по миру и в знак протеста метали за ограду парламентского двора специфические еврейские снаряды: живых кур и петухов. Слетать на баскетбольный матч в Берлин стоит от четырнадцати до двадцати пяти тысяч лир. Вот и пойми наше тяжелое экономическое положение.

Гораздо легче понять негра, от избытка чувств раздевшегося догола. А победа-то была всего лишь над дружественной нам Испанией. Стоит ли в таком случае удивляться массовому ночному купанию болельщиков после победы ”Маккаби” в позапрошлом полуфинале кубка над бронетанковой ЦСКА. Правда, народ прыгал в фонтан на центральной площади Тель-Авива исключительно в одетом виде. Почему? Потому, что в минуты национального триумфа стыдно заботиться о костюме! По одним данным, в триумфе участвовало сто тысяч промокших костюмов, по другим — двести. Тель-Авив в ту ночь, кажется, превзошел Париж после взятия Бастилии.

Наши учителя жизни такое поведение строго осудили. Плебейство! Инфантильность! Согласен, хотя в таком случае придется причислить к инфантильным плебейам самого себя. В стране, откуда я приехал, я тоже неистово болел при каждой международной спортивной встрече. Конечно, за гостей. Увы, чаще побеждали хозяева, что вполне объяснимо, если учесть их самую прогрессивную в мире систему професси-

онального любительства.

Если в стране, где я теперь живу, у меня случится инфаркт, то от волнения за тель-авивскую "Маккаби". Тем более, что со спортом в стране "Маккаби" ситуация прямо противоположна той, что в стране ЦСКА: по данным того же "Маарива", Израиль находится на последнем месте в мире по государственным ассигнованиям на спорт. Поэтому у нас есть одна-единственная команда, которой под силу поединки с лучшими зарубежными соперниками.

Нашим болельщикам, кроме нее, не на кого надеяться, но уж зато накал страстей грозит взорвать огромный крытый стадион Яд-Элияху в Тель-Авиве. Кому мало глотки, тот запасается дудками, свистульками и трещотками. Один болельщик приволакивал на трибуну два стальных баллона со сжатым воздухом, к которым он подключал сирену. Теперь умельца не видать, выпроводила полиция: и без его сирены бетон "колышется".

К началу международного матча с участием "Маккаби" улицы пустеют, как по сигналу воздушной тревоги: население бежит к ближайшему телевизору.

Сначала на экране заставка. С фанфарами. Потом — вступительное слово главного комментатора. Потом — интервью с тренерами соревнующихся команд. Тренер-гость, как правило, настроен оптимистично. Похвалив "Маккаби", он обещает у нее выиграть. Тренер "Маккаби" настроен хмуро. Он выражает надежду не проиграть. Он боится не столько соперников, сколько народного гнева. Затем показывают трибуны. Матч с "Реалом" почтило своим присутствием пять министров, дав повод газетам язвительно заметить, что на стадионе можно было устроить заседание правительства. Наконец, свисток — и на площадку обрушивается первый стон трибун.

Я не буду описывать игру, это дело специалистов. Специалисты говорят, что обе стороны превзошли себя и показали класс, близкий к уровню американского профессионального баскетбола. Навязчивая идея

догнать и перегнать Америку меня, профана, всегда ужасно смешила. Смешны мне эти разговоры и здесь. К тому же, с меня хватило и того бешеного переживания, которое доставил мне и всему инфантильному Израилю этот матч с его счастливым концом.

ЭПИКУРЕЕЦ ИЗ МЕА-ШЕАРИМ

Поговорим о рабби Арье Лейб Вайсфише, о документальном фильме израильского телевидения про эту личность, словно вынырнувшую из путанного, но удивительного сна.

Представьте себе Иерусалим, где схлестнулись и люди и храмы, где любовь и ненависть, отчаяние и надежда продолжают витать и в ночной тишине, застывающий еще засветло, как вода в горном озере.

А в Иерусалиме среди всех его кварталов, налитых до краев, словно канистры с бензином, национальными, религиозными и политическими страстями, представьте себе квартал Меа-Шеарим. Завешенные бельем, залепленные самодельными афишками старые низкие дома из грубого камня, в грубых решетках с железными лестницами и переходами, точно казармы нищего воинства. Да они и в самом деле казармы "Нетурей карта", то есть секты "Стражей города", стражей Храмового города Иерусалима. Молитвами и воззваниями, расклеенными на стенах, а порой и булыжником, секта бережет Иерусалим от еврейских еретиков, от крамольного сионистского государства, покусившегося на роль Мессии, сиречь нарушившего волю Неба.

А теперь в этом квартале представьте себе что-то вроде пещеры или кельи, неприбранной, как жилье, где не различают дня и ночи. В тусклом освещении верстак, колченогий стол, стеллаж с книгами и койка.

Запах несвежей постели, старых книг и сыромятной кожи, из которой обитатель этого жилья нарежает ремни тфиллин. Тиски, стамески, клей. У хозяина худые руки с большими кистями мастерового. Он кормится угодным Богу ремеслом. Он носит платье установленного покроя, как бы заменяющее членам секты униформу. Черное сукно под стать черным пейсам и бородачке. Обладатели подобной одежды на порог к себе не пускают безбожников, тем более с таким измышлением дьявола, как телевизионная камера. На улице они прячут от нее лицо за шляпу, молитвенник или насакивают на объектив с растопыренной пятерней. Обитатель же пещеры снимается с большим удовольствием, да еще пускается в опасные рассуждения. Свободомыслие у членов "Нетурей карта" — смертный грех, а рабби Арье Лейб Вайсфиш не просто растекается мыслью по древу, но и превозносит гоа Фридриха Ницше. Вот так.

Прошу не забывать, где звучат эти речи. В самом сердце квартала Меа-Шеарим! Каким образом Вайсфиш не побивают камнями, понять невозможно. У "Нетурей карта" сживают со свету за куда более мелкие провинности. А рабби Арье жив-здоров и даже в прекрасной форме. Тош, но мускулист и проворен, как породистая борзая. По части психической он еще здоровее. У него зоркий глаз и острый язык. Он знает настроение умов не только в своей твердокаменной слободке, но и на беспутной израильской улице. Знает и довольно иронически относится и к тем, и к другим. И все же, с одной стороны, он не отказывается от своей секты, а с другой — держит у себя в пещере кошунственный патефон и в курсе последних израильских новинок эстрадной музыки. Вопреки своей аскетической внешности реб Арье Лейб Вайсфиш, в сущности, эпикуреец. Пирует напропалую среди угрюмых стойков. Только вместо виноградного напитка услаждает себя бальзамом неистощимой человеческой мысли. Черпает наслаждения из собственной черепной коробки, из работы серого вещества. Все прочее — по

боку. В том числе и супругу, и одиннадцать произведенных на свет детей. Дома наслаждаться ему, конечно, мешают, так что домой он заглядывает крайне редко, например, для съемок документального фильма. Не за Ницше его отлупить бы, а за сирот при живом отце, но что толку — рабби Арье неисправим. "Можешь не прятаться от камеры, — снисходительно разрешает он жене. — Телевидение тебе уже не испортит свадьбы".

Ну а Ницше — почему именно Фридрих Ницше? Потому что Вайсфиш открыл для себя и проповедует другим, что Гитлер фальсифицировал идею этого философа. Идею о сверхчеловеке следует понимать не в смысле расового превосходства или господства одной нации над другой, а как гимн интеллектуальной элите. Кто не мыслит, тот влачит существование животного. А кто пробует еще и вылущить зерно истины из шелухи лжи, тому требуется огромное мужество. Он, Вайсфиш, с помощью книг проделал в своей пещере самые рискованные путешествия человеческой мысли, все самые грандиозные ее прорывы к добру и к правде и не нашел более честного и бесстрашного капитана, чем великий немец. Ницше, утверждает рабби Арье, как никто другой в мире, понимал достоинства иудаизма и евреев. Ежели бы его, Вайсфиша, впустили в Восточную Германию, он поклонился бы праху немецкого философа.

Хотя, разумеется, не в его, Вайсфиша, обычае придавать значение могилам и тем более им кланяться.

Представляете теперь этого неоницшеанца в пейзажах, столь причудливо воплотившего в себе вечный образ правдоискателя? Этого доморощенного философа из Меа-Шеарим, который выступает в Иерусалиме с публичными лекциями, выпаливая в зал, всегда, кстати, переполненный, цитаты из "Заратустры"? Если б не сионистское телевидение, сделавшее фильм об этом противнике сионизма, не так давно боровшемся с сионистским государством то в кулуарах ООН, то при дворе короля Хуссейна, если бы не этот фильм, про-

никнутый откровенной симпатией к этому человеку, мы никогда не узнали бы о нем, об этой фантастической фигуре, невероятной даже на фоне поразительного человеческого калейдоскопа в Израиле.

ЩЕДРЫЙ СКУПЕЦ

В октябре 68-го года посол Израиля в Англии передал письмо из посольской почты писателю Ахарону Мегеду, который только что приехал в Лондон в качестве атташе по делам культуры. Отправитель этого письма сообщал о своем желании принести в дар Государству Израиль собранные им сокровища восточного искусства. Иные предметы его коллекции превосходят шедевры Британского и Каирского музеев. Сам он находится в преклонном возрасте и не хочет, чтобы после его смерти собрание досталось иноверцам. Далее следовали адрес и номер телефона.

Мегед поднял трубку и набрал указанный номер, чтобы тотчас покончить с делом. От одного утверждения о превосходстве над двумя знаменитейшими музеями несло мистификацией или просто старческим бредом, но этим не ограничивались странности письма. Написанное на превосходном, но чрезвычайно высокопарном английском языке, оно было увенчано вензелями, обрамлявшими герб с духовным стихом на иврите. Стих был подписан именем "Иоханан бен-Давид", в подписи под текстом значилось "профессор Иохана бен-Дауд". Между тем женщина, ответившая на звонок Мегеда, говорила на кокни — диалекте лондонского простонародья. Мегед приготовился услышать, что ошибся номером, но вместо этого услышал, что профессора она давно не видела. Профессор болен. Лежит, возможно, дома или увезен в больницу.

Прошло две недели, прежде чем заинтригованному Мегеду ответил сам старик. Нет, нет, он сейчас никого не принимает по причине нездоровья. Да, да, позвонит как только поправится.

Чем больше дней проходило без обещанного звонка, тем нетерпеливее поглядывал Мегед на телефон. Наконец он не выдержал и без приглашения поехал по указанному адресу. Хайгейт. Лондонский рабочий квартал. Трехэтажный дом, выщербленный и покрытый копотью, стоял в длинном ряду своих кирпичных двойников, облитых мокрым туманом. Встреченная Мегедом босая девчонка с нечесанными волосами отправила его на второй этаж. Никто ему не открыл. На третьем этаже два веселых студента, помахивая жестянками пива, сказали, что за профессором Даудом снова приезжала машина скорой помощи и увезла его в больницу.

Мегеду начали мерещиться шерлок-холмсовские сюжеты. Стилль письма, с одной стороны, лондонские трущобы и туман — с другой много тому содействовали.

К розыскам таинственного профессора подключился приехавший в Лондон нумизмат израильского музея. Тот нашел больницу, куда увезли старика, съездил к нему раз, другой, третий, и наконец сообщил, что выудить что-нибудь у Иоханана бен-Давида, он же профессор Иохан, он же Бен-Дауд, о его собрании невозможно. Нельзя понять, его коллекция реальность или фантазия. Скорее фантазия. Хотя одно бесспорно: старик знает толк в том, о чем он говорит.

На дворе стоял уже проливной лондонский ноябрь, когда в квартиру на втором этаже кирпичного дома в Хайгейте вернулся ее обитатель. Он будет счастлив принять у себя дипломатического представителя Государства Израиль, сказал старик по телефону. И принес витиеватые извинения по поводу того, что не сможет оказать гостю подобающего приема, ибо прикован к постели.

Войдя в квартиру, Мегед увидел высокий потолок в паутине и огромную железную кровать с пледом, торчавшим из-под старых газет, накиданных на постель целыми пластами. В комнате было холодно, как в карцере. У изголовья на табуретке стояла пустая бутылка из-под молока и блюдо с заплесневевшей простоквашей. Рука, лежавшая на газетах, казалось, принадлежала скелету. Затем Мегед разглядел запавшие щеки и провалившийся рот. Комната с ее обителем оказалась даже не конан-дойлевской, а диккенсовской.

Старик отклонил предложенную ему помощь и попросил перейти к делу. К условиям, на которых он хочет преподнести Израилю свой дар. Да, он ставит некоторые условия и просит учесть, что коллекции нет цены. Номинальная стоимость? Несколько десятков миллионов фунтов стерлингов.

Мегед снова покосился по сторонам. Два ветхих шкафа, между ними дверь на ржавом засове. За ней, что ли, эти миллионы?

Как только старик заговорил о своем собрании, его потухшие глаза заблестели. Приподнявшись с грязной подушки, он хвастал перед гостем и даже торжествовал, но все как-то с горечью, с какой-то мрачной обидой.

От Диккенса мы перешли уже и к Мольеру, подумал Мегед. Скрыга, пожалуй, почище мольеровского. Если, конечно, в его излияниях содержится хоть крупица истины.

Не веря во всю эту затею, посольство все же составило контракт. По крайней мере, условия старик поставил вполне разумные. Перевозка коллекции за счет Государства Израиль. Квартира в Иерусалиме. Пенсия. А также секретарша для составления описи предметов. Юрист посольства написал черновик и пошел показывать английскому коллеге. "Превосходно", — зарокотал знаменитый сэр Готхарт, крупнейший лондонский специалист по наследственным делам. — Одно "но": законы Британии запрещают вывоз пред-

метов искусства, созданных более ста пятидесяти лет тому назад. После смерти владельца таковые автоматически поступают во владение английской короны, если они не завещаны родственникам покойного”.

— Но не падайте духом, — усмехнулся английский адвокат. — Наш кодекс не вхож в ваше посольство. За вами права экстерриториальности. Вы можете беспрепятственно отправить ваш дар в Израиль — но только с территории посольства, разумеется. Надеюсь, вы меня поняли?

Понять-то израильский юрист понял, но профессор Дауд теперь перестал спешить с дарственной. Высохшая рука хватала перо и сердито его отбрасывала, словно ее приводили в движение две противоположные силы. Между тем старика перевезли за счет посольства в респектабельный лондонский дом для престарелых, где его впервые за много лет помыли и накормили горячей пищей. Молодой киббуцник, приехавший из Израйля учиться в одной из школ медицинского массажа, взялся разминать старику позвонки и через неделю объявил в посольстве, что там даже не понимают, что за человек этот старик.

16 января 1969 года Иоханан бен-Давид, он же Иохана бен-Дауд, скончался. У него были жена и дети, с которыми он давным-давно порвал всякую связь. Он не числился в списках общины лондонских сефардов, в синагогу общины никогда не ходил и никакого участия в ее делах не принимал. Община от него отказалась, и за гробом никто не шел, кроме трех израильтян: писателя, нумизмата и массажиста. В вещах покойного нашли записку к послу Израйля: ”Спасите, умираю!”

Ну, а клад?

За несколько дней до смерти старик все-таки подписал и дарственную, и доверенность работникам посольства на изъятие коллекции из квартиры. В двух шкафах оказались восточные безделушки да сувениры небольшого достоинства. Чтобы сбить засов с двери во внутренние помещения, понадобился слесарь. Там,

в тучах известковой пыли, из ящиков, шкафов и сундуков посыпались завернутые в ветошь сокровища.

Все, что значилось в письме и что утверждал на словах старик, было чистой правдой: полотна, написанные в Персии, Индии, Турции и Афганистане триста-четырееста лет тому назад; драгоценные восточные миниатюры; редчайшие инкунабулы и манускрипты на персидском, арабском и иврите; гобелены и ковры, монеты и медали, кинжалы и сабли, щиты и кольчуги. Восточный фаянс, блистающий изумрудом и ультра-марином, слоновая кость, медь и серебро замечательной чеканки.

На всякий случай Мегед с товарищами приехали на двух посольских машинах. Потребовался еще и грузовик. Полтора дня пришлось работать, чтобы вывезти клад из продутого холодными ветрами Хайгейта.

Внизу на первом этаже нашли личный архив покойного. О, в какой благополучной семье родился и как увлекательно — если, конечно, не считать старости — прожил он свою жизнь! От лиц на ранней семейной фотографии, сделанной в Тегеране, веет спокойствием, богатством и превосходнейшим положением. Как можно себе представить, что самоуверенный юноша в черном сюртуке и белой манишке кончит свои дни без единой родной души и не к кому будет обратиться свой последний крик, кроме посла Израиля... А ведь в Кембридж, который он окончил, его рекомендовал не кто иной, как сам вице-король Индии лорд Керзон. В первую мировую войну молодой специалист по искусству ислама служил в британской разведке. Он чувствовал себя своим человеком в Европе и в странах Востока, знал с принцами и магараджами и, одержимый страстью, покупал и приобретал.

В зависимости от обстоятельств он менял имена, подписывался то "Иохана бен-Дауд", то "Мирза Дауд", то "Иоханан бен-Давид". Он не верил в Бога, не был сионистом, но в письмах цитировал Талмуд и рас-

суждал о еврейском государстве. Весь он состоял из противоречий. Богатый как Крез, еще задолго до того, как кончить жизнь в нищей комнате, он из скупости вел счета на полях газет, салфетках и квитанциях. И при этом, как выяснилось, еще в 1926 году отвалил Еврейскому университету в Иерусалиме тысячу томов гебраики и с полста персидских и арабских манускриптов. Нет, он не жил в Израиле — Израиль жил в нем. Колот вечной занозой.

Я рассказываю эту историю, напечатанную в газете "Иедиот ахаронот" пятнадцать лет спустя встречи Ахарона Мегеда с Иоханой Даудом, не из-за сходства ее фантастического героя с героями Диккенса или Мольера.

Зигзаги его жизни и его души не потому заслуживают описания. Они проходят через весь галут, через всю упорную любовь евреев к чужбине и всю их смиренную тоску по родине.

Поэтому, мне кажется, фигура нищего Креза и щедрого скупца много значительней даже его замечательной коллекции.

МЕЩАНСТВО ВО ДВОРЯНСТВЕ

Речь пойдет о явлениях, на мой взгляд, присущих национальному облику Израиля, и наоборот, заимствованных в ущерб национальной самобытности. Хотя последние, вероятно, неизбежны у малых народов, над которыми простирается тень сверхдержав. Над одними — в форме штыка, над другими — мешка с чужим золотом.

Старый эрец-исраэльский писатель Ашер Бахар оставил прелестное описание Тель-Авива эпохи первой мировой войны. Дома, словно прямиком перенесены из Киева и Самары на пески Ближнего Востока. Отцы первого в мире города, заговорившего на возрожденном иврите, рядят и судят на своих заседаниях по-русски. Пьют чай внакладку и вприкуску, разумеется, из самовара. Самовар раздувает сапогом рыжебородый сторож городской управы Тель-Авива — крестьянин Смоленской губернии, принявший еврейскую веру и еврейское имя Авраам.

Не только бытовая, но и вся идейная сторона строительства национальной жизни испытала на себе в предгосударственный период сильнейшее русское влияние. Чтобы описать его, нужны тома. Нашелся, правда, остряк, который сказал об этом в двух словах: большевики пошли брать Зимний, а меньшевики уехали в Палестину. С тех пор и в мире, и в молодом израильском обществе произошли радикальные изменения. После второй мировой войны, в 50-е годы Израиль

отрезало от России, словно акушерскими ножницами.

Вывавшись из орбиты одной сверхдержавы, малые страны тут же попадают в поле притяжения другой. Однако в короткое переходное время Израиль успел заложить фундамент независимой национальной культуры. Он успел приобрести то лица не общее выражение, без которого извечная мечта евреев о собственной стране потеряла бы смысл. Успел приобрести иногда прекрасные, иногда уродливые, но свои черты. Наше небо и наше болото. Но и над нами простирается великодержавная тень. Еще слава Богу, что не в форме штыка.

На американские вывихи, следовавшие за российскими, тоже нужны тома, а у меня считанные страницы. Поэтому возьмем наугад израильскую газету. Среди реклам вы тотчас найдете израильское молоко под английским названием "йогинг", напечатанным литерами возрожденного иврита. Затем в глаза ползут еврейские куры по имени "американ чикен", за ними сыпется горох "санфрост" и тает мороженое "сноукрест". Хотя горох, куры и прочие цыплята выращены не в Аризоне, всем им так импонируют американские титулы, что стоит возвести родную израильскую курицу в "американ чикен", и она надуется, как индюк.

Мелочь, конечно. И объявление о премьере "Оклахомы" в тель-авивской опере, соседствующее с пожеланием Тель-Авиву обзавестись консерваторией не хуже нью-йоркской школы Джульярда — тоже мелочь.

Благое пожелание. Но когда далее газета вам предлагает статью о пяти самых богатых семействах Америки, а на десерт — портрет доблестного американского боксера по кличке "Шугер", что, как известно, значит "сахар" — это уже не сахар.

На что надеешься, когда читаешь, слышишь и видишь вокруг себя все это мещанство во дворянстве? На то, что ничто не вечно под луной. На то, что в этом мире все возвращается на круги своя.

Смешная история случилась недавно. На Беер-Шеву,

абсолютно не по сезону, обрушился с неба потоп. Город оказался по колено в воде. Но буквально в трехстах метрах от него лишь слегка покропило. В Беер-Шеве выпало сорок миллиметров осадков, в то время как за ее окраинами едва набралось миллиметров шесть, сообщил по радио дежурный метеоролог. И добавил: "Такое явление описано еще в Книге пророка Амоса, глава четвертая, стих седьмой. Там сказано: "За то Я проливал дождь на один город, а на другой город не проливал дождя. Один участок был напоен дождем, а другой, не орошенный, засыхал".

Вот тебе и израильский метеоролог! Он, может, и клюет на "американ чикен" — но только пока небо не разверзлось. Тут наш метеоролог вспоминает не американского президента, изобретателя громоотвода, а своего древнего предка — пастуха.

ДОЖДЬ

В Европе говорят о погоде, когда больше говорить не о чем.

В Израиле погода — будь то жара или дождь — вытесняет с первых газетных полос как местные, так и международные сенсации.

Выпавшие на прошлой неделе осадки заслонили собой главную новость — об очередной судороге международного страха перед террором, замешанном на нефти. Отказ Мексики впустить к себе шаха ушел в тень, освободив центральные колонки отчетам о дожде.

”Мощный паводок, хлынувший с гор в результате ливня, едва не унес пикап с пассажирами в пропасть, — живо писал репортер ”Иедиот ахаронот”, не жалея красок и явно радуясь такому неумемному могуществу стихии. — Машина, затопленная выше руля, неслась к обрыву. На счастье, рядом оказался автобус, которым управлял Иоси Амитай из мошава Хамра. Он успел встать между пикапом и краем пропасти.

Стихия, между прочим, явилась к нам из Советского Союза. Накануне синоптики рассказали по телевидению о перемещении холодных воздушных масс, движущихся в наши края из России через Турцию. Никто не придавал этому особого значения: от СССР никогда не приходится ждать ничего хорошего, а от Турции в лучшем случае теперь можно ожидать, что она не слишком заразится от Ирана. Ноябрь закан-

чивался в Израиле под небом синим, как фаянс мечети в Мекке, захваченной группой правоверных, как утверждает Хумейни, по наущению еврейских сионистов и американских империалистов. На телеэкране после новостей, посвященных белобородому заклинателю змей, поймавшему американских дипломатов в мешок, пошел и другой животрепещущий сюжет: обмеление Киннерета. Три метра ниже оптимального уровня воды.

На экране водозаборные трубы на берегах озера — главного израильского резервуара пресной воды — лежат, как рыбы, выброшенные на песок. Вода ушла на 15-20 метров от пересохшего зева каждой трубы. Жара 25 градусов по Цельсию, а на дворе конец ноября. Сварщики срочно приваривают к трубам новые звенья. Кто-то не растерялся и сообразил развести на песке обнажившегося дна пышный огород. Показывают обмелевший Иордан в том месте, где он впадает в Киннерет. Из-за прошлогоднего зимнего бездождья река принесла в Киннерет вместо обычных 800 тысяч кубических метров воды только половину. Показывают рыбака в лодке. Рыбак рассуждает: "Что может спасти положение? Одно лишь чудо". Он улыбается. Он невозмутим. Кажется, есть от чего прийти в отчаяние, но Израиль вообще стоит на чуде. Дожди? Бог посылает Израилю дожди.

И не просто посылает дождь — Он палит им, как из пушки. Именно этот образ заключен в ивритском слове "йоре" — "палящий", которым в древности евреи называли и первый зимний дождь, и весь начальный период зимних дождей. Мы еще увидим, насколько точно и емко это древнее название. Однако прежде всего оно верно в том смысле, что в стране с палящей жарой должны, просто обязаны лить палящие дожди. Иначе на этой земле ничто не выживет. Сначала вода, и уже потом все, что евреям угодно или не угодно — собирание диаспоры, партийная борьба или борьба с инфляцией.

Образ животворной воды сидит у каждого израиль-

тянина в подкорке. Он, израильтянин, живет на берегу огромного моря, из которого при всех роскошных морских удовольствиях — ни напиться, ни землю напоить. От соленой воды постоянно защищают пресную грунтовую воду. Поэтому великолепный малахитовый простор Средиземного моря вычеркнут из этого образа.

Из него вычеркнута также открыточная голубизна бесчисленных плавательных бассейнов и зелень рыболовных прудов: бассейны и пруды не пополняют драгоценную питьевую воду, а безбожно ее расходуют.

Несколько лет назад в районе Латруна открыли новый заповедник-парк, названный в честь северного соседа Соединенных Штатов "Канадским". В парке среди рощ миндаля, фисташек и фиг есть маленький родник, образовавший на дне ложбины лужицу метра четыре на четыре. В день открытия парка тысячи израильтян, как всегда, примчались осваивать новую достопримечательность родной природы. Они двигались нескончаемой автомобильной процессией вокруг лужицы, созерцая ее через головы спешившихся гидрофилов. Живая вода!

В коридорах амбулаторий, в конторах туристических агентств, в вестибюлях мэрий и муниципальных советов висят большие израильские фотопейзажи. Рассвет на воде. Закат на воде. Солнце на волнах и брызги водопада при луне. Можно подумать, что вы находитесь на берегах Миссисипи или что за окном протекает Волга-матушка. Покажите израильскому фотографу капли, сочащиеся из-под камней, и он принесет вам снимок водной глади, убегающей к горизонту. Это не мечта, не самообман и тем более не обман — это фотография образа в подкорке.

Мы не знаем, сколько пресной воды расходовали древние евреи. Их современные потомки тратят за год полтора миллиарда кубометров. Но вовсе не потому, что столько им нужно и больше они не хотят, а просто потому, что таков годовой дебет всех естественных водоемов, скважин и источников Израиля.

Полтора миллиарда кубов. Их расходуют до последней капли. Еще немножко — и придется качать соленую морскую воду.

Сельское хозяйство Израиля требует четыре пятых всей наличной пресной воды. Два раза в день во все дни всех месяцев долгого лета поля страны становятся театром водяной феерии. Из земли, вернее из зелени, безукоризненной, как на рекламном проспекте, взлетают вращающиеся снопы воды. По полям простираются аллеи фонтанов — Версали и Петергофы без статуй и дворцов. Роскошное зрелище, с которым борются как могут, чтобы сэкономить воду. Пускаются на всевозможные технические уловки, вплоть до хитрости поить не землю, а каждый отдельный корень. Земля страны прошита трубами всех калибров, ственечной артерии Израиля — огромного водопровода, который транспортирует воду из Киннерета в Негев — и до капиллярных сосудов — тонких резиновых трубок, по капле подающих влагу каждому кусту бесчисленных роз, цветущих в скверах и на разделительных полосах дорог. Если все эти спрятанные от глаз трубы и трубки нанести на карту страны, получится нечто вроде кровеносной системы в анатомическом атласе. Да она и есть кровеносная система Израиля. К сожалению, эликсир жизни в ее сосудах течет только в одном направлении — в расход.

Пытаются изыскать дополнительные ресурсы.

Эйлат пьет воду из опреснителей. Хайфа очищает промышленные стоки и пускает их на полив. Однако даже если весь Израиль будет пить опресненную воду и все его промышленные стоки вернутся в очищенном виде на поля, запас пресной воды увеличится не более чем на одну пятую. Словом, есть предел человеческим возможностям, и сыны Израилевы, как две, три, четыре тысячи лет назад, ежегодно ждут чуда первого дождя.

На прошлой неделе небо наконец померкло. Задул ветер. Упали капли и высохли. Наутро снова проглянуло солнце, потом затянулось дымкой. Долго плыла

легкая облачная вата, затем разлился странный свет, призрачный и яркий, как от флюоресцентной лампы. В этом свете с моря подымались черные громады туч.

Вдруг налетел шквальный ветер. Весь Израиль бросился к окнам затворять рвущиеся из рук рамы и фрамуги. Руки и лица уже окатывало, как из ведра. Израиль блаженно заулыбался. За стеклами, ослепшими от потоков дождя, пошло греметь и грохотать, словно страна очутилась внутри огромного барабана.

Внутренность этого небесного барабана распирало от воды, электрических разрядов и ветра скоростью сто километров в час. Всю ночь напролет "палящий" оправдывал свое древнее мистическое имя, сваливая деревья и обрывая провода.

На дорогах мигали желтым выведенные из строя светофоры. В домах то зажигалось, то гасло электричество. В Тель-Авиве один из мостов дрогнул и медленно осел за мгновение до того, как на него въехал ночной автобус. В ашдодском порту сорвало с якорей пять судов. В Иерусалиме на нескольких улицах затопило нижние этажи. В Киннерет небо вылило в один прием сто миллионов кубов воды. К сожалению, это подняло уровень озера лишь на два сантиметра.

Сейчас снова светит солнышко. На улице прелесть как хорошо. Но я описываю не климат. И даже не водный баланс. А то религиозно-приподнятое настроение, которое в ночи первых зимних дождей посещает вместе со всем Израилем и меня, неверующего еврея из России, умевшего ценить грибной ливень и хорошую русскую грозу. "Иоре" — запомните это слово.

ФАНТАЗИЯ НА ФРУКТОВУЮ ТЕМУ

Я как-то рассказывал о цветах, пора поговорить о ягодах.

О чем же еще говорить, если не о натуральных соках, когда жара давит хуже гипсового корсета, а солнце слепит лучше тысячи фотовспышек.

Сейчас, когда кончилась клубника, сняты цитрусовые, съедены бананы и пошел летний ассортимент фруктов, Израиль приобретает окончательное сходство с плодоовощной базой, где не прекращается погрузка, развозка и разгрузка.

Экспортный товар мчится в порты на дизельных тягачах. Объем груза на прицепе равен железнодорожному пульману, и вся эта накаленная солнцем машина несется с недозволенной скоростью сто километров в час.

Товар местного потребления колыхается на старых грузовичках-ревматиках, осевших на задние колеса, к большому облегчению передних. Кузов маленький, но зато нагружен в три этажа. Содержимое в лавке не помещается, его раскладывают прямо на тротуаре. Избалованная публика меланхолически бродит по вернисажу от ящика к ящику и, скрепя сердце, кладет в сумку самые впечатляющие экспонаты.

Кто приходит попозже, тот складывает свой натюрморт из экспонатов среднего размера, но такой же идеальной свежести. Того же, кто согласен брать что осталось, уже и за покупателя не считают.

Всю эту роскошь грузят в багажник, втаскивают в дом и устраивают ей постирушку с мылом. С мылом — потому, что на плодах кроме следов микробов еще и следы ядохимикатов. Зато эти плоды не знают червоточин.

При въездах и выездах из городов, подле бензоколонок и прочих бойких мест на обочинах шоссе дорог уже окопались до глубокой осени арбузных дел мастера. Все, кроме арбузов, пребывает у них в экспедиционном кавардаке: хромые койки, на которых ночуют продавцы, рваный брезент палаток, реклама в виде дощечки, выломанной из фанерного листа, на которой криво красуется одна строка: "С любовью от галилейского арбуза".

Сам арбуз скромно помалкивает о своих чувствах, зато взоры авторов этого любовного послания пылают так, что в их страсти к проезжающему покупателю сомневаться не приходится.

Круглые ядра и цилиндрические снаряды арбузов тянут в среднем на полпуда и сложены под брезентом в аккуратные штабеля выше человеческого роста. Говорят, хозяева этих орудийных складов зашибают за сезон бешеные деньги. Впрочем, чужие заработки всегда больше, чем свои.

После лавки зеленщика и арбузной палатки следует описать изящные фруктовые магазинчики на городских бульварах, где не только фрукты, но и продавцы словно сделаны кондитером. Плодоовощные отделы больших супермаркетов и суперсолей смахивают на выставку достижений сельского хозяйства, а израильские рынки сравнить не с чем: нет другого такого изобилия и такого бедлама.

В Союзе много пишут о передовиках сельского хозяйства, хотя чем больше передовиков, тем меньше продуктов. В Израиле продуктов столько, что они совершенно заслонили собой передовиков. Нашу прессу остро волнуют не передовики, а например, труп матроса, спрятанный в холодильник, или гражданка, влезшая на порталый кран. Про плодоовощной рог

изобилия газеты не напишут, пока наши мичуринцы не выведут чего-нибудь такого, что окажется не менее странным, чем еврейка на портальном кране.

Так мне и попалась заметка под сенсационным заголовком "фрукты завтрашнего дня". В ней описывались работы сельскохозяйственного института в Реховоте. Этот институт называется "Махон вулкани", и, пока мне не объяснили, что это крупнейший в Израиле центр агрономической науки, я находился в твердой уверенности, что в "Махон вулкани" вулканизируют покрывки.

А там, как сообщила заметка, оказывается, выращивают карликовые плодовые деревья: миниатюрные яблони, груши, сливы, персики и апельсины.

Зачем? Очень просто. Если у вас дунам земли, вы можете посадить на нем 30, максимум 60 плодовых деревьев. Превратите их в карликов, и на том же дунаме у вас разместится от 300 до 1000 стволов. Урожай, соответственно, увеличится во столько же раз, причем убирать его можно не вручную со стремянок, а комбайном.

После чудес с карликами заметка сообщает о фиджое. А это еще что такое? А это декоративное растение. По крайней мере таковым оно считается на своей родине, в Центральной Америке. Реховотские вулканизаторы привезли фиджю из-за океана и поставили перед собой задачу заставить декорацию давать плоды.

Решив ее, они перешли к следующей: пусть дает плоды и другое декоративное растение — земляк фиджои под названием питанго. Звучит как танго, а что касается вкуса, узнаем, когда питанго поступит в магазины.

"Махон вулкани" вывел еще и карамболу (не путать с Карамболиной!) о плодах которой сообщается, что они имеют форму морской звезды на расвете, цвет янтаря на закате и вкус рая до грехопадения.

Составивший заметку репортер так долго исполняет

фантазию на фруктовую тему, что сам утомляется и об актинидии уже ничего существенного не пишет. Лишь сообщает, что фрукт привезли из Новой Зеландии, а зажавшаяся Европа платит за него большие деньги.

Видать, в скором времени мы не избежим дощечек "С любовью от негевской актинидии!"

ПЕРЕД ГЛОБУСОМ

Когда я сел обдумывать статью ко Дню поминовения шести миллионов евреев, остановив взгляд на матери и тесте в черных рамках — от тещи и фотографии не осталось, — заговорил приемник. Диктор последних известий сообщил, что ночью в киббуц Мисгав-Ам на границе с Ливаном проникли палестинские террористы. Они ворвались в здание ясель киббуца и держат в заложниках детей из группы двухлеток.

Один ребенок убит. Убит также секретарь киббуца. За считанные минуты до нападения в яслях погас свет, дежурная, подняв секретаря среди ночи телефонным звонком, попросила прийти починить электричество. Он пошел чинить свет и наскочил с отверткой на ручные пулеметы.

Шесть миллионов людей, уничтоженных за принадлежность к еврейскому племени. В День поминовения, в восемь утра страна замирает на две минуты. Две минуты молчания, но не тишины: во всех концах Израиля гудит сирена. Голос сирены в двадцатом веке — голос массового несчастья. В Израиле в этот день механический протяжный вой повисает над землей, как звук труб Страшного Суда, и страна, как переполненный зал суда, встает и замирает.

Приемник отсчитывает сигналы точного времени. С момента первого сообщения о нападении на Мисгав-Ам прошел час. Новая сводка. Новых известий нет.

В кибуц переброшено специальное подразделение Цахала. В Мисгав-Аме находятся поднятые по тревоге министр обороны, начальник генштаба, командующий северным округом. Это сообщили уже час назад. Что с детьми?! Вечером все будет показано по телевидению, но до вечера еще надо дожить, а репортеры молчат.

Вот такой канун Дня памяти евреев, сорок лет тому назад уничтоженных во рвах, душегубках и крематориях. В русский язык не ввели термина, обозначающего их судьбу. Не сочли необходимым. В английском все-таки нашли синоним ивритского апокалипсического слова-образа "шоа". Холокоуст. Толкование можно найти в любом англо-русском словаре. Первое значение: уничтожение, гибель в огне, особенно людей. Второе: бойня, резня. Третье: всеожжение. Полное истребление жертвы огнем. Четвертое: самоотверженность. Полное самопожертвование.

Для перевода слова "шоа" бывшие советские евреи в Израиле взяли, за неимением лучшего, слово "Катастрофа". Но хотя мы и пишем это слово с большой буквы, оно не вырастает в нечто большее, чем железнодорожное происшествие, в котором, как известно, нет виновных, кроме стрелочника, в данном случае немецкого.

А нас истребляли задолго до того, как придумали железную дорогу. С тех пор, как существует диаспора, мы доказываем миру свою принадлежность к роду человеческому и даже наш вклад в его прогресс. И с тех самых пор, как мы просим учесть эти смягчающие обстоятельства, нас неизменно приговаривают к высшей мере. Меняются лишь мотивировки. Средневековый монах Франциск из Пьяченцы утверждал, что у евреев во рту раны, а с языка во время разговора соскакивают живые черви. Сегодня у нас за щекой находят то коммунизм с тоталитаризмом, то сионизм с империализмом — смотря, что больше подходит, когда наступает час.

Вот они щелкают, сигналы точного времени. Сводка. Террористам сделано предложение: их не тронут и позволят беспрепятственно уйти, если они не причинят вреда детям. Террористы отвечают отказом. Они пришли сражаться. С ними листовки, где сказано, что с Израилем будет покончено только одним способом — огнем и мечом.

В саду под окном соседка с прижатой к уху корбочкой транзистора. Мы избегаем смотреть друг на друга и не обмениваемся ни единым словом.

Новость! Оказывается, еще до переброски войск в Мисгав-Ам киббушники сами предприняли попытку выбить террористов из здания. Попытка не удалась, но террористов все-таки оттеснили во второй флигель и спасли несколько женщин и детей. Трещит телефон. О, черт, кому это приходит в голову сейчас звонить? Приятельница, репатриантка из Риги. "Слыхали про киббушников? — говорит она глухим от волнения голосом. — Какие ребята!"

Соседка уходит в дом, наверно, готовить ужин. По улице ползет грузовик палестинца, скупщика старой мебели, под его заунывные выклики, разносящиеся из громкоговорителя по всей окрестности. Араб преспокойно выкрикивает на идиш клич всех еврейских старьевщиков от Гамбурга до Пинска: "Алте захен! Алте захен!" В это время приходит новость из Мисгав-Ама: запросив молоко для детей, палестинские террористы напомнили о сроке своего ультиматума, после которого они взорвут флигель. Они требуют освобождения всех членов своей организации, отбывающих наказание в израильских тюрьмах.

Я снова смотрю на портрет матери. Он увеличен с дореволюционной карточки. Косы и бархотка. Лев Толстой и непротивление злу насилем. Где бы ни жил галутный еврей, он живет в отпуску у насильственной смерти безоружным. Вопрос лишь в сроке — выпадет ли ему самому или пощадит, чтобы выпасть детям и внукам. Так просто и чудовищно, что думать об этом нельзя и не думать невозможно.

У всех людей в мозгу достаточно тайных пружин — у еврея к ним добавлен еще и особый барометр. Хорошей погоды он не предсказывает. Стрелка находится в непрерывном движении, порой вздрагивает, порой мечется. Особенно во снах. Но и наяву. В синагоге. На партсобрании. В месткоме. На заседании директоров акционерного общества. Еврейская душа вечно вздрагивает, а еврей вечно хорохорится. Вот и весь рецепт — после исчезновения шести миллионов. Дышавших воздухом того же двадцатого века, так же дрожавших, хорохорившихся, пока их не забили, как бешеных собак, не удушили, как крыс, не сожгли в печах передовой инженерной фирмы.

Не так давно и в моей голове сидел тот самый барометр, который никогда не предсказывает хорошей погоды. Помню, как и что он предсказывал по глазам дворника на лестничной клетке или по некоторым замечаниям двух нетрезвых трудящихся в трамвае. А также по некоторым намекам трезвейшей газетной передовицы. В Союзе ненастье принимало угрожающий характер. Если бежать — даже если позволят — то куда? В Америке светит солнце, и в Канаде тоже небо синее. Но, крутя глобус в поисках самого мягкого климата, я все время поглядывал на пятачок с отвратительной погодой. В Союзе мы все поглядываем и оглядываемся — кто с надеждой, кто с завистью, а кто и с едкой еврейской злобой — на Израиль. И на израильскую военщину. Из-за которой нам, евреям, и раньше не доверяли, а теперь и вовсе перестали.

Радио! Сигналы точного времени. Голос диктора. В десять часов утра наши солдаты с боем ворвались в здание ясель и убили террористов. Легко ранены четыре ребенка, все другие живы и невредимы.

Столько времени томили, и только тут как плотину провало. Специальные выпуски один за другим. Рассказ заведующего хирургией в Хайфской больнице, куда дети доставлены санитарным вертолетом. Голоса матерей, чьи малыши в течение девяти часов находились в руках террористов. Голоса киббуцников,

выбивших террористов из флигеля.

Не то в два, не то в три часа дня новое известие. При атаке ранено одиннадцать наших солдат. Ходивший в атаку военфельдшер не добежал до здания — убит.

Сразу не сказали. У нас тоже готовят население.

”РОЦЕ — ЛО РОЦЕ!”

В Иерусалиме вышла в превосходном издании книжка стихов, примечательная прежде всего возрастом поэтессы.

Поэтессе Галит Блум стукнуло целых девять лет.

Книжка освещает разные периоды ее творчества, правда, только за последние четыре года.

При всем уважении к молодому таланту должен сказать, что это литературное событие, отмеченное большой статьей в газете, проливает свет, главным образом, на взрослых. А в более широком плане — на исключительное место, которое занимает ребенок в сознании и особенно в подсознании израильтян.

Во-первых, ребенок у нас пользуется привилегиями до самого призывного возраста, когда мы уже бесильны его защитить. Во-вторых, у нас нет чужих детей. Чужими бывают только взрослые.

Коль скоро детей производят на свет родители, особенно у евреев с их отвращением к идее непорочного зачатия, от привилегий ребенка перепадает и молодоженам. Молодожены в Израиле — особая категория, как репатрианты или демобилизованные солдаты. Для молодоженов строят специальные дома, которые так и называются ”дома молодоженов”. Им дают увеличенные субсидии на покупку квартиры. Правда, при нынешних ценах на жилье, даже удешевленное, субсидия не решает проблемы. Никто не может понять, как им все-таки удастся купить квар-

тиру, даже сами молодожены, но факт остается фактом: квадратные метры на вес золота оказываются заселенными. Причем их заселяют еще до того, как дом подключат к электрической и водопроводной сети. Еще вместо газонов пустырь, а нетерпеливые счастливицы, приткнув свою малолитражку к незасыпанной яме, уже несут пожитки в дом, спотыкаясь на строительном мусоре. Молодой супруг раскраснелся, супруга наоборот, бледна: шутка сказать — они приступают к тому, что на иврите называется "ха-камаат ха-мишпаха", дословно "сооружение семьи".

И они сооружают. "От пяти до семи гостиница наша "Отель Дантон" поднималась в воздух от стонов любви. В номерах орудовали мастера. Приехав во Францию с убеждением, что народ ее обессилел, я немало удивился этим трудам", — писал Бабель в рассказе "Улица Данте". Хоть на улице израильских молодоженов шесть-восемь этажей сборного железобетона в воздух не поднимаются, талии молоденьких жен полнеют не по дням, а по часам. Теперь предмет общего внимания — живот. За чужими животами следят с не меньшим интересом и участием, чем за своим.

На этом интересе кстати, зарабатывает целая отрасль индпошива. Беременность здесь не изображает из себя тощего аиста или постную капусту. Беременность здесь не только святое дело, но и физическая красота. ее не прячут, а наоборот, горделиво подчеркивают.

Одним словом, к тому моменту, когда на бывшем пустыре вокруг "дома молодоженов", приходит срок стричь первую травку, население его увеличивается вдвое. Предположив, что к следующей весне население дома увеличится вчетверо, вы не очень ошибетесь.

Внизу на террасах открывается постоянно действующий съезд детских колясок. Среди них, как сироты, бродят высокопородистые псы, внезапным и непонятным для себя образом лишившиеся прежнего уважения своих хозяев. Теперь уже вопрос не в том, как это дом не поднимается в воздух от стонов любви,

а как это он не разлетается на куски от детского визга и крика. Кто может, съезжает подальше от новостройки, но никто никогда, ни при каких обстоятельствах, ребенку слова не скажет и не предъявит претензий его родителям.

После того, как ребенок впервые пролепечет слово "има", то есть "мама", он тут же освоит вопль: "роце"! или "ло роце!", то есть "хочу" или "не хочу". На эти два требования его детского превосходительства нет управы. Поучительные контрвопли родителей нисколько не помогают, ребенок все равно ни в чем не знает отказа. Ему улыбаются самые нежные тети и самые свирепые дяди, нищие и богачи, полицейские и воры. Культ ребенка начинается в момент его появления на свет, когда к родительнице, прямо в палату, дефилируют вслед за мужем все родственники и сослуживцы.

Израиль не смог оградить себя от самых тяжких видов преступности, но когда похитители убили мальчика, весь наш преступный мир немедленно и категорически заявил о своей непричастности к этому единственному случаю киднапа.

Не троньте ребенка.

А вот если вам хочется заработать на его родителях — пожалуйста. Откройте торговлю приданым для младенца или магазин детского платья — успех обеспечен, даже при отсутствии у вас всякого коммерческого таланта. Если же вам, наоборот, хочется выйти не в коммерсанты, а в писатели — тоже вперед! Накропайте детскую книжку. Ее оторвут с руками и ногами, даже если вам и не так повезет, как Иехуде Атласу. Первый же литературный опыт этого бородатого газетчика, издавшего детскую книжку, превратил его в автора бестселлера, который уже размножился через грампластинки, радиопередачи и театральные представления.

Другой журналист, Дан Альмагор, вечно лохматый за недостатком времени причесаться, нашел все-таки время возвести на Парнас ребенка своих знакомых —

ту самую девятилетнюю поэтессу, которую теперь хвалят газеты. Это он отнес ее стихи не в какую-нибудь зачуханную лавчонку, а в фирму "Кетер", и это солиднейшее иерусалимское издательство сочло необходимым их напечатать.

Сборник назван по заглавию одного из стихотворений "Почему волнам не холодно?.." Мысль совсем не детская. Хотя в остальном Галит Блюм не старше своего возраста. Когда в типографии ей показали стопку ее книжек, она робко спросила, подарят ли ей одну из них. Галит не завопила "Ани роца!" только от огромного волнения. Ее фотография при очерке Дана Альмагора изображает самого что ни на есть нашего ребенка. Не обязательно поэт — но обязательно распутившего волосы метлой и усевшегося прямо на землю посреди улицы.

Для него книжки, про него книжки, и даже книжка, им самим написанная.

Ради него отчаянная погоня за бешено дорогими метрами жилплощади. Готовность не только вытерпеть все на свете, но и потерпеть от него самого.

Вот он, плод сильной любви и гордой беременности, предмет общенародного культа, подлинный герой извечной еврейской надежды, задумавшийся сейчас раньше времени над тем, почему волнам не холодно.

В ЧЕСТЬ ВЛИЯТЕЛЬНОГО ИДОЛА

Гремя ярмарочными хлопушками, разбрасывая карнавальные конфетти, старый добрый еврейский праздник Пурим велит всем иудеям в память о чудесном избавлении от гибели проводить два дня в году — 14-й и 15-й дни еврейского месяца адара — в сплюснутых пиршествах, вплоть до бесчувствия.

Буквально так: положено веселить себя вином в эти дни "ад де-ло яда", то есть до отупения. Напиться, что называется, в стельку.

Такая рекомендация содержится в талмудическом трактате, посвященном "Мегиллат Эстер" — свитку Эсфирь, где изложены события при дворе персидского царя Артаксеркса. Судя по изложению, на брагу при этом дворе налегали не хуже, чем при дворе Петра Великого. Не мне вам рассказывать, что евреи умеют держать фасон при всех дворах и, в случае надобности, проглотят и кубок большого орла.

Израильтяне избавлены от этой суровой необходимости, а заодно и от этой замечательной способности. А так как на Пурим всенародная попойка все-таки полагается, то вместо нее в Тель-Авиве устраивается безалкогольное опьянение шествием на манер карнавала в Рио-де-Жанейро. Даже название карнавала звучит по-южноамерикански — "Адлояда". Кто может узнать в этом якобы заморском слове древнюю еврейскую рекомендацию нахлестаться "ад де-ло яда"?

Впрочем, Пурим греет душу не столько "Адлоядой",

сколько удовольствием, которое получает наша ребятня от своего традиционного маскарада и от приготовлений к нему. Как есть у израильских детей родная природа, так есть у нее и родные праздники. Дело не в том, что в Израиле нет такого ребенка, который на Пурим выскочил бы на улицу без маскарадного наряда, будь то мамина юбка или штаны старшего брата. Дело в том, что пуримское переодевание с школьными балами и детскими представлениями для него так же естественно и обязательно, как ковры распускающихся в эту пору анемонов или как волны сладчайшего аромата, набегающие с апельсиновых плантаций в цвету.

Пурим в Израиле прежде всего детский праздник. Взрослые же получают свою долю развлечений в виде множества эстрадных программ на сценах, по радио и телевидению. Пресса посвящает празднику причитающиеся ему полосы. Не обошел его своим вниманием и д-р Исраэль Эльдад.

Эльдад историк по специальности и экстремист по убеждениям. Он примыкает к правым, но так, что правее его примкнуть уже никто не может. Легко догадаться, что Эльдад яростный ревнитель всего национального, еврейского, поэтому его статья вызвала удивление: он напустился на Пурим — национальный праздник.

Эльдад начинает исподволь. Сначала замечает, что в отличие от всех других еврейских священных текстов, в Книге Эсфири нет ни единого упоминания о Боге. Это, кстати, смущало еще древних переводчиков Библии, греческих монахов. Чтобы как-то спасти положение, они взяли фразу оригинала "В ту ночь у царя была бессонница" и перевели ее так: "В ту ночь Бог отнял сон у царя".

Однако Эльдада интересует не столько теология, сколько идеология. Он указывает, что в этой древней книге, ровеснице Иерусалимского храма, Эрец-Исраэль тоже ни разу не упоминается. Все события в "Мегиллат Эстер" изображены с точки зрения еврея, прожи-

вающего не у себя на родине, а в галуте, в блистательных Сузах, столице Персидской империи. Для жителя этой столицы, господствовавшей, по свидетельству книги, над "ста двадцатью семью провинциями от Индии до Эфиопии", Эрец-Исраэль — жалкое захолустье.

Далее, говорит Эльдад, мы узнаем из книги имена двух главных ее героев. Первого зовут Мордехай сын Яира. Отец Мордехая, замечает Эльдад, еще не стыдился на персидской чужбине своего израильского имени, но сыночек уже скрывает свое происхождение и называет себя Мордехаем в честь Мардука, влиятельнейшего бога-идола. Чего и ждать после этого от прелестной племянницы, которая была еврейской Хадассой, а стала персидской Эсфирью?..

Ладно, галутные имена, — продолжает Эльдад, — всего лишь слова, давайте посмотрим на дела. Ведь что в сущности происходит? А вот что: иудейские граждане империи спасаются от нюрнбергских законов и крематориев того времени только благодаря молниеносной государственной карьере соплеменника, Мордехая. А Мордехай делает карьеру, главным образом, благодаря интересу правителя империи к женским прелестям его, Мордехая, племянницы Эсфири.

Характернейшее явление, говорит Эльдад, евреи в диаспоре всегда уповают на своего советника при главном калифе, а то и на симпатии главного калифа к еврейской девице. Случается, что эти упования сбываются: евреев не жгут, не вешают и даже не ссылают в район белых медведей. Но стоит ли по этому случаю плясать, а грядущим поколениям — напиваться в стельку?..

А какой урок заключен в Книге Эсфири, уже не говорит, а с пеной у рта восклицает Эльдад. Может быть, Мордехай, сам едва спасшийся от петли, понял эфемерность еврейских карьер в галуте? Может, он счел за благо побыстрее репатриироваться на родину, сколь захолустной она ни была бы? Ничуть не бывало.

Мордехай с племянницей продолжают пировать в Сузах, а в Иерусалим, как в столицу остальных ста двадцати шести провинций, отписывают приказ ликовать по месту жительства. Вчера хотели повесить, сегодня вознесли, — да здравствует сладкая жизнь при главном калифе! Сузы исчезли — Иерусалим стоит. Но события, происходившие много тысяч лет тому назад, продолжают иметь место.

СЫН ХАЛУЦА ИЗ ВПШ

Судьба еврея, особенно в двадцатом веке, сводится в общем виде к безнадежной попытке порвать с самим собой.

Еврей играет в прятки со своим Я, жонглируя укрытиями так ловко и с такой изобретательностью, как это делают только артисты так называемого оригинального жанра.

Смотрите, какая техника, следите внимательно за историей одной семьи, рассказанной в газете "Маарив".

Из Венгрии в Израиль репатриировался с женой и двумя детьми научный работник по имени Габриэль Бар-Шакед. В прошлом его фамилия была другой: он носил фамилию отца — Зикмунд. Отец, будапештский профессор истории, надо подчеркнуть, тоже не всегда был Зикмундом.

Настоящая фамилия профессора — Вейс. В двадцатых годах юный Вейс приехал в Палестину как халуц и член сионистской левой молодежной организации "Ха-шомер ха-цаир". В Палестине он работал на стройках, а также в киббуце Бет-Зера и женился на сестре ныне здравствующего иерусалимца, престарелого поэта-коммуниста Мордехая Ави-Шаула.

Связь с семьей коммуниста привлекла к Вейсу внимание английской полиции, и он с женой, покинув Палестину, вернулся в Будапешт. В войну Вейсы скрывались от немцев, избежали депортации и дождались освобождения Будапешта советскими войсками.

Как известно, после освобождения во всех странах новорожденного социалистического блока, за нехваткой преданных национальных кадров, вспыхнул поспешный роман советских властей с левонастроенными еврейскими интеллигентами на местах. Вейсы пошли круто в гору. Бывший халуц стал преподавателем Высшей партшколы в Будапеште. Его жена (сестра, как мы помним, иерусалимского коммуниста) получила пост заведующей сектором зарубежной печати в телеграфном агентстве Венгерской Народной Республики. Вейсы превратились в Зикмундов. Свежeweпеченных Зикмундов величал по имени-отчеству лично Матиас Ракоши, местный Сталин. Но как раз эти имена-отчества, которыми он их величал, слегка компрометировали безупречную арийскую фамилию, выглядывая из-под нее, как пейсы из-под буденовки.

То, что человек честно и преданно записывается в Ивановы, а ему вдруг напоминают, что он Абрам Мойсеевич — этим читателя не удивишь. Известно: Абрам Мойсеевич — пятно несмываемое. Ан, нет! Можно смыть. Доказано практикой соцстран на начальном этапе борьбы с религиозными предрассудками. Так, Зикмундам партия порекомендовала сходить в храм и окунуть сына-пионера в католики или в протестанты.

Словом, Вейсы, ставшие Зикмундами, застраховались сыном — пионером-протестантом. Его двоюродных братьев одновременно покропили в католики. Теперь уж можно было не бояться за свое место и не сомневаться, что мальчику обеспечена путевка в летний цековский лагерь на озере Балатон, защищенный от простых смертных детей колючей проволокой.

Но никогда нельзя знать, как говорят французы. Уже в 1949 году партия обнаружила у матери пионера-протестанта еврейско-палестинскую родню. А еще занимала пост заведующей сектором! С мужем цацкались дольше: его причастность к сионистско-фашистскому заговору сформулировали только в 1958 году.

Ему бы высшую меру! Но подошли либерально. Нашли возможным только отстранить от воспитания партийных кадров.

Зикмунды не обиделись на родную партию, тем более, что бывшему преподавателю ВПШ позволили читать лекции в университете. Снова пришлось начинать, можно сказать, с нуля, но Вейсам-Зикмундам не привыкать. В университет пришел лектором, а на пенсию ушел заместителем директора Института истории Венгерской Академии наук.

Таким образом, отставной профессор являет собой пример еврейской непотопляемости. И в то же время — безграничной преданности передовым, но опасным идеям. Во время революции или контрреволюции (это уж как вам угодно) 56-го года он состоял в прогрессивном кружке "Петефи" и даже вслух высказывался за социализм с человеческим лицом. И опять не расстреляли: за грохотом братских танков, по-видимому, профессора не расслышали.

Но вернемся к сыну. Профессор и его жена сделали все от них зависящее, чтобы у сына не возникло вопросов по национальному вопросу.

Сидела, правда, в сознании мальчика, без всякого, впрочем, шевеления, некая заноза. В виде новогодних поздравительных открыток, приходивших папе с мамой из-за границы и почему-то ранней осенью, месяца за три до Рождества. Совсем невпопад. Открытки слала неведомая бабушка, мама его мамы, из неведомого Иерусалима. Иногда из того же Иерусалима наезжал к ним в Будапешт и дядя-поэт со странной фамилией Ави-Шаул. А потом приехала и дочь дяди-поэта и поселилась в Будапеште. Ее имя звучало тоже не по-венгерски: Брурия.

Сегодня сабра Брурия Ави-Шаул работает — следите, следите! — в будапештском представительстве палестинских террористов.

Между прочим, она же сосватала сына Зикмундов — своего двоюродного брата — с ее бывшей будапештской приятельницей Катрин Харди. Причем к

удовольствию обеих семей. Семье невесты улыбалась перспектива заполучить в зятя выкреста из евреев: еврейские мужья, как известно, не пьют и жен не бьют. Семью жениха очень устраивала невестка — чистопородная венгерка. Венец их долгих усилий раз и навсегда отмыться от еврейства самим и сына отбелить от него.

Чистопородная венгерка и в самом деле перевоспитала их сына коренным образом: под ее влиянием он начал задавать себе вопросы по национальному вопросу, да в такой острой форме, что в 1980 году покинул Венгрию и вместе с женой переселился в Израиль.

Его жена — человек высокой совести — считала, что как христианка несет личную ответственность за трагедию евреев. И за исковерканную душу мужа, отказавшегося от своего народа. Она сделала все, чтобы исправить эту несправедливость и решила идти до конца. Катрин — ныне Керен Бар-Шакед — еще в Будапеште приняла еврейство.

Папа Зикмунд слишком поздно раскусил, что за фрукт его невестка. Профессор на пару с Брурией из кожи вон лез, чтобы выбить у сына из головы сумасшедшую мысль о переезде в Израиль. В эту фашистскую страну, где арабов сажают в клетки умирать под солнцем пустыни. Уж если на то пошло, пусть едет в Штаты или в Германию! Не помогло. Доктор Габриэль Бар-Шакед, в прошлом Габор Зикмунд, в позапрошлом Габор Вейс, его жена, в прошлом Катрин Харди, ныне Керен Бар-Шакед, и их двое детей — в Израиле.

ТАМ, ГДЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ ПАРАЛЛЕЛИ

Две жизни: одна проходит в кадрах документального фильма, показанного телевидением, другая изложена на страницах газеты "Иедиот ахаронот". Две истории: одна — маленькой еврейки из Будапешта, другая — маленькой немки из Кельна.

Маленькая еврейка родилась на окраины Буды. Отец болел чахоткой и вскоре умер. Мать приняла в дом сожителя, который выгнал девочку на улицу. Там ее подобрала одинокая старуха — обмывальщица покойников на еврейском кладбище. Она брала с собой ребенка в покойнищкую. Девочка садилась на корточки на мокрый цементный пол и смотрела, как работает старуха.

Родители маленькой немки были кельнскими бюргерами среднего достатка. Отец любил книги, но держал их в гостиной, которая отпиралась только по случаю прихода гостей. Он также любил природу и брал детей на прогулки. Мать была педагогом Божьей милостью и поощряла в детях фантазию и склонность к искусствам. Так у дочери пробудился интерес к актерскому ремеслу. На это мать уже не рассчитывала. По убеждениям, которые исповедовались в доме, порядочные женщины не становятся актрисами и не выходят на подмостки, откуда до панели — один шаг.

К новым порядкам в Германии родители питали глубокое отвращение. От дочки это скрывалось — ребенок мог проговориться, выдать. Когда девочка

захотела в "гитлерюгенд", пришлось пойти на святую ложь, чтобы ее отговорить. Отговорить ее от театра не удалось: уже вышла из детского возраста. Дочь ушла из дому, примкнув к любительской труппе, которая вела полулегальное существование. При спущенных шторах читались запрещенные авторы, рассуждавшие об интернационализме.

В это время еврейская девочка из Будапешта, обритая наголо, сидела в концлагере. Еще задолго до немцев жизнь выработала в ней равнодушие к смерти и кошачью живучесть. Невероятным образом увертывалась она от транспортов в Освенцим и вместе со взрослыми деловито копала ямы, куда с фургонов и тачек сбрасывали тех, кто не дотягивал до очередного транспорта.

К моменту освобождения из лагеря от нее остался ушастый череп на тонком стебельке шеи, горячей от лихорадочного жара. Нашли ее в привычной позе — на корточках. Вместе с другими спасенными еврейскими детьми ее повезли куда-то, потом еще куда-то. Потом посадили в трюм, где от качки ее тошнило, а потом в трюм хлынула соленая морская вода.

Очнулась она под Хайфой в одном из барачков, обмазанных известкой, где отхаживали детей, нелегально привезенных из Европы. Благодаря усиленному питанию ее череп быстро покрылся жировыми тканями. Через месяц отросли волосы. Месяца через полтора еврейская девочка из Будапешта, подросток, отправилась в Иерусалим погулять с четырьмя подружками.

В это время немецкая девочка из Кельна, уже молодая актриса, обосновалась в Тель-Авиве. Что само по себе случай незаурядный. Тем более, ехать она собиралась совсем в другую сторону.

Перед тем, как рассказать, куда она собиралась ехать и как попала в Тель-Авив, надо заметить, что к моменту окончания войны в ней созрело решение уйти от своего народа.

Когда через три десятилетия о ней сделают доку-

ментальный фильм, ей напомнят об этом ее решении. И упомянут в этой связи, что немцы по сей день продолжают утверждать, будто о преступлениях нацизма им стало известно только после войны. В ответ она помолчит, а потом скажет не за других — за себя: "Кто хотел знать, тот знал".

Итак, из Германии она решила ехать в страну гуманизма и интернационализма. Она так страстно хотела в эту страну, что пошла на подлог. Обманным путем занесла свое имя в списки перемещенных лиц из России, предназначенных к отправке в СССР. Так что хлебать бы ей интернационализм вместе с гуманизмом на Воркуте, если б английские оккупационные власти не заинтересовались чересчур немецкой фамилией в русском списке.

Ей пришлось объясняться с молодым английским военным следователем. Догадаться, как хороша она была в молодости, легко и без альбомных фото, показанных в документальном фильме. Еще и сегодня, когда она уже бабушка, она очень видная и статная женщина, а в 1947 году ей наверняка удалось бы уговорить английского офицера и добиться для себя Воркуты, если бы она в него не влюбилась.

Они поженились, а следователь был еврей и сионист. Он уехал с ней в Палестину, где тоже строили социализм. Так в Тель-Авиве, переполненном уцелевшими от немцев еврейскими мучениками, физическими и духовными калеками, появилась принявшая еврейство курносая красавица немка.

А бывшая девочка из Будапешта, гуляя с четырьмя подружками по Иерусалиму, забрела в арабскую часть города и больше не вернулась. После еврейского кладбища в Будапеште и нацистского концлагеря под Бухарестом ее в Иерусалиме схватили и увели арабы.

Ей исполнилось пятнадцать лет, а на Востоке и в тринадцать лет девочек превращают в женщин. Как раньше ничего не стоило ее убить, так теперь — изнасиловать и увести с собой. И опять она не погибла. Вернулась. После Шестидневной войны, то есть спустя

целых два десятилетия.

Раздавить ее не удалось ни немцам с их передовой цивилизацией и лучшей в мире техникой, ни арабам из сел на выжженных холмах, где дома выкрашены в зеленую и голубую краску для отпугивания злых духов. Житель одного из таких сел взял ее в жены, а потом бросил. Уехал в Кувейт и забрал двух детей, которых она ему родила. Раз в неделю бывшая еврейская девочка из Будапешта ходила отмечаться на иорданскую полицейскую станцию, где ей каждый раз добром советовали принять ислам, чтобы не числиться в еврейских шпионках.

Она не приняла ислам.

И вот она уже в женах у другого араба и носит его детей, сначала девочку, потом мальчика. Красивые, непохожие на мать — худенькую, на вид старше своих лет, огрубевшую от физической работы.

С лица ее стерто всякое выражение. Из нее трудно слово вытянуть. Она не возражает иорданским полицейским, не спорит с родственниками мужа, умершего до Шестидневной войны и оставившего ее в Восточном Иерусалиме, а родственники грозятся убить ее, зарезать, если она сбежит и вернется с детьми к евреям в Израиль, где они ее все равно отыщут.

Не споря и не возражая, она при первой же возможности убегает и возвращается к евреям.

Но это произойдет через двадцать бесконечно долгих лет. А сейчас, в то самое время, когда ее с подружками уводят, скрутив руки, по арабским переулкам Иерусалима, в Тель-Авиве в "Габиме" просматривают молодую актрису из Кельна.

В просмотровой комиссии сидят бывшие русские и польские евреи. В России и в Польше у них родственники, живые или погибшие от руки немцев. Просмотрев немку, они объясняют ей на ломаном немецком языке, что "Габима" уезжает на гастроли в Америку, а когда вернется, ее примут в труппу. Но ей не терпится. Из "Габимы" она идет в Камерный театр, где ее тут же принимают.

Начинается блестящая сценическая карьера. Начинается жизнь, которая была бы по тем временам невозможна для немки среди любого другого народа, испытай он на себе судьбу евреев.

Орна Порат — так давно уже зовут бывшую девочку из Кельна — это прекрасно понимает. В фильме она пытается объяснить дочери, как великодушно ее тогда приняли евреи, как помогли ей. Коренная израильтянка слушает свою мать невнимательно. Вопреки замыслу режиссера, ей не очень интересны сложности, которых она никогда не замечала ни в окружении матери, ни в своей семье.

Орна Порат удостоена Национальной премии Израиля. Орна Порат основала театр для детей и руководит им. Орна Порат непременно выступает в художественной части официальных церемоний. Едва приехав в Израиль, я увидел ее в телевизионной передаче торжественного собрания, посвященного памяти павших воинов Армии Обороны Израиля. Церемония состоялась у Стены Плача, там присутствовал весь цвет Израиля, и величественная женщина в длинном просторном платье читала отрывки из Книги Пророков. Читала просто и хорошо. Я тут же понял, что передо мной народная артистка Израиля, даже если здесь и не присваивают таких званий. Но историю этой женщины в свете факельного огня, у тысячелетней стены — как можно было вообразить?!

Не догадывается об истории одной из своих жилищ — маленькой судомойки — и дом, заселенный репатриантами из России. По-видимому, тоже репатриантка — из какой-то арабской страны, особенно если судить по ее детям, с которыми она только на людях разговаривает на иврите. Скажет два-три слова, не больше.

Пронюхавшему про нее репортеру пришлось что называется клещами вытягивать из нее рассказ о ее судьбе. Когда же он, наконец, собрал свои листки, она вдруг попросила не писать о ней в газетах и не называть ее имени: она боится мести.

Газетчик предложил вымышленное имя. Обещал не публиковать адреса. Полчаса уговаривал — мог бы уговаривать и час. Хозяйка слушала, не шевелясь и не возражая.

Я прочитал этот материал в рукописи. Увидев фильм об Орне Порат, я подумал, что эти две жизненные истории пересекаются между собой, так никогда и не соприкоснувшись.

ПОЧТИ ЧЕЛЮСКИН

Если у израильской газеты больше нет мочи толочь в ступе политику, ей вовсе не требуется, передышки ради, печатать какой-нибудь авантюрный роман. Достаточно выслать репортера на улицу с заданием остановить первого попавшегося прохожего и выпросить его биографию. Приключений его еврейской жизни с лихвой хватит на три года захватывающего чтения, независимо от того, наскочит ли репортер на принца или нищего. Судя по газетным материалам, наши репортеры чаще натыкаются на принцев, но это лишь потому, что, как и всех газетчиков в мире, их больше тянет к великосветским бубенцам.

На днях я прочитал про одного такого принца. Зовут его Сало Собельский. Живет он, конечно, в Кфар-Шмарьяху. Конечно, — потому что нет лучшей резиденции для принцев, чем этот фешенебельный район вилл. Породистые собаки Кфар-Шмарьяху вступают по секрету от своих хозяев в мезальянсы с окрестными барбосами, отчего довольно бойко уже болтают на туземном иврите. Зато соблюдающие себя верховые лошади, выезжая на прогулки или прибывая на теннис, изъясняются исключительно на англо-саксонском наречии.

Репортер долго расписывает собак и лошадей Собельского и его американской жены Джейн, их коллекцию грамзаписей опер Верди, а также салоны виллы, украшенные картинами в музейных рамах. Лишь

затем выясняется, что блистательный принц Сало не кто иной, как сын старого Гершеля Собельского. Бедняка-журналиста Гершеля, писавшего на идиш, хорошо знали убитые немцами литовские евреи. Гершель их заблаговременно предостерегал от Гитлера и умолял бежать куда угодно, хоть на край света. А когда его не послушались, схватил свое единственное достояние — язык идиш, и побежал без оглядки, пока не добежал до Патагонии.

Вот почему ребенок старого Гершеля из Ковно родился недалеко от Южного полюса. В обществе огнепоклонников, в тысяче километров от ближайшего города, в самом деле похожего на город, а именно от столицы Чили Сант-Яго. Уже одна эта анкетная деталь стоит, по-моему, двух верховых лошадей, пленивших репортера своими кличками: "Тоска" и "Нини". Так что поклонник Верди и его супруга могут ездить верхом на "Тоска-Нини".

После этой элегантно подробной репортажной детали репортер перечисляет другие заслуги Сало перед человечеством. Разговаривает на пяти языках. Состоит в менеджерах знаменитой итальянской фирмы компьютеров и пишущих машинок "Оливетти" в Осло. Управлял норвежским филиалом. Репатрировавшись в Израиль, принял израильский филиал "Оливетти". За пять лет поднял годовой оборот с постыдного одного миллиона долларов до вполне респектабельных пятнадцати миллионов.

Папа Гершель, конечно, изумился бы чекам, которые подписывает его ребенок. Ничего подобного ему и не снилось, хотя, как и все папы, он желал своему мальчику судьбу полегче своей. Намучившись в Патагонии, где решительно никто не читал на идиш, и перекочевав поближе к цивилизации, в городок Концепсьон, всего в полтысяче километров от города Сант-Яго, Гершель послал сына учиться в благодатную Италию.

Отсюда, как можно догадаться, и музыкальные лошади "Тоска-Нини", и секретарша Сало итальянка.

Натуральная итальянка, подчеркивает репортер, замечая, что собаки Сало — натуральные норвежки. Из Осло. Одна из них отзывается на сложное имя "Ингентин", что в переводе на туземный иврит значит "Чепуха".

Натуральная итальянка работает в офисе Сало в Рамат-Гане. Офис трехэтажный. Интерьеры скромные, но роскошные. Мы, деревня, так не умеем, у нас либо мраморные полы, либо обои под мрамор. А офис Собельского оформлен по эскизам его жены-американки, с которой он познакомился в Италии. Джейн Собельская училась дизайну у итальянцев. У самого Беллини. Более того, у Рудольфо Бонте.

Мы о таком и не слыхали, откуда нам, серым. Впрочем, для нас линия дизайнера Бонте не так интересна, как линия кругосветного путешественника — Собельского. Почему после Чили и Италии ему и в Осло не сиделось? Почему в Норвегии он вдруг уговорил американку Джейн принять еврейство и репатриировался с ней в Израиль? "Кошер" Сало не ест и сейчас, а сионизмом и вовсе никогда не болел, скорее наоборот.

О том, что скорее наоборот, свидетельствует важный период между Италией и Норвегией. Репортер ярко осветил этот период как связанный через Сало с мировыми знаменитостями. Дело было в Сант-Яго, куда по восходящей линии, из Патагонии через Консепсьон, добрался-таки упорный Гершель, отчаявшийся писать на идиш и открывший в столице Чили фабрику аптечных резиновых изделий. Каких именно, сказать не могу: репортер не сообщает. Зато он подчеркивает, что у Сало, вернувшегося из Италии, была шикарная квартира в Сант-Яго. И кто только в нее не был вхож! Кто только не проводил там ночей в беседах о благе человечества, потягивая виски и попыхивая сигарой! Но прежде всего — о благе чилийских трудящихся, вступивших на путь революционных преобразований под руководством президента Альенде. В компании сына старого Гершеля

бросались в глаза: голландский кинодокументалист-классик Иорис Ивенс, друг Кармена, советского кинопоэта революции на Кубе; кубинский певец свободы Сильвио Родригес и его американский собрат Дин Рид; кинопродюсер Коста Гаврас, миллионер-революционер. И, наконец, гость из Москвы, Евгений Евтушенко. В самом деле, какая может быть на свете революция без Евтуха, как его ласково называют политзаключенные на его родине. Но и без сына старого Гершеля чилийцам никак нельзя было обойтись в их национально-классовой битве с монополистическим американским капиталом. Сало с восторгом встретил избрание бедного президента и вскоре перешел с ним на "ты", став главой почтово-телефонного ведомства, которым его назначил Альенде.

Таким образом, сын ничему не научился у отца. Если старый Собельский, по крайней мере, заблаговременно убежал к Южному полюсу, то молодой Собельский кинулся к Северному и домчался до Канады лишь тогда, когда его почему-то не уколошил кровавый диктатор Пиночет. Так что между Чили, Италией и Норвегией затесалась еще и Канада. Там его и отыскала знаменитая фирма пишущих машинок. Там же Собельский, по-видимому, крепко задумался. А в Осло, надо полагать, окончательно решил, что дожидаться революции в Норвегии не стоит.

Но все это лишь догадки.

Не вызывает сомнения одно. Купил дом в Кфар-Шмарьяху и репатриировался в Израиль. Скромно, но роскошно.

НЕМЕЦКИЕ ДВОРНИКИ

...На днях у знакомых встретил чету, прилетевшую из Западного Берлина устраивать какие-то свои дела в Израиле.

Бывшие советские евреи, они девять лет прожили в Израиле, а затем эмигрировали в Германию, объявив приятелям, что едут добиваться немецкой пенсии на старость.

Отсюда следовало, что отъезд лишь временный. Однако до пенсии чете оставалось еще целых десять лет. Для знакомых, как обычно, все это было крайне неожиданно. Никто не задавал вопросов, как не задают вопросов людям, у которых внезапно обнаружилась нехорошая болезнь. Наоборот, всем было бы удобней, если б помолчала и чета. Но та не унималась и твердила про пенсию, да еще каким-то воспаленным шепотом, оглядываясь по сторонам. Собеседникам ничего другого не оставалось, как кивать и поддакивать с понимающим видом, пряча при этом глаза, как это всегда бывает, когда вас против воли делают соучастником чужого обмана.

Чета, кстати, никому ничего не обязана была объяснять. Юридически еврей в Израиле так же свободен ехать на все четыре стороны, как француз во Франции или американец в Америке. Будь у него на то, как у любого человека в свободном мире, миллиард причин или ни одной. Но если французу или американцу в голову не придет извиняться за свой

поступок, а его друзьям и знакомым — видеть в этом поступке нечто предосудительное, то нет, я думаю, такого бывшего галутного еврея — и сабры* тоже! — который, решившись эмигрировать из Израиля, обошелся бы без маленькой или большой лжи.

Иногда это совершенно детские враки. До того беспомощные, что нельзя их объяснить иначе, чем стыдом, настолько режущим глаза, что любая басня хороша, лишь бы оправдать свой поступок перед людьми. Одна очень умная дама увезла двух своих сыновей от военной службы в Израиле под тем предлогом, что ее бабушка неожиданно получила в Германии наследство и нуждается в провожатых. Дама прекрасно понимала, что в эту бабушкину сказку даже дети не могут поверить, и все-таки самозабвенно врала всем знакомым и незнакомым. Года через три я случайно столкнулся с этой нынешней жительницей Германии в конторе тель-авивского адвоката. С места в карьер, словно видела меня вчера, она выпалила: "Тут у вас болтают, будто я — йоредка! Называть меня йоредкой я никому не позволю!" — и глаза ее возмущенно сверкнули.

Наезжая в Израиль, эмигранты видят в бывших согражданах, особенно знакомых, своих судей и переходят в оборону, хотя на них никто не собирается нападать.

Кстати, нужно объяснить, что такое "йоредка". Отглагольное существительное "йоред", как и его антоним — отглагольное существительное "оле", имеют свою историю.

Достаточно раскрыть Библию в любом месте, где рассказывается о переселении евреев из Эрец-Исраэль в какую-нибудь другую древнюю страну, чтобы заметить одну особенность. Эмиграция еврея из своего отечества повсюду обозначена одним и тем же глаголом: "Ярад". Дословно — "сошел", "спустился". В

*Сабра — плод кактуса, колючий снаружи и сладкий внутри. Так называют детей, родившихся в Израиле.

Библии, надо заметить, что глагол лишен какой бы то ни было оценочной категории. Сообщается топографический факт: перемещение из страны, расположенной на определенной высоте над уровнем моря, в страны, расположенные ниже. Библия вообще излагает события, не давая оценок. Даже когда речь заходит о злодейском убийстве, оно описывается бесстрастным языком протокола. Библия не требует судить эмигрантов как изменников родины. Даже не настаивает на том, что родина — самое возвышенное место на земле. Просто всякий раз, когда человек покидает родину, сказано "йоред". А когда он возвращается, сказано "оле".

И все же: в иврите, как и в других языках, "подняться" и "спуститься" связаны не только с топографией.

Библия переведена на все языки мира, но этой особенности двух глаголов вы не найдете ни в одном переводе. "Отцы наши перешли в Египет", — значит, например, в каноническом русском переводе 15-й строфы в главе 20 Книги Чисел. И действительно, не скажешь ведь по-русски: "спустились" из своего отечества. А на библейском иврите только так: "ярду".

Так разве не поразительно, что много тысячелетий спустя далекие потомки, не помнящие своего языка, не ведающие его образных ассоциаций, бросая родину, которую они едва успели обрести, ощущают свой поступок в категориях, которые заложены в глаголах Вечной Книги?..

Вот ведь, сидя с той самой четой из Берлина, старались же мы избегать малейшего прикосновения к теме "йоредов" и "йоредок". Но как ни старайся не дразнить дьявола, он сам выскочит. Разговаривали про радикулит и повышенную кислотность, а гостья вдруг вызывающе посмотрела на всех и сказала очень громко:

— Какая все-таки ужасная грязь в Тель-Авиве!

Все опешили, но тут кто-то уж не выдержал и слегка съязвил, что это мол, даже очень верно: еврей-

ский дворник, конечно, не может идти ни в какое сравнение с немецким.

Что тут началось! "Не тычьте мне немецкими дворниками! Чего вам от меня надо!?" — закричала гостя в каком-то радостном бешенстве.

Ничего. Можете мне поверить.

НА МОЛДАВАНКЕ В ЯФО

В Израиле есть свои Молдаванки и Пересыпи, есть и свой Бабель. Правда, начинающий, но и немало уже успевший на ниве "Одесских рассказов", которые у него называются "Яфские картинки".

Есть много сходства между классиком, отмеченным печатью гениальности, и скромным автором газеты "Маарив" Менахемом Талми, не догадывающимся, по-видимому, об истинных размерах отпущенного ему таланта. Это сходство видно прежде всего в жадном интересе к жизни на всех ее срезах.

Подобно "Одесским рассказам" появляющиеся в "Маариве" каждую пятницу "Яфские картинки" построены на коротком анекдоте. Иногда не самой высокой пробы. В одной из таких картинок муж изменяет своей лучшей половине с лучшей половиной своего лучшего приятеля. Число версий этого бродячего сюжета давно перевалило за бесконечность. От Талми не убудет из-за еще одного варианта собственного приготовления. У него рогатый приятель волокиты просиживает ночи за шашками в кафе, вместо того, чтобы присмотреть за своей благоверной. Зато принимает меры жена волокиты. Подсыпав любовникам с вечера сонного порошку, ночью, она на пару со знакомым крановщиком спускает с третьего этажа греховную кровать и везет посапывающие улики прямо в кафе, так сказать, на суд общественности, накрыв разлучнице физиономию и заголив ей ягодицы,

в порядке изысканной женской мести.

В кафе рогатый приятель мужа разделяет общий восторг от зрелища, представившегося глазам изумленной публики, пока не узнает, кому принадлежат ягодицы.

Талми прощаклевывает этот холст таким сочным бытовым грунтом и пишет по нему такие сочные характеры, что скабрезный анекдот превращается у него в маленький литературный шедевр.

Герои "Яфских картинок" — представители низов израильского общества, где преобладают смуглокожие выходцы из Африки и Азии. Те самые, от кого воротит нос местный белый обыватель, полагающий себя наместником Европы на Востоке. Особенно, осмелюсь добавить, наши выпускники высшей школы интернационализма с дипломами ОВиРа. Поэтому имя мстительницы из рассказа Талми — Метука: имя, распространенное у восточных евреев. И поэтому же свою ночную экзекуцию Метука производит над дамой из Румынии. Хотя рассказ называется "Сладкая месть Метуки", это, скорее месть самого Талми, заголившего ягодицы мещанскому самомнению своего брата — европейского еврея.

Одновременно Талми принимает сторону Метуки и против ее мужа с компанией завсегдатаев яфского ночного кафе. Восток не сомневается во всяческом превосходстве мужчины над женщиной, тем более мужа над женой. Талми не ограничивает игры воображения, чтобы как можно язвительней продемонстрировать обратное. Метука, которую муж не ставит ни во что, не только посрамляет его на всю округу, но и обнаруживает, как мы видели, способности большого тактика и стратега. Операцией спуска с третьего этажа любовников на кровати она командует с полным знанием дела, кстати, не столь уж невероятным в среде, где немало крановщиков, грузчиков и стропальщиков.

Итак, анекдотически-фантастические сюжеты вырастают у Талми из весьма реальных местных об-

стоятельств. В другом рассказе некая теплая яфская компания едет на автомобиле в Иерусалим. О занятиях пассажиров ничего не сообщается. Зато есть сведения об их приятеле, к которому компания заворачивает по дороге: Шломо Акила, то есть Шлома Грыжа, как его ласково зовут дружки за надрыв на работе, только что прибыл на родину из Франкфурта после пятилетней отсидки у немцев. За гастрольную торговлю наркотиками, как легко может догадаться израильский читатель. Жена Шломо Грыжи, дражайшая Лея Хромоногая (которая уже не хромает, так искусно пришили ногу после того, как оторвали) заработала новое прозвище в результате неудачного драпа от полицейской машины в Яфо. Как не вспомнить бабелевских налетчиков, тем более, что и в "Яфских картинках" речь идет вовсе не о колоритной уголовщине, а о колоритной человеческой натуре.

Натура дружков Шломо Грыжи велит им свернуть к его дому, чтобы поприветствовать героя Франкфурта и пожать его лапу, наконец-то выпорхнувшую из наручников. И они сворачивают с пути, хотя дали себе зарок ехать прямо в Иерусалим и никуда больше.

Почему такой зарок? А потому, что та же натура велит им съездить в Иерусалим на молитву у Стены Плача.

Каждое утро в Яфо начинается у них с покаянных рассуждений: жить на Святой земле и ни разу еще не побывать у самой что ни на есть святыни — это же надо!..

Услыхав, куда направляются гости, дражайшая Лея Хромоногая всплескивает руками: всегда мечтала спаломничать в Иерусалим. Видит Бог, сподобивший ее стать чудом уголовной медицины! Правда, герой Франкфурта, лично обнеся лимонадом дорогих гостей, приказал ей никуда не ехать, а бежать на кухню готовить мощный завтрак. И потом, женщине, которой привалило повторить с мужем медовый месяц, как не похвастать такой удачей перед людьми? Шломо, кокетливо намекает Лея, то и дело ржет и встает на

дыбы, как конь. Невозможно отлучиться.

Натура паломников немедленно клюет на такую увлекательную тему. Чтобы не опоздать в Иерусалим, они договорились не присаживаться, но после лимонада Хромоногая вынесла всем по мисочке пирожков со стручками молодой фасоли, а после пирожков вытащила три тяжелых медных блюда: с шашлычком, с бараньими ребрышками и с куриными сердечками.

Паломники в ужасе: третий год едут к Стене Плача, никак не доедут. Нет, сегодня, кровь из носу, доедут!

Герой Франкфурта в восторге. Он тоже поедет. Что за вопрос! Как не поехать к Стене Плача! Но нельзя же на пустой желудок!

Очень сильный довод.

Словом, от Шломо Грыжи компания возвращается в Яфо в первом часу ночи. Настроение такое приподнятое, что нельзя разойтись по домам, не заглянув в кафе. Чтобы немножко обсудить дела. Но дела — это на послезавтра, а завтра — всем встать чем свет и ехать прямо в Иерусалим. И чтоб никаких больше фокусов!

Легко догадаться, что завтра по пути в Иерусалим паломники заскакивают к Шломо с Леей. Вчера заехали, потому что нельзя не уважить друга, а сегодня — потому что нельзя не отблагодарить человека, оказавшего тебе гостеприимство. Не сказать хотя бы "мабрук" — есть такое хорошее арабское слово.

В полном соответствии с происхождением и жизнью персонажей "Яфских картинок" их речь пересыпана изюминами неподражаемого жаргона из смеси иврита с арабским. Эту, может быть, главную прелесть рассказов Талми, светящихся поэзией непричесанной правды, я не умею передать, как не могу перевести на иврит гнев бабелевского старичка Цудечкиса, выраженный в словах: "Какая нахальства!"

Что же касается самих паломников, то, зайдя лишь сказать "мабрук", компания, разумеется, никуда не едет.

У кого святое за душой имеется, у того оно никуда

не денется. Не то что смачные, но бысролетные радости суетной жизни, увенчанные на сей раз большим чугуном с бобами нового урожая.

ФИЕСТА

Мой знакомый старый крымчак, проживший здесь полвека, не смотрит телевизор и радио не слушает. Газету он с ненавистью отбрасывает, не раскрывая. Пир во время чумы! У него, старого большевика из сионистов, как и у других, сердце плачет! Разверни газету, он увидел бы рекламу мебельной фирмы "Шегем", которая понимает его чувства, но сама не отчаивается, о чем и сообщает аршинной надписью поверх диванов и буфетов.

"Пока все плачут, мы торгуем".

Соседняя реклама мистера Гольдберга тоже не унывает. Этот американец из Кфар-Савы, который держит "кейтеринг" — обслуживание домашних празднеств, поставка угощения, напитков, скамеек, столов, скатертей, посуды, музыки в кустах, прожекторов на шестах и подносов, скачущих на официантах. Цена порции в зависимости от меню. Меню — в зависимости от кармана, вплоть до рабоче-крестьянского. Рабочие и крестьяне всего за каких-нибудь 15 долларов получают восемь салатов и пять мясных блюд с гарниром из слив и ананаса. Плюс фаршированная рыба. На тот случай, если среди гостей из наших американских евреев вдруг затесался гость из наших еврейских евреев.

Впрочем, и он налегает не только на рыбу, сколько на устриц и креветок. Умело следуя вкусам публики, новейший тель-авивский ресторан держит на каждом

из трех своих этажей три разные моллюсковые кухни. На первом — кухня континентального Китая, на втором — острова Тайвань. На третьем — страны Японии.

Следуя другой ведущей в нашем обществе тенденции, ресторан пригласил на свое открытие не просто свадебного генерала, а старейшего актера "Габимы" Шломо Бар-Шавита. "Шлеймале", как зовет его тель-авивская публика с ее неудержимой склонностью к панибратству. Из бережного отношения к еврейским традициям и к своему тощему кошельку "Шлеймале" в жизни в рот не брал японских жареных червей во французском белом вине. А тут пришлось: народ хочет видеть своих художников, не отрываясь от пищи.

Так рестораны и кафе тягаются с театрами, которые в одном только Тель-Авиве одновременно предлагают десять драматических спектаклей и четырнадцать эстрадных представлений. Не считая ансамбля индейцев из Боливии. Есть еще и кино: одиннадцать картин, кроме тех, что крутят в городской фильмотеке, в городском музее, в клубах и посольствах. Затем вечер французской песни. Два вечера хорового пения самих посетителей под руководством профессиональных запевал. И наконец два смотра мод с развлекательной программой. Предприятия общепита, однако, не пасуют. Есть кафе, где вдобавок к изящным булочкам и пирожным вас угощают музыкой эпохи Ренессанса на старинных лютнях. Или эпохи средневековья на современных контрабасах. Возле тель-авивской набережной есть еще и бистро для испытывающих острый голод по драматическому искусству. Там можно сначала дать пищу душе, исполнив на эстраде пьеску собственного приготовления, а затем уже набить желудок.

Все охвачены увлечениями, не всегда, правда, духовно-гастрономической природы. Пивную на углу Дизенгофа и Бен-Гуриона оккупировали, как сообщает газетная заметка, мальчики в кожанках угрожающего цвета. Съезжаются они на мотоциклах научно-фантастическорго вида. Один такой мальчик, утвержда-

ет репортер, в честь своего мотоцикла марки "Харлей", на котором он пугает прохожих, переименовал фамилию. Теперь он Моти Харлей и ездит в паре с Реувеном Бе-эм-ве.

Заправившись пивом, мальчики гонят в разные значные места, не исключая пляжа Тель-Барух. Этот пляж обсуждается в проблемной статье под названием "Достоинство проститутки". Меры, предложенные соответствующей комиссией, изучившей положение на пляже, до сих пор не приняты. Достоинство девушек по-прежнему попирается, хотя их услуги дорожают. С одной стороны, цены растут, с другой — наблюдается отсев в натурщицы.

Еще бы! Художников в Тель-Авиве развелось больше, чем мотоциклистов. Изобразительное искусство победило даже искусство пантомимы, и бархатные береты почти вытеснили белую пудру и черные трико. Количество, как ни странно, не всегда переходит в качество, но зато всегда гарантирует конкуренцию. Что ни утро — то пять вернисажей.

Против них выходят в бой пять газетных критиков. Оттопав ноги, они к ночи садятся за стол писать пять газетных рецензий. Из рецензий ясно, что в искусстве критики признают только самих себя. Их святая и, скажем честно, оправданная ярость приводит к обратным результатам: цех живописцев еще больше увеличивается. Как и цех наших эстрадных трубачей, который тоже вербует свои таланты из всех решительно слоев общества. Он как раз только что пополнился, благодаря самозарождению нового певца в самом неподходящем для песен месте: в рамленской тюрьме.

В другой тюрьме, к слову сказать, каменный забор радует окрестности монументальными фресками в духе великого Сикейроса. Об этом позаботился начальник тюрьмы. Он тоже увлечен искусством, поощряет уже раскрывшиеся таланты и ищет новые в воспитательных целях. А что один такой раскрывшийся монументалист, выпущенный за забор творить,

натворил-таки: сбежал в порыве творчества, так это ничего, поймали.

Осечка с одним талантом не поколебала чуткого отношения тюремной администрации к другим зарешеченным самородкам. Певцу, обнаруженному в рамленской тюрьме, доставили прямо в камеру звукозаписывающую аппаратуру, а также инструментальный ансамбль. Как только певец напел пластинку, его повезли, правда, охраняя по дороге от порывов, в командировку на радио, где он спел и рассказал о тематике и планах. После чего его вернули в творческую мастерскую.

Так что, хотя артист еще сидит, его пластинка уже гуляет, ничуть не изумляя этим публику.

Это тоже в порядке вещей. Не только пир во время чумы.

АНГЛИЙСКИЙ ГОЛЬФ И ЕВРЕЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Все злые языки на свете — злые, а наши — еще и ядовитые. Свой общественный порядок они называют общественным беспорядком. Свой общественный строй — общественным расстройством. Нигде в мире нет, утверждают они, такой помеси победившего социализма с загнивающим капитализмом.

А меж тем, от скрещивания двух систем — сплошная выгода человеку.

Иногда, кое-где, в отдельных случаях у нас можно на работе не работать, как при социализме, а зарплату получать, как при капитализме. Да еще и бастовать, тоже как при капитализме, чтобы добиться повышения оплаты за труд, при этом совершенно не боясь увольнения за безделье, как при социализме.

По причине того же счастливого скрещивания двух систем, вы можете не работать, но зато играть в теннис. Благодаря инициативе наших капиталистов из Англии, Южной Африки и Австралии, кортов у нас, как грибов в дождливый день. Малоимущим и их детям вход на корты, уроки тенниса и даже ракетки — бесплатные. Недаром же такое недешевое удовольствие, как теннис, у нас превратилось в массовый спорт.

Другим всенародным развлечением станет, по видимому, гольф, как сообщает статья о состоянии гольфа в Израиле в настоящее время.

До сих пор я знал об этой игре исключительно из

западных романов и кинокартин, изображающих сладкую жизнь высшего общества. В Израиле в гольф играют в Кейсари, на изумрудных лужайках, раскинувшихся ввиду изумрудного Средиземного моря. Травку стригут самоходными газонокосилками, оставляющими за собой восхитительный ровный ворс. Ковер, разостланный среди раскаленных солнцем песков и украшенный отдельными купами ажурной акации и раскидистого рожкового дерева, питают драгоценной пресной водой, которой хватило бы на полив сельскохозяйственных земель целого мошава. Чтобы гонять мяч на травке, вы должны вступить в клуб, где годовой членский взнос составляет восемьсот хороших американских долларов. Еще пятьсот не менее хороших долларов стоит набор принадлежностей игры, который состоит из четырнадцати разных клюшек. Плюс чаевые подносчикам, которые будут возить за вами ваше снаряжение в большом колчане на маленьких колесиках.

Поиграв в гольф на лужайках клуба и освежившись в его душевых, вы проследуете с партнерами в клубный ресторан, где с тонкими улыбками и скромной предупредительностью вас разорят окончательно.

Уже двадцать три года, как небо невозможно взирает на этот буржуазный гнойник. За первые два десятилетия здесь было выписано не более четырехсот членских билетов. Среди обладателей-баронов статья называет Ротшильда, а рядом с иностранцами из дипломатического корпуса упоминает Абу Эвена. За баронами и дипломатами зарубежного и отечественного производства дефилируют израильские сахарозаводчики: промышленник Бума Шавит с семьей, сын представителя фирмы "Мерседес" Харлапа, владелец трикотажных фабрик Розов, модные адвокаты Киришнер и Фейрон и не менее модные доктора Харпес и Эттинг. Акулы большого капитала и их прислужники. Те самые сагибы, которые во всех разлагающихся странах Запада нагло играют в гольф, в то время как бремя перетаскивания клюшек ложится на туземцев.

В Кейсариин колчаны за сагибами таскали туземные мальцы из соседнего поселка Ор-Акива. Есть такой бедняцкий поселок многодетных евреев из Марокко. Например, у одного из мальчишек Ор-Акивы, подрабатывавших на кейсарийских лужайках гольфа, у Омера Яиша, шестнадцать братьев и сестер.

Легко догадаться, что вышло из встречи представителей противоположных классов на травяном ковре. У одной из сторон ковер подогрел капиталистические вожделения, а у другой — социалистические стремления.

Вы, конечно, поняли, что капиталистическими вожделениями запылала та сторона, которую представляет Омер Яиш и его мальцы. При их зорком глазе и здоровой зависти они быстро смекнули, что на гольфе можно сделать карьеру.

Что касается акул большого капитала, то, как ядовито заметил один наш злюка, социалистов в Израиле следует искать прежде всего среди миллионеров. Идя навстречу пожеланиям трудящихся из Ор-Акивы, миллионеры кейсарийского клуба совершили соцреволюцию в его уставе. Постановили: брать по двенадцать долларов с тех, кому не под силу платить по восемьсот, за право играть на равных с бароном Ротшильдом. А необходимые клюшки и колчан стоимостью пятьсот долларов — выдавать им напрокат в постоянное пользование.

В результате такой неслыханной в мире гольфреволюции туземцы из Ор-Акивы с фигурами греческих богов в два счета стали звездами архибуржуазного спорта и разъезжают по заграницам в качестве сборной Израиля по гольфу.

А миллионеры тем временем еще отказались и от подносчиков, чтобы не унижать достоинства своих бывших слуг, оказавшихся престижными партнерами. Какой-нибудь генеральный директор Тедди Канни из приборостроительной компании "Истроник" смиренно просит Нисима Занти из Ор-Акивы сыграть с ним партию. Магнат промышленности Шидловский обхаживает Омера Яиша. Шидловскому тоже хочется

сразиться с чемпионом. И тоже, конечно, без всяких там слуг и прислужников.

Равенство равенством, но вы, конечно, не подумаете, будто миллионеры вдруг станут ходить пешком и таскать за собой свои доспехи. Бывший подносчик идет пешком — Шидловский же едет рядом на колчане-самокате марки "Истроник".

Приборостроительная компания создала этот единственный в мире чудо-самокат в свете исторического решения по изменению программы и устава клуба израильских гольфменов.

В ТЕМНОМ МИРЕ КАПИТАЛА

Главный редактор газеты "Маарив" Шницер — интеллигент старого европейского образца. У представителей этого вымирающего рода как бы вставлен в глаз незримый монокль. Мускул на лице не дрогнет, чтобы стеклышко не выпало. Шмуэль Шницер — сама выдержка и корректность в жизни и в статьях.

Правда, один раз Шницер все-таки повысил голос. Дело было, когда правительство Ликуда приготовилось эвакуировать Ямит. Эвакуация была поручена военным властям. Зная, что не обойдется без столкновений, власти запретили доступ в район Ямита корреспондентам прессы, радио и телевидения. В ответ на такую возмутительную меру редакторы израильских газет провели демонстрацию у контрольно-пропускного пункта в зону Ямита. Выйдя из автомобилей, старшие представители прессы с возвышающимся над ними долговязым Шницером зашагали вперед с таким видом, будто сейчас грудью бросятся на провололочные заграждения, выставленные против свободы печати. Против права публики знать всю правду об Израиле независимо от того, угодно ли это властям в тех или иных отдельных случаях. Броситься на проволоку редакторы не решились, но зато произнесли речи на ее фоне. Тут оказалось, что в сильном гневе Шницер может сорваться на крик.

И вот сейчас Шницер утратил свои европейские приличия во второй раз. Если тогда за попытку утаить

факты он набросился на правительство, то теперь за попытку исказить факты он накинулся на оппозицию.

В парламентской борьбе правительство и оппозиция любят или не любят правду в зависимости от того, кому она выгодна. Газета любит правду за правду и за большой тираж. Шницеру наплевать на то, что в первый раз ему аплодировала оппозиция, а сейчас он снискал улыбки правительства.

Еще бы! Ведь Шницера разгневали утверждения, будто по вине правительства, которое в борьбе с инфляцией отнимает у бедняка его последнюю козочку, широкие массы наших трудящихся уже ночуют под мостами, а также на скамейках парков.

Когда-то я работал в израильской газете, где под такие зарубежные ужасы отводилась специальная рубрика "В темном мире капитала". В ней печатались данные об усиливающейся на Западе нищете и обязательно с ссылкой на солидные зарубежные источники. Источники в самом деле были солидные, сомневаться не приходилось.

Правда, меня эта рубрика не интересовала, потому что она не отвечала на вопрос, у кого бы мне перехватить десятку до зарплаты за правдивое воспевание неуклонного повышения благосостояния трудящихся. Особенно тех, кто по роду занятий не может вынести через проходную коровье вымя или вывезти по железной дороге вагон винно-водочных изделий. Редакционные машинистки, например, могли бы, конечно, вынести лучшее из редакционной почты, но попробуйте подать на обед или поджарить на ужин жалобу гражданки, которая стоит даже десять лет в очереди на квартиру.

Выехав из державы неуклонно повышающегося благосостояния, я, как и все беспартийные советские отщепенцы, совершенно потерял политическую ориентацию и погрузился в приобретательство, забыв поинтересоваться положением трудящихся в темном мире капитала.

Хотя нетрудно было сразу заметить даже в по-

темках, что государство тут все-таки думает о том, может ли семья машинистки свести концы с концами и что подают на обед у сторожа. В Израиле, например, пытается разрешить эти острые вопросы специальное ведомство — Министерство труда и социального обеспечения. А также еще одно мощное специальное учреждение — Институт национального страхования. Что касается сытых классов общества, то они успокаивают свою совесть с помощью бездны благотворительных фондов и касс. Но что бы ни делало в этом направлении наше нищее государство и наши богатые классы, им не позволят почивать на лаврах средства массовой информации. Пресса, радио и телевидение без устали ранят чувствительные сердца и колят равнодушные глаза изображением человеческого горя и нужды. Но есть, как мы уже знаем, еще и политическая оппозиция. Она заступится за всех униженных и оскорбленных. Отхлестать правительство ей всегда с руки.

Результаты такие. Во-первых, те, кому живется нелегко, всегда на виду у публики. Во-вторых, их положение всегда предмет общественной борьбы. В-третьих, эта борьба, как и всякая другая, всегда полна перегибов. Например, и в самые тучные годы в истории Израиля репортеры телевидения продолжали подстергать в продуктовых магазинах покупателей с виду попроще и подносить им под нос микрофон: "Как при вашем семейном бюджете вы можете прокормить семью?" А покупательницы, даром что с виду попроще, прекрасно понимали наводящий вопрос. Покажут по телевидению — как же не услужить репортеру за такую честь. Тем более, что только что опять разорились — на видеомагнитофон. И жертва от чистого сердца: "Как можно свести концы с концами? Конечно, не свожу".

Я тоже не сводил. Потому что купил автомобиль. Но теперь, когда вся манна небесная иссякла, у меня тоже сердце упало от сообщения, что число людей, оказавшихся за так называемой "чертой бедности",

достигло в Израиле полумиллиона.

”Черта бедности” и цифра полмиллиона вычислены Институтом национального страхования и переданы в печать его генеральным директором. Директор института — один из лидеров маленькой коалиционной партии ТАМИ. Шеф директора — министр труда и социального обеспечения — главный лидер той же партии. Партия ТАМИ претендует на защиту интересов восточных евреев, особенно малоимущих. Ее лидеры держат правительство в постоянном страхе, то и дело угрожая выйти из коалиции и вызвать тем самым правительственный кризис, если не будут удовлетворены их новые и новые требования. Теперь ТАМИ предъявила очередной ультиматум: в эпоху сокращения всех бюджетов потребовала ассигнования своей вотчине — Министерству труда и социального обеспечения. Правительство не поторопилось раскошелиться, и тогда лидеры ТАМИ предали огласке подготовленную ими сенсационную цифру бедняков.

Ухватившись за эту цифру, оппозиция немедленно потребовала вотума недоверия правительству. Пресса запестрела материалами о бедственном положении трудящихся. Тут-то Шмуэль Шницер и лишился хладнокровия во второй раз.

Прежде всего от взволнованного сознания публики и публицистов, как заметил, пожалуй, только Шницер, ускользнуло, что опубликованная институтом цифра была трехгодичной давности. То есть относилась к тому счастливому времени, когда в Израиле пир шел горой и когда посильное участие в этом пире принимали все, сверху донизу.

Таким образом, по данным института, выходило, что в те благополучнейшие времена в Израиле бедствовал каждый восьмой гражданин.

Шницер сел выяснять, каким образом мог получиться такой статистический кунштюк. Результаты своего исследования он опубликовал в статье с язвительным заголовком ”Новоявленные нищие”.

Шницер рассказывает, каким методом Институт

национального страхования определяет ту самую черту, именуемую "чертой бедности". Население Израиля разделено на десять групп по величине дохода. Доходы двух средних групп, иначе говоря, среднего класса, и принимаются за критерий для определения "черты бедности", а именно: бедняк тот, чей доход не превышает 40 процентов от дохода среднего класса.

При росте благосостояния населения, как это имело место в упомянутые годы, прежде всего растут доходы богачей и среднего класса. И получается, что если доход его представителей вчера равнялся, допустим, десяти шекелям, то, зарабатывая лишь пять шекелей, вчера вы не попадали в бедняки: пять шекелей составляют более 40 процентов от десяти. Сегодня же, когда доход среднего класса повысился, допустим, до двадцати шекелей, вы, по критериям института, оказываетесь в нищих, даже если зарабатываете уже не пять шекелей, а восемь: ваши восемь шекелей — 40 процентов от двадцати.

Другими словами, вчера вы не попадали под "черту бедности", хотя зарабатывали меньше, а сегодня, хотя вы зарабатываете больше, вас под эту черту подвели.

Откуда же такая нелепица? А вот откуда: меряют не ваш прожиточный минимум, а то, на сколько вы отстали от богачей. Шницер гневно пишет, что таким методом получается не "черта бедности", а "черта зависти".

В народном Китае, пишет Шницер, достигнуто полное материальное равенство. У всех равно мало пищи, все живут равно скудно. Никто не зарабатывает сорока процентов от дохода среднего класса, которого не существует, а посему никого нельзя зачислить в бедняки. Таким же образом нет никакой нищеты и в Африке: голод из-за многолетней засухи повальный, у всех одинаково пал скот. Зато нет проходу от нищих в Америке: один зарабатывает меньше восьмисот долларов в месяц, а другие колачивают и по восемь тысяч!

Каждый восьмой израильтянин — бедняк? Когда

вам сообщат об этом под рубрикой "В темном мире капитала" со ссылкой на солидные источники, вспомните Шницера или Козьму Пруткова: "Если на клетке слона увидишь надпись "буйвол", не верь глазам своим".

ПРОКЛЯТАЯ ЗАДАЧА

Амос Оз, пожалуй, самый глубокий и крупный современный израильский писатель, говорит об извечных еврейских метаниях между пропастью и звездами. Евреи, пишет он в одной из своих статей, всегда были готовы, уж если к гибели, то окончательной, а если к избавлению, то полному. Справедливость — так абсолютная, совершенство — так идеальное. Все или ничего.

Одна из целей классиков сионизма, как их понимает Оз, заключалась в том, чтобы освободить еврейскую душу от гипертрофированных эмоций и стремлений, неведомых никакому нормальному народу. Коли такая была цель, дело обстоит из рук вон плохо: Израилю пошел четвертый десяток, но евреи в нем нисколько не угомонились. Как раз наоборот. Если в галуте максималистские мысли позволяет себе далеко не всякий еврей, а уж если позволяет, так доверяет их главным образом подушке, то в Израиле любой и каждый трубит о них, точно библейский пророк. И, как пророк, не стесняется в выражениях.

Один из моих соседей, пенсионер-юрист, например, выскакивает по утрам из дому и кричит на весь переулок: "Я — антисемит!" Сделав это провокационное заявление, старик остывает и преспокойно возвращается домой пить кофе и подрезать розы.

А дело, оказывается, в том, что старик категорически недоволен своим правительством, а также своим народом, особенно молодежью. Можно себе предста-

вить, что какой-нибудь сварливый папаша в Париже тоже категорически недоволен правительством, а также народом и особенно молодежью, но при всем французском темпераменте трудно вообразить, чтобы там кто-нибудь регулярно выбегал на улицу объявлять: "Я — антифранцуз!"

Мой сосед, разумеется, никакой не антисемит. Просто подавай звезды, а до них ему и самому, возможно, еще ой, как далеко!

Говорят, израильтян захлестывает погоня за материальными благами. Что ж, послушаем тех, кто с утра до вечера говорит о деньгах. Утомительно, правда, но очень любопытно. Если выдержать часика четыре в обществе, скажем, наших биржевых маклеров, то окажется, что время от времени они отводят душу на рассуждениях о том, как бы они исцелили пороки государства и общества. Не зная, кто выступает — можно подумать, что присутствуешь на заседании идеалистов-утопистов.

Наймите маляра, из тех неприкаянных работяг, что сидят с ведерками и щеткой напротив тель-авивского рынка Кармел. Это не лучший способ сделать в квартире ремонт, но зато лучший способ заполучить специалиста по всем актуальным общественно-политическим вопросам. И пусть ваша штукатурка отвалится, если вы получили рецепт, как правильно отштукатурить страну. На меньшее не соглашаются ни безвестные маляры, ни известные публицисты.

В день, когда выступил Амос Оз, появилась и статья публициста Ахарона Бахара, написанная в форме дискуссии, которую автор ведет с самим собой. Недовольная половина раздвоившегося Бахара возражает его довольной половине. "Но послушай, — восклицает она, — страна у нас ничем не лучше других!"

Представляете, какой позор?.. Мы ничем не лучше других!

На телевидении делают документальный фильм о ночном Тель-Авиве. Участник драки, забранный в полицию. Проститутка на трудовой вахте. Бездомный

алкаш в подземном переходе. Словом, безжалостная ночь, которую можно заснять в любом большом городе мира на километрах пленки. Но мы-то уже знаем, что подворотни Тель-Авива обязаны отличаться от нью-йоркских или московских! И не думайте, что авторами этого обличительного фильма руководило только сочувствие к человеческому горю.

Нет, не за горе евреи казнят еврейскую действительность, а за то, что не доросла до еврейских утопий.

Смешно?... Смешно, хотя стоит лишь почитать величайшее творение нашего народа — Библию, и сразу станет ясно, что у нас только повторяют задачу, которую евреи поставили себе три с лишним тысячи лет тому назад. И с тех пор мучаются невозможностью ее разрешить.

От маляра до драматурга, от биржевика до старика-юриста евреи Израиля — чистые и нечистые — несут в себе заряд тоски по несбыточному, или, как принято говорить, по идеалу. Амос Оз утверждает, что такой накал вреден для национального здоровья. При всем уважении к Озу, он может и ошибаться.

ЧТО БУДЕТ?

Наши правые и левые экстремисты бряцают оружием, пока что, слава Богу, только на бумаге. Одна их карликовая газетка авансом поддержала мятеж против правительства, буде последнее уступит арабам часть Иудеи и Самарии. Другая — пообещала в таком случае гражданскую войну. За оба боевых листка ухватились с радостным ужасом наши штатные прорицатели. Они давно предсказывают междоусобицу и смуту, споря между собой лишь о том, какие из несметных наших антиподов набросятся друг на друга не позднее, чем завтра утром: правые на левых или ортодоксы на атеистов, сефарды на ашкеназов, или, может быть, "куппат холим"* на Министерство финансов.

Иногда страх берет читать и слушать. Тем более, что все антиподы служат в армии и едут из части на побывку домой, кто с автоматом, а кто и с автоматической винтовкой. А если хорошо поискать у вернувшихся с войны, то можно найти и такой сувенирчик, как осколочная граната. Широко распространено ношение пистолетов с разрешения полиции — в целях самообороны. Могут спросить, почему в таком случае, на улицах и в домах не наблюдается массовой стрельбы. Хотя бы от нечего делать или по пьянке. Отвечу: пьяных нет, а бездельники у нас такие,

*Куппат холим — больничная касса.

что им лень даже пострелять. Отсутствие массовой стрельбы обязано, как видно, дефекту национального характера.

Даже экстремисты правые и левые, как только их пожурил юридический советник правительства, печатно отказались от своих огнестрельных намерений и заюлили: мол, их неправильно поняли. Никогда, ни по какому поводу не станут они стрелять ни в еврейское правительство, ни просто в своих евреев.

Дай-то Бог, или "Алевай", как говорят у нас. Ведь нашелся все-таки одержимый, швырнувший гранату в демонстрацию сторонников движения "Шалом ахшав" и убивший одного из ее участников.

Пророки с тех пор не умолкают. Так хочется им возразить, а нечего. Разве что напомнить о последних парламентских выборах, когда обстановка в стране накалилась настолько, что полиция села планировать специальную операцию по охране общественного порядка.

Тридцать один избирательный список, в том числе две дюжины крохотных. Маарах с Ликудом в одинаковых выражениях призывают не голосовать за мелкота, а затем уже, как могут, поносят друг друга. Мелкота свирепо дерется между собой, а затем в одинаковых выражениях поносит Маарах с Ликудом.

Пахнет порохом. В полиции отменяются отпуска. Мобилизуются пятнадцать тысяч полицейских и солдат. Развертывается центральный пульт управления операцией. Генеральный комиссар полиции будет лично следить за обстановкой в разных избирательных округах. Для него заправляют вертолет. Поздно вечером в штаб Маараха звонит неизвестный и предлагает немедленно очистить помещение: в штаб заложена бомба. Ликуд не отстает: сообщает, что и у него в штабе раздался звонок с предупреждением о бомбе. Полиция кидается искать бомбы. Ищет долго и напрасно.

Репортеры прессы, радио и телевидения возбужденно заряжают камеры и кассеты, словно собираются на

гражданскую войну. Проходит ночь. Занимается день выборов.

Репортеры немножко разочарованы: утро обещает лишь дикий зной — на дикие происшествия и намек нет. Даже нелегальное оживление в кустах возле избирательных участков — в день выборов агитировать воспрещается — носит скорее благодушный и слегка торжественный характер. Как и полагается по случаю праздника демократии. Куда делись грозовые тучи? Куда делась публика, назлектризованная до отказа тридцать одним непримиримым избирательным списком?

Репортеры бросаются выяснять. Оказывается, публика уехала купаться. И это вместо того, чтобы взорваться!

Как докладывает радио, которое ведет непрерывный полуторасуточный репортаж, более ста тысяч голосов образовали хор на берегах одного только озера Киннерет. А ведь есть у нас еще пляжи двух морей! Вместо того, чтобы четвертовать друг друга, избиратели разделись до трусов. А в таком виде нет никакой возможности отличить единомышленников от противников. Все либо сидят в воде, либо жарят на берегу кебаб. До спада большой жары, во всяком случае. А на поле боя, естественно, тишь да гладь. Примерный до отвращения порядок.

Полиция и пресса на простое.

За полным отсутствием мордобоя, радио пытается всучить слушателям два безобидных происшествия. В Иерусалиме некий старик, выйдя из кабины тайного голосования, раздраженно объявил комиссии, что при таком количестве списков он вынужден додумать дома, стоит ли вообще голосовать. В отличие от него, в Негеве, на одном из бедуинских станов некая избирательница в чадре пыталась проголосовать пять раз, пользуясь чужими удостоверениями личности. Дело в том, что ислам запрещает женщинам показывать свое лицо представителям противоположного пола не только в натуре, но и на фотографии. Уважая чужую веру,

министерство внутренних дел Израиля сделало для бедуинок исключение. В их удостоверениях фотокарточку заменяет отпечаток большого пальца. Но бедуинам не надо ни заглядывать под чадру, ни звать криминалиста с лупой: они без труда различают соплеменниц по деталям их гардероба, что и позволило пресечь вопиющее избирательное мошенничество.

Бедуинская экзотика, однако, не может заменить еврейского скандала. Радиосообщениям с мест долго грозила перспектива остаться совсем без перцу, да спасибо, нашелся-таки еврей. В Беер-Шеве. У него, по-видимому, был повод сильно подозревать жену в том, что она проголосует против его любимой партии. Поэтому он побежал следом за женой в кабину, чтобы лично проконтролировать ее выбор. Когда комиссия попыталась извлечь из кабины незаконного контролера, он применил к ней грубую физическую силу. Тут-то перед одним из пятнадцати тысяч мобилизованных блюстителей общественного порядка открылась, наконец, возможность приступить к исполнению обязанностей. Буян, как сообщило радио, успешно изолирован от общества, а главное — от жены, которая исполнила свой гражданский долг без всякого нажима со стороны группы лиц или отдельной личности.

Этот большой скандал окрасил скуку до вечера, когда на участки потекли медные от загара избиратели и проголосовали так мирно, словно со вчерашнего дня, когда они готовы были выйти на баррикады, их подменили.

Любопытно, что на это обстоятельство никто не обратил особого внимания. Лишь бывший министр юстиции, комментируя итоги голосования, заметил, что день выборов прошел так, что сама родина парламентской демократии Англия может позавидовать.

А что же со списками? А то, что от большинства из них остались рожки да ножки. Свой голос, почти целиком, избиратель отдал двум крупнейшим политическим блокам. Тем самым он зачеркнул все

множество остальных наших антиподов, а мандаты Маараху и Ликуду отвесил поровну, да еще с такой аптекарской точностью, что у двух этих исторических врагов не осталось другого выхода, кроме вражды в правительстве национального единства.

СЕНО — СОЛОМА

Телевидение показало прелюбопытнейший сеанс вольной борьбы между командой еврейских интернационалистов из Аргентины и командой еврейских националистов из Союза.

Схватка состоялась на ковре программы под мирным, даже лирическим названием "Встречи". "Мифга-шим". Судил ведущий программы Дан Маргалит. Прежде чем остановиться на выкручивании суставов, ударах в солнечное сплетение и других болевых приемах, которые мы наблюдали в этой встрече, надо признать, что судейство Маргалита оставляло желать лучшего.

Израильская журналистика превосходная, но по моде времени и весьма жестокая. Среди ее ведущих представителей Маргалит, пожалуй, единственный, кто не смотрит на интервьюируемых, как матерый волк на овец. Хотя и он не совсем вегетарианец. Не кто иной, как Маргалит в свое время съел Ицхака Рабина. Выследил несколько долларов, оставшихся у жены Рабина в американском банке, с тех пор, когда ее муж был послом Израиля в Вашингтоне. Можно ли не тиснуть такую грандиозную новость? Израильским гражданам воспрещается держать деньги за границей. Простым смертным нельзя, а власть имущие себе позволяют?! Муж нарушительницы финансовых законов — глава правительства! Публика вправе знать! Публика узнала, и Рабин подал в отставку. Счел

невозможным оставаться на посту премьера, коль скоро жена, как он выяснил, действительно забыла закрыть заграничный счет.

При разоблачении политиков журналисты часто показывают высочайшую профессиональную этику, однако бывает, хотя и довольно редко, что этика разоблаченного полигика оказывается много выше.

Рабин, кстати, не перестал давать Маргалиту телевизионные интервью, в которых нельзя заметить никакой враждебности с его стороны. А со стороны Маргалита — ровно никакой неловкости. Мягко стелет, как ни в чем не бывало.

Дело, конечно, вкуса, но мне его неизменный вид сестры милосердия симпатичней, чем шерсть дыбом у его коллег. Однако в программе "Встречи" его задушевный вид превращается в недостаток. Чтобы совладать с евреями, когда они выясняют между собой отношения, нужны не перчатки, а ежовые рукавицы.

Огнеопасный национальный темперамент моментально воспламеняется и сжигает нить дискуссии, которую пытается удержать ведущий. Маргалит со своей судебной кафедры выглядит уже не судьей, а погорельцем на пожаре. Огонь раздувается еще и тем, что кто бы с кем не сшибался: киббуцники ли с поселенцами по вопросу Иудеи и Самарии, тель-авивцы ли с жителями Кирьят-Шмона по вопросу вывода наших войск из Ливана, — в любом случае дает себя знать тяжелая злость двух лагерей, образовавшихся в израильском обществе из всех партий, движений и течений.

Из двух сторон лишь одна считается у нас оплотом мира, дружбы и прогресса. Какая — говорить не надо. Две стороны левая и правая отличаются, как медаль от палки, еще со времен светлой памяти самодержца императора Павла. Павел высочайше указал вязать новобранцам на левую руку сено, на правую солому, и каждого, кто не отличит один пук от другого и повернется не туда, бить шпицрутенами нещадно.

С тех пор на родине императора наломали много

палок, а его наследники даже совершили всемирно-историческую революцию, чтобы распространять условный рефлекс на сено и солому по почте и по радио туда, куда шпицрутены покамест не доходят.

Теперь уже все человечество категорически отличает левую сторону от правой.

Вот и у нас, в глубокой нашей провинции, каждый новобранец знает: хорош тот лагерь, который утверждает, что он с левой стороны. А на тот лагерь, который поневоле торчит на неприличном месте, просто жалко смотреть. Как ни хорохорится он, сам себя стесняется — ничего не может поделать с условным рефлексом.

Но, стесняйся — не стесняйся, все поместиться слева не могут: Израиль — страна маленькая. Может, если присоединят Иудею с Самарией, положение исправится, но пока и справа довольно тесно. Трения дошли до того, что молодые люди двух наших лагерей уже и любовь между собой не крутят без учета сена и соломы.

Подобная обстановка, по-видимому, и надоумила Маргалита организовать турнир двух команд, прибывших из заграницы недавно, но немедленно разбежавшихся налево и направо. Ведь это же в самом деле любопытно: еще не успев составить себе никакого представления об израильских делах, репатриант сразу же встречается в политику да еще занимает в ней самые крайние позиции.

И вот квартет милых молодых репатриантов из Аргентины и квартет милых молодых репатриантов из Союза скрещивают свои шпаги на экране. Как всегда в таких случаях, Маргалит теряет вожи. Противники беспрепятственно исторгают из себя негодующие вопли. И тут выясняется, что негодуют они друг на друга по причинам, никакого отношения к Израилю не имеющим.

Интернационалисты из Аргентины клеймят националистов из Союза. Как могут интеллигентные люди в наши дни придерживаться махровой правой идеологии? Правые в Аргентине убили без следствия и суда

— тысячи — вы слышите! — тысячи своих политических противников. А тайная полиция, а режим слежки и стукачей, заведенный аргентинской военной хунтой? А обыски с изъятием запрещенной литературы в Буэнос-Айресе? Знаете ли вы, что вам может быть там за одну-единственную статью Троцкого?

Преодолевая отвращение к Троцкому, националисты из Союза раздражаются ядовитым смехом. Как можно терпеть дурь западных социалистов? Нашли кому рассказывать о тысячах! А замученные миллионы? Это у них тайная полиция? Подумаешь, полтора стукача! А за самиздат в лагерь не хотите? Короче, выяснилось (правда, не для самих борцов, которые ушли с ковра несгибаемыми, как и пришли), что одни стали интернационалистами потому, что в их стране расстреливали националисты. А другие стали националистами потому, что в их стране расстреливали интернационалисты.

Команды с тем и приехали в Израиль.

А в Израиле, где никто никого не расстреливает, вопрос национализма и интернационализма стоит, как мы видели, остро.

КУСОЧЕК НЕМЕЦКОГО САЛА

Израильское телевидение показало фильм своего корреспондента в Западной Германии Михаэля Карпина под названием "Евреи и немцы". Двадцать минут отличной кинопублицистики. Два центральных эпизода: монолог Гельмута Шмидта на встрече с руководителями еврейской общины и монолог Михаэля Карпина на кладбище в Вормсе, старейшем еврейском кладбище Европы.

Канцлера пригласили в синагогу по случаю очередной годовщины нацистской "хрустальной ночи". Ермолка на голове канцлера Западной Германии смотрится хуже, чем на других высокопоставленных головах, в число которых не входит голова Брежнева, избавленного от необходимости отмечать годовщины избиения еврейской интеллигенции визитом в Большую московскую синагогу. Евреи во все века жаждали аудиенций у разных великих калифов, и атмосферу встречи со Шмидтом создают не ермолка или другие ритуальные аксессуары, а сам факт свидания меньшинства с его высокопревосходительством.

В каждой черточке самоуверенного канцлера, в каждой нотке его менторского голоса проступает вельможа, не сомневающийся в непререкаемости своих суждений. Большинство его нынешних соотечественников, говорит канцлер, не запятнаны преступлениями нацистов, но в качестве народа и они не свободны от ответственности за эти преступления; с другой сто-

роны, имена от Мендельсона до Эйнштейна не оставляют сомнения в том, что немецкие евреи всегда чувствовали себя в Германии немцами.

Это свое резюме канцлер роняет в почтительную тишину, которая услышала именно то, что и надеялась услышать.

Кадр меняется, перенося зрителя на луг, поросший немецкими маргаритками. Но нет, это не луг, маргаритки цветут вокруг замшелых надгробных плит со стертыми надписями на древнем языке евреев. Михаэль Карпин выбирает эту съемочную площадку, чтобы вежливо поспорить с успокоительными словами канцлера.

Карпин замечает, что канцлер не случайно начал перечисление плеяды знаменитых немецких евреев с Мендельсона — духовного отца еврейской эмансипации: Мендельсону в Германии предшествовало шестнадцать веков зверских гонений на евреев, о чем Шмидт деликатно умолчал. Я нахожусь в Вормсе, говорит Карпин, стою на древнейшем еврейском кладбище Европы и кое-что вам расскажу о нем.

Он обращается к своим сверстникам и соотечественникам сабрам, которые, по его словам, сладко дремлют на уроках еврейской истории.

А что знаем о своей истории мы — бывшие и настоящие советские евреи? Скажем, о той же Германии. Что нам известно, кроме того, что был Гитлер, а "теперь это уже не та Германия"? В Вормсе поработали крестоносцы, и, чтобы не принимать смерти от их меча, евреи сами накладывали на себя руки. Но чернь надругалась даже над трупами, давно истлевшими под ковром немецких маргариток. Однако почитаем страничку из счастливой эпохи Мендельсона. В Дрездене в 1882 году был созван международный конгресс антисемитов, потребовавший изгнания евреев из Европы. В Берлине Марр организовал антисемитскую лигу; его брошюра "Победа еврейства над Германией" выдержала несколько изданий. Трейчке, известный историк, рекомендовал возврат к временам бесправия евреев.

Дюринг призывал к вытеснению евреев из государственной и общественной жизни и предостерегал от смешанных браков, могущих привести к "ожидовлению крови". Евреев выталкивали из ресторанов, били на улице и в вагонах. В Нейштетине, Гаммерштейне, Конице, Бублице, Ястрове начались погромы. В Скурце, в Ксантене, Сконице шли процессы по обвинению евреев в ритуальных убийствах. Придворный пастер Штеккер основал партию юдофобов. Правительству подавались петиции с требованием ограничить переселение евреев из других стран, убрать евреев с государственных должностей, не допускать к преподаванию в немецких школах.

Эту страничку я выписал из книги молодого философа Марка Вайнтроба об антисемитизме, изданной в Риге в 1927 году. Четыреста страниц этой книги, проникнутой идеей ухода евреев из галута как единственного средства спасения, убеждают, что французы, испанцы, итальянцы, англичане обращались с нами не лучше немцев. Автор, однако, не мог предвидеть, что ему самому уготована судьба евреев Вормса, и ровно через пятнадцать лет после выхода его книги он, Вайнтроб, проглотит цианистый калий, чтобы не унзить себя смертью от руки палачей.

Михаэль Карпин, израильтянин, отрекшийся от диаспоры, и потому довольно безучастный к ней и слегка ее презирующий, внезапно вспыхивает, когда видит — и показывает нам — кадры чествования немцами их любимого юмориста — еврея Кишона. Книги Кишона расходятся в Германии миллионными тиражами; Кишон приезжает в Германию и участвует в карнавальном банкете с шутовской короной на голове, увеселяя присутствующих остроумным спичем на отличном немецком языке. Кишон — израильтянин, Кишон — бывший венгерский еврей, спасшийся из немецкого концлагеря.

Так что фильм Михаэля Карпина не о немцах, а о евреях. О нас, чьи предки после изгнания из Испании,

наложили на нее "херем"* , оставшийся в силе четыре столетия. Нашего же уважения к своим мертвым и к самим себе не хватило и на одно поколение.

Карпин показывает аэропорт в Кельне, превратившийся в главную плодоовощную базу Израиля в Европе. Не называя жертву жертвой, а преступника — преступником, он изучает их противоестественную тягу друг к другу. Немецкие города стали побратимами израильских городов. Израильские школьники регулярно ездят в гости к немецким школьникам и принимают их у себя. Коммерция процветает. Я разъезжаю на немецком "фольксвагене", а мой сосед, бывший польский еврей, отказавшийся от репарационных немецких марок, по мнению одних, — чудак, а по мнению других, — и вовсе дурак.

Коренной израильтянин Карпин судит коренных израильтян. Он не говорит о нас, о репатриантах, пытающихся ущипнуть кусочек немецкого сала. Мы — нет, не все, разумеется, не все! — беремся доказывать свое знание немецких колыбельных песен, чтобы выколотить немножко германского пособия на спокойную еврейскую старость. И мы — не все, разумеется, не все! — меняем Тель-Авив и Хайфу на Берлин и Аахен, не догадавшись, кажется, освоить заново только Вормс. Послушать таких новоявленных немцев из СССР через Израиль — не надо слушать канцлера Шмидта: они вам поклянутся памятью родной матери, погибшей от руки нацистов, что в Германии ныне пошел иной немец, только и мечтающий о том, как бы услужить еврею.

Кажется, так оно и есть, если поглядеть на физиономии немецких поклонников Кишона на банкете. Мы обрели свое государство, но еще не скоро обретем достоинство средневековых вормсских евреев.

* Херем — отлучение от общины, одна из самых суровых мер наказания духовным судом.

ТЕАТР ПРОФЕССОРА ОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ

К приезду Миттерана наше телевидение показало французский фильм. Фильм посвящен жизни и творчеству Жака Бреля, страдальца-поэта. Брель больше всего известен как эстражник, потому что о своих муках в этом мире, который живет не по правде, он кричал с эстрады.

Воспаленная совесть роднит далеких и абсолютно непохожих людей. Поэтому фильм о рано умершем певце-бельгийце из Парижа напомнил мне о документальной ленте израильского телевидения, посвященной благополучно здравствующему в Иерусалиме старику-еврею, профессору органической химии и нейрофизиологии Иешаягу Лейбовичу.

В Израиле профессор знаменит не работами по энзимам, снискавшими ему известность в научном мире, а криком о том, как жить по правде.

Авторы фильма замечают, что многие считают старого биолога интереснейшим современным израильским мыслителем, а многие другие решительно отказывают ему в этой чести. Есть еще и такие, кто вообще записывает Лейбовича в еретики. Дело в том, что речь идет о человеке верующем, неукоснительно выполняющем предписания религии, тогда как его религиозное мировоззрение поражает вызывающей непокорностью. Его интеллектуальное бесстрашие не уступает мужеству, которое Лейбович доказал в Войну за Независимость, когда командовал ротой защит-

ников осажденного Иерусалима.

Я понимаю, что моим бывшим соотечественникам, с молоком матери впитавшим мнение, будто религия есть опиум для народа, трудно вообразить себе свободомыслящего ортодокса. В Израиле, надо признать, такое сочетание тоже встречается не каждый день. Но факт остается фактом. Лейбович — неотъемлемая часть израильской действительности. Невозможно представить интеллектуальную жизнь страны без радиокomentarиев Лейбовича к Торе, без его взрывных или подрывных (зависит от точки зрения) речей в университетских и школьных аудиториях. Без телевизионных диспутов, когда зритель заранее потирает руки при одном виде угрюмого Лейбовича и при первом же звуке его тишайшего голоса, которым он бубнит себе под нос, пока не закричит душераздирающим фальцетом.

Фильм показывает один такой диспут, заснятый в пограничном поселке, в двухстах километрах от Иерусалима. Показано и то, как старик вместе с оппонентами одолевает дорогу туда в тряском джипе. Зачем, спрашивается, в восемьдесят с лишним лет тащиться в такую даль? И вообще, почему специалист по энзимам занимается абсолютно не своим делом?

А потому, что душа молчать не может, как говорит Брель во французском фильме в ответ на вопрос, что заставило его, сына богатых родителей, приготовить ему уютную, тихую карьеру, метаться по эстрадам мира.

Лейбович тащится в пограничный поселок Маалот, населенный отнюдь не одними философами, и тем не менее зал забит битком.

Начинается, можно сказать, спектакль Лейбовича. Лейбович затмевает собой всех своих оппонентов. Он не только завоевывает зал, но и ведет себя так, что кто-то из публики выкрикивает: "Профессор, вы устраиваете театр!"

У Лейбовича всегда и везде много противников, но как раз эта реплика верная. Его мрачность, его речь,

игра голосом, манера начинать со смиреннейшего пианиссимо, чтобы взвиться к сокрушительному форте — все это действительно театр. И все-таки Лейбович не играет на публику — он просто так устроен. Держится не по канонам, выражается так, что заставляет людей вздрагивать.

На диспуте в Маалоте зашла речь о массовой культуре. Глянув исподлобья в зал, где сидели, как уже было сказано, не одни философы, Лейбович дал ей такое определение:

— Одиннадцать хулиганов дерутся мячом с одиннадцатью другими хулиганами.

Между прочим, можно не сомневаться, что Лейбович знает правила "хулиганской игры" и разбирается в ее тонкостях не хуже международных футбольных судей. Его критики с огорчением признают, что знаниям его и памяти, кажется, нет предела. Разбудите Лейбовича среди ночи, и он так же легко прочитает сонет Шекспира, как и лекцию о такелаже парусного флота. Но как не возвышает он себя над слушателями, никогда им не демонстрируя свою необъятную эрудицию, так и не кокетничает с ними, не делая ровно никаких авансов. Наоборот. В отличие от всех, кто выступает на публике, Лейбович не только не заискивает перед ней, но и отчитывает ее. На диспуте в Маалоте, например, он бросает в зал, что публика — дура.

Есть, надо сказать, как бы два Лейбовича. Один занят, как все израильтяне, злобой дня и стоит, как любой израильтянин, на определенной политической позиции. Другой — поглощен судьбами человека на Земле. Например, сторонников удерживать за Израилем Иудею с Самарией или, наоборот, отдать их (Лейбович категорически за то, чтобы отдать — и немедленно) у нас хоть отбавляй. Но нет второго Лейбовича, который заставлял бы широкую публику подумать, что называется, о душе, то есть оторвать взгляд от ост-рейших, но все-таки "подножных" вопросов.

Во французском фильме Брель говорит, что люди, может быть, отмоются от скверны, если открыть

человеку, что он — Бог. Лестное открытие, давно сделанное знаменитыми гуманистами при дворах знаменитых тиранов. В израильском фильме, да и с любой трибуны Иешаягу Лейбович твердит прямо противоположное: стоит лишь честно взглянуть на историю человеческих поступков, чтобы убедиться, что человек — это не звучит гордо.

Человек не спасется ни крупной, ни мелкой лестью, которой его кормят испокон веков.

Но Лейбович громит человека не за его пороки. Человеческие недостатки, он полагает, такие же естественные и генетически заданные, как токсины, вырабатываемые организмом. Поэтому пороки человека рано или поздно его погубят. Спасение только в победе над собственной природой.

Иешаягу Лейбович не собирается поучать французов или русских. Счет он предъявляет исключительно своему народу. Которому, по его мнению, давно указан путь борьбы со своим низменным естеством. На диспуте Лейбович говорит, что Шулхан Арух — кодекс поведения верующего еврея — не случайно открывается императивом "возобладай!". Так, с первого же слова кодекс требует, чтобы человек победил свою натуру. "Ни более ни менее!" — фальцетом кричит оппонентам профессор химических и биологических наук.

Поди победи собственную природу, да еще убеди других стать на этот невозможный путь. Старик и тут не строит себе никаких иллюзий — просто не может молчать.

Брель не перековал человечество, пожаловав его в боги. Лейбович не исправит израильтян, дав им хорошего пинка под зад. И все-таки люди бегут на Лейбовича и на его театр.

ИЗ СТАРОЙ ОПЕРЫ

В день нашего национального праздника в амфитеатре "Брехат ха-султан", который расположен под открытым небом на фоне Старого Иерусалима, воспетого в несчетных молитвах и стихах, был исполнен "Восемьсот двенадцатый год" со всеми пушками и фейерверками. При полном уважении к Чайковскому, я не знаю, зачем в честь Дня Независимости Государства Израиль надо непременно играть популярное произведение, где православный гимн "Боже, царя храни" исторически верно наказывает французскую "Марсельезу".

Рихард Вагнер, нелюбезно относившийся к нашей нации, между прочим, утверждал, что Бог отказал иудеям в чувстве меры и в хорошем вкусе. В клевете ненавистников всегда есть много справедливого. Я бы не спорил с великим немцем и его единомышленниками, если бы они сами были боги, свободные от какого бы то ни было изъяна. А главное — если б не практические выводы, которые они делали во все времена из анализа еврейских недостатков.

Мы сами знаем свои слабости и боремся с ними не хуже, чем французы и англичане с пороками своего национального характера. То есть с тем же успехом.

Но все это между прочим.

Концертом дирижировал знаменитый гость из Америки Леонард Бернстайн. В свои шестьдесят пять лет это уже не тот баловень судьбы, блистающий не

только музыкальными талантами, но и светскими успехами, и выгодной внешностью, каким он выглядел на облитых лаком обложках модных иллюстрированных журналов. Сегодня на лице у него следы не просто возраста, а того еврейского возраста, который выдает многих евреев на старости лет. И в интервью репортеру нашего телевидения Бернштейн подчеркнул, что в Израиль он приезжает почти ежегодно, а затем поспешил сказать и о любви к Иерусалиму. Даже к некоторым вещам в этом городе, в общем-то для него неприемлемым. В Иерусалиме, сказал он с чувством, еврей может стерпеть и то, чего терпеть не следует. Тут Бернштейн сообщил, что он и сам уже неоднократно подумывал репатрироваться. Да всякий раз что-нибудь мешало.

Сейчас, например, он кончил сочинять оперу под названием "Тихое место". Премьера через месяц в Милане. В музыкальной Европе Бернштейн по-прежнему нарасхват — концерты расписаны на год вперед. Репортер очень точно заметил в реплике, адресованной зрителям, что знаменитый человек, если и выполнит свое намерение воссоединиться с Иерусалимом, то лишь тогда, когда порвутся узы, соединяющие его с Нью-Йорком, Лондоном и Парижем.

Нам ли его не понять! В России мы настолько были припаяны к России, что Россия припаяла нам "безродных космополитов". И вообще, на всем Земном шаре из каждых четырех евреев только один готов жить у себя в Израиле. Леонард Бернштейн некоторым образом олицетворяет тех троих из четырех, кому в Израиль и хочется, и колется, и слава не велит. Верно, что для оперы с названием "Тихое место" Израиль не подходит. Да и ставить оперы у нас, между прочим, негде — наш оперный театр мы благополучно прихлопнули сами, после больших стараний.

Поскольку речь у нас о еврейских недостатках (в данном случае — музыкальных), не будем отклоняться от генеральной линии и скажем, что по поводу безвременной кончины израильского оперного театра

разразился сам главный редактор "Иедиот ахаронот", доктор Розенблюм. Говорю "разразился", потому что его перо, и без того неласковое, окончательно расшвирипело. Удивительно, откуда в очень старом человеке столько могучей ярости. Розенблюм дает прикурить нашим театральным критикам и чиновникам по делам культуры: тридцать лет старались утопить оперу, созданную в Палестине энтузиастами на голом месте, пока не утопили. За что? За то, что не тянула на "Метрополитен", на "Ковент-Гарден" или на "Скалу". Не тянет — совсем не надо.

Розенблюм вспоминает и оперу царского времени в Ковно, откуда он родом, и Венскую народную оперу: обеим поучиться бы у израильской. У нас начинал Пласидо Доминго, этот Карузо современности. При всех недостатках, израильская опера не уступала десяткам оперных театров в других малых странах. Наши критики, однако, так изощрялись в ее разное, так соревновались в этом деле между собой, что стало просто неприличным отпускать опере даже те гроши, которые сначала ей подбрасывали скрепя сердце. Выгоняли мученицу из дома в сарай, из сарая в конюшню, пока окончательно не избавили от страданий.

Статья Розенблюма под мрачным названием "Вместо панихиды" вышла в день показа телеинтервью с Леонардом Бернштейном. Тот немного знает иврит, и, возможно, заглянул в восторженную газетную рецензию на свой концерт, но вряд ли дал себе труд продираться сквозь иврит Розенблюма. Тем более, что у Бернштейна другие претензии к Израилю. Осторожно, как гость, не желающий обидеть хозяев, он заговорил о некотором закате халуцианского духа. Постепенно утрачивая идеализм, страна все больше смахивает на современный мир, где никто не верит в идею — только в силу.

С этим трудно спорить. У хрупких идей в наше время мало шансов выстоять против увесистой дубины. Израиль не исключение в этом смысле.

— Вы знаете, — вдруг переменив тему и тон, сказал

Бернштейн, понизив свой прекрасный бархатный голос, которым в довершение всего одарила его природа, — все на моем иерусалимском концерте шло вкривь и вкось. Погасло электричество, оркестранты не могли разглядеть нот. Потом поднялся ветер, ноты полетели с пюпитров. С меня пот градом катил, хотя я ужасно зяб. Но дело не в этом. Дело в том, что я забыл о промокшем фраке — такое счастье нахлынуло на меня в тот вечер в Иерусалиме. Такое огромное счастье!..

Ого, Бернштейн забыл о фраке! Вот, в сущности, и все, что Израиль может предложить еврею, живущему среди антисемитов, где подчас есть роскошная опера: моменты подлинного, необъяснимого и неопишуемого счастья. Не считая, конечно, родных недостатков, которые выводят из себя любого еврея, не говоря уже о свирепом старике Розенблюме.

КУПЧАЯ НА СОБСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

В канун Девятого Ава телевидение показало документальный фильм о доме в Старом Иерусалиме, восемь этажей которого простираются из эпохи Второго храма прямоком в наши дни.

Точнее, как раз наоборот.

Человек выстроил себе три комфортабельных этажа из золотисто-розового иерусалимского камня, а затем начал под домом раскопки, ярус за ярусом пересекая мусор тысячелетий, пока под ногами у него не оказались камни жилища, разрушенного легионерами императора Тита при штурме Второго храма.

Человека зовут Тео Зибенберг. Судя по пяти подземным ярусам его дома, голландский еврей, бежавший от нацистов в Соединенные Штаты, а затем репатриировавшийся в Израиль, не просто состоятельный человек. К тому же он единственный еврейский богач, потративший два миллиона долларов на то, чтобы собственными руками потрогать разорванные концы истории своего народа.

Для раскопок под фундамент дома подвели железобетонный щит. Щит лег на мощные опорные столбы, которые опускали в глубину по мере того, как из-под дома выбирали грунт. Выбирали руками, чтобы не пропустить находки и не повредить их. Углубляющуюся огромную шахту опоясывали изнутри обзорными галереями. Бездетные Зибенберг и его жена завещали свой дом Государству Израиль в ка-

честве музея. Найденные во время раскопок предметы уже сейчас выставлены в стеклянных витринах в жилых помещениях их дома. Возраст предметов древний, как история завоевателей Иерусалима. Исключение составляет ржавый ручной пулемет, которым в Войну за Независимость жители Еврейского квартала отбивались от иорданских легионеров. Пулемет лежит в витрине рядом с чернильницей иерусалимского писца, жившего две тысячи лет тому назад. А под домом, в стене у самого дна шахты, зернисто поблескивает в свете прожектора черное копьё. Копьё израильтянина, очевидно, погибшего при пожаре Храма. Оно обнажилось во время раскопок на срезе стены, как древнее ископаемое. Так его и оставили.

Зибенберг рассказывает, что раскопки велись одновременно на разных ярусах и, волею судеб или случая, понимай как знаешь, копьё и пулемет были найдены в один и тот же день.

Дом стоит в ста метрах от Храмовой горы, которая видна из его окон, и при таких его музейных витринах нет ничего удивительного, что однажды, тоже в день Девятого Ава, когда жена Зибенберга выглянула в окно, привиделся ей горящий Храм. Языки пламени взлетали к дымному небу, и левиты бросались в огонь. Долго не могла она опомниться от этой картины.

В эпоху турецкого владычества права собственности закреплялись купчей, которая называлась "кушан". Подрядчик, отстраивавший Еврейский квартал в Старом Иерусалиме и работавший у Зибенберга, замечает в фильме, что самый беспорный "кушан" евреев на Палестину кроется здесь, в недрах Старого города, и сейчас каждый может потрогать его руками.

Вернуть себе этот "кушан", казалось, невозможно: недра Старого Иерусалима запечатаны вековой застройкой. "Не трогать!" — кричит нам внешний мир, прежде всего арабский, а заодно и наши собственные ортодоксы. Как добрались бы мы хотя бы до частицы нашего прошлого, если б не те же арабы, если б не Иорданский легион, сжегший дотла Еврейский квартал?..

После Шестидневной войны и освобождения Иерусалима кто-то подал идею отстроить весь квартал на гигантской плите, которая в будущем станет крышей раскопанного подземного музея древней еврейской истории. Но на это требовались огромные деньги, строители наступали археологам на пятки. Идею удалось осуществить лишь частично. Еврейский квартал отстроили пышно и целиком, а раскопки под ним почти засыпаны.

Но когда после фильма о доме Зибенберга началась телевизионная дискуссия на темы, продиктованные все тем же кануном Девятого Ава, ее участники, израильские историки и теологи, расположились не среди новых каменных палат. Они спустились в удивительное место, честь открытия которого принадлежит профессору-археологу Нахману Авигаду.

Место названо "Сожженным домом", потому что оно представляет собою подлинный дом в древнем Иерусалиме, обугленный пожаром при штурме римлянами Верхнего города ровно 1914 лет тому назад.

Верхний город продержался еще с месяц после разрушения Храма. Храм погиб в пожаре Девятого Ава, дом сгорел восьмого числа месяца элула. Известно имя хозяина: Бар-Катрос. Это имя высечено на одной из каменных гирь, найденных на кухне сгоревшего дома. Это имя упоминается и в Талмуде, откуда мы знаем, что Бар-Катрос принадлежал к роду священнослужителей Храма. То есть к аристократам Иерусалима, которые жили в верхней части города, — там, где и раскопан дом.

После гибели Бар-Катроса и его семьи остались найденные теперь очаг, утварь и сотни рассыпавшихся на полу израильских монет, вычеканенных перед самым разрушением Второго храма. И вот граждане молодого возрожденного еврейского государства уселись за каменный стол, принадлежавший гражданину разрушенного древнего еврейского государства и обсудили перед телекамерами некоторые вопросы,

связанные с легендой о том, что в день разрушения Храма родился Мессия.

РАЗНИЦА В ОДНУ БУКВУ

Израильские газеты просветили своих читателей насчет происхождения известного обычая угощаться на Ханукку сдобными пончиками и крутить волчок. В древности волчок был принадлежностью азартных игр, им пользовались как игровой костью. Эллины запретили евреям изучать Тору, и в нелегальных еврейских кружках держали под рукой волчок, чтобы сойти за сборище любителей азартных игр, если нагрянут непрощенные гости.

История евреев периодически возвращается на круги свои. Узнав происхождение хануккального волчка, нельзя не вспомнить о некоторых особенностях кружкового изучения иврита в некоторых славянских землях в наши дни, быть может, даже в эту самую минуту.

Хануккальный пончик на иврите "суфгания". Это тоже очень древнее слово. Его объясняет следующая притча, бытующая в народе: Бог, выдворив Адама с Евой из рая, не оставил их без сувенира — вручил на память кругляш сдобной райской земли и при этом промолвил: "Соф ган Я", что буквально значит "конец Божьему саду!", а по смыслу — погуляли, ребята, и хватит. Кончилась ваша лафа.

Ханукка связана не только с чудом храмового светильника, но и с подвигом Маккавеев, и хануккальный пончик являет собой, таким образом, съедобный вариант древнееврейской пословицы "на Бога

надейся, а сам не плошай”.

Насколько актуальна эта пословица, напомнила поздравительная ханукальная открытка из Лос-Анджелеса с лампадой, сияющей роскошным типографским золотом девяносто шестой пробы. ”Прожить в Америке нетрудно, но вот как в ней жить? — пишет в открытке мой земляк и коллега по перу. — Нет большой уверенности, — продолжает он, — что это и есть мое место на Земле. Я всегда хотел в Израиль, несмотря на то, что оттуда писали немало плохого. Но пока обстоятельства сложились так, а не иначе”.

Что и говорить, даже сам Господь Бог не может помочь своему еврейскому народу, который в течение веков периодически оказывался то в Кельне, то в Каире, то в Калуге, то в Калифорнии, хотя всегда, совершенно искренно и страстно стремился в Израиль. Несмотря на то, что оттуда всегда писали немало плохого. Как знать, возможно, изгнание давно кончилось бы, и еврейский народ давно собрался бы в Израиле, если бы он, наоборот, всегда стремился то в Калифорнию, то в Калугу, то в Каир, то в Кельн... Но пока, увы, обстоятельства складываются так, а не иначе. Из Израиля пишут немало плохого? Да мы в самом Израиле пишем о себе гораздо хуже. И в то же время почему-то стараемся переубедить тех, кто в галуте. Тех, кто ссылается на своих знакомых из Израиля, которые, репатриировавшись и едва успев сдать шапку в гардероб, тоже садятся писать на страну отрицательную рецензию.

Станным образом эти наши старания расхвалить Израиль перед теми, кто поехал в Кельн или остался в Калуге, напоминают мне известный чешский фильм ”Магазин на площади”. В этом послевоенном кинопроизведении авторы, в их числе и еврей, решили доказать, что немцы и их пособники были все-таки большие бяки в еврейском вопросе. С этой целью они вывели главную героиню фильма, старую еврейскую женщину, ангелом во плоти. Обрадовавшись доброму слову о себе, которое в Калуге восприни-

мается нашими соплеменниками как чудо, еврей валом повалили на эту картину, рассчитанную прежде всего на неевреев. На экране делалась попытка убедить последних, что не надо было нас отправлять в крематории, потому что, вопреки широко распространенному о нас мнению, мы кроткие и чистые, как Христос. И никто из еврейских зрителей, по-видимому, не ощутил, какое предельное унижение кроется в этой попытке.

Не менее унизительно уговаривать человека любить родину. Унизительно доказывать еврею в Калуге, Кельне или Калифорнии, что его приятели не совсем правы, когда пишут из Израиля, что еврейское государство для веселья мало оборудовано. Что вы! Как раз наоборот! Вам докажут это объективные цифры нашего статуправления, согласно которым в отчетном финансовом году израильтяне приобрели ... тысяч японских лимузинов и немецких телевизоров.

Верно, живем не по средствам. Есть за нами такой грех. Но это доказательство нашего непозволительного транжирства, а не довод в пользу репатриации. Увольте от таких аргументов, а заодно и от тех, кто в них нуждается. Тем более, что на дворе праздник.

Запустим же хануккальный волчок, на четырех сторонах которого вот уже два тысячелетия значатся четыре буквы — аббревиатура четырех слов: "Там Свершилось Великое Чудо". Израильский хануккальный волчок отличается от галутного одной буквой: для еврея, живущего в Израиле, чудо свершилось не там, а здесь.

Там все иначе, даже еврейские праздники. Там еврейский праздник прячется в синагоге. Здесь он разлит в воздухе, которым дышит вся страна.

Происхождение еврейских праздников воспринимается в галуте как миф вне времени и пространства. В Израиле это реальные эпизоды еврейской истории. Верующие добавляют к ним религиозную надстройку, неверующие обходятся без нее.

Моя соседка, большая социалистка и атеистка,

приглашает меня на хануккальный кофе с "суфганией". Дома она не печет, но традиционные пончики продаются на всех углах, в каждом магазине. Соседка запаслась ими для себя, для своих четырех дочерей с их мужьями и детьми, а также для гостей — обязательных и случайных. За чашкой кофе соседка находит повод выразить свое отвращение к клерикалам с их опиумом для народа. Рядом горит хануккальная лампада, выставленная на подоконник, чтобы, как завещано законоучителями, свет еврейского чуда, свет еврейского праздника видели все, все, все.

В школе напротив нашего дома хануккальный бал. С точки зрения людей религиозных он носит, мягко выражаясь, весьма светский характер.

Директору школы приходится приносить жильцам переулка свои глубокие извинения за грохот джаза, американского по форме и иерихонского по содержанию.

Вместе с запахом дождя ветер разносит по переулку сложные ароматы праздничных обедов. Радио рассказывает о связанных с праздником интересных исторических случаях. Все наши календари, например, утверждают, что Иерусалим в Первую мировую войну был взят на Ханукку braveм английским генералом Алленби. Все врут календари. Иерусалим был отбит у турок английским военным поваром. Повар отправился из расположения английских войск в окрестности Иерусалима за провиантом и, к своему ужасу, вызвал капитуляцию турецкого противника, поспешившего ему навстречу с белым флагом.

Радио рассказывает и куда более замечательные вещи. Почему храмовой светильник горел, не угасая, именно восемь суток? Потому, оказывается, что масло для заправки лампад привозили в Иерусалим с оливковых плантаций Галилеи. Без него нельзя было восстановить в Храме оскверненный греками запас лампадного масла, а его перевозка из Галилеи в Иерусалим занимала по тем временам ровно восемь суток.

Не сомневайтесь, Галилея и Иерусалим не Там, а Здесь, у нас дома. Наши дотошные историки все промерили и проверили. В рассказ о чуде, озарившем один из великих эпизодов еврейской истории, легла абсолютно реальная, я бы даже сказал, снабженческая деталь, нисколько не удивительная в стране, где найден подлинный автограф Бар-Кохбы.

Скульптору Мордехаю Кафри в 1977 году довелось провести ночь под открытым небом в сердце Синайской пустыни, близ горы Джабль Мусса — "Моисеевой горы". Вернувшись домой, Кафри рассказал жене, что в предрассветных сумерках на склоне этой горы ему явился гигантский лик Моисея.

— Ты рехнулся, мой друг, — вежливо сказала супруга.

Кафри не смутился и обратился к Эзеру Вейцману. Министр заинтересовался. В самом деле, наш праотец Моисей так тесно связан с Синаем, что стоит проверить галлюцинации уважаемого Кафри. И Вейцман распорядился посадить скульптора на попутный транспортный самолет, чтобы, прилетев в Синай, Кафри снова сходил к горе вместе с командиром расположенного в этом районе соединения Цахала. Кафри привел командира на свой ночной наблюдательный пункт, и тот увидел Моисея.

Нынче Кафри пригласили на одну из телевизионных хануккальных программ. Не знаю, какой он скульптор, но рассказчик он великолепный. С большим юмором изложив описанную выше историю, он донельзя заинтересовал зрителей, и лишь затем перешел к разгадке. Показал три планшета аэрофотосъемки искомого склона Моисеевой горы.

Первый планшет был нечетким, без подрисовки ретушера. Кафри начал водить пальцем по снимку, и в рельефе горы зрители начали разбирать контуры исполинского лица. Да, действительно, вот нос, а вот рот и борода. Затем на экране появился второй планшет, где, благодаря ретуши, уже не требовалось напягать воображение. Затем показали третий планшет,

на котором Кафри вылепил лик Моисея точно по контурам рельефа.

Ведущий спросил, что нужно, чтобы воспроизвести эту скульптуру на самой горе. "Ровно ничего, — ответил Кафри, — кроме поправок в положении нескольких скальных глыб весом от пяти до пятнадцати тонн".

"У меня есть большая уверенность в том, что это мое место на Земле", — мог бы я отписать моему земляку в Америку, если бы полагал, что ему самому действительно не по силам открыть Америку.

СНАРЯДЫ И МИКСЕРЫ

В газетах прокатились последние отзвуки пороховых дней и ночей на севере страны.

Мы, по-видимому, никогда не привыкнем к несправедливому отношению со стороны всего мира. Давно убедившись в том, что нам нечего искать сочувствия в его тоталитарной части, и, постепенно изжив иллюзии касательно свободных европейцев, мы еще чего-то ожидали от американцев. Но на Кирьят-Шмона упало 800 снарядов, а ни один из американских телевизионщиков — этих квадратных подбородков, готовых понюхать смерть, лишь бы щелкнуть ее крупным планом, — не отснял в Кирьят-Шмона ни единого метра пленки. Весь мир бежит сейчас за новостями к американскому телевидению, как местечко бежит за селедкой к своему единственному бакалейщику. Точнее, как местечко бежит к своему мяснику за хорошим бифштексом с кровью.

К одной из жительниц Кирьят-Шмона приехала дочь с детьми, забрать 16-летнего брата к себе в Ашдод — пускай перебудет у нее, пока стреляют. Собрались выходить. Брат, за ним мама с флягой (вдруг забудет взять, а по израильской жаре пить в дороге надо обязательно), за мамой дочь со своими девочками. Сын вышел, мать тоже, а дочь с девочками не успели: отбросило назад взрывной волной. Стало тихо. В этой тишине, противно отдающей газом, в клубах пыли, рассеивающейся на солнце, повис одинокий вопль.

Дочь выскочила во двор. "Спасите ребенка!", — кричала мать. Она ползла по земле к сыну, не выпуская из рук фляги и придерживая свободной рукой распоротый живот. Добравшись до него, она начала поить сына, не замечая, что вода выливается у него из горла пробитого осколком. Вода пополам с кровью. Этого американцы не засняли, кровь они снимали в Бейруте. Кинопленка на Западе превосходная, а влиятельнейшая "Вашингтон Пост", содрогнувшись от цветных кадров, показанных по всей Америке, советовала американскому народу и правительству проучить наконец Израиль, вступив с потерпевшим от него Арафатом в открытый дипломатический контакт в Бейруте.

Коль скоро Америка не прислала в Кирьят-Шмона ни единого из своих современных Хемингуэев, обойдемся собственным, не известным миру, Йонатаном Гефеном. У него тоже глаз наметан на ту страшную и странную правду жизни, которую обнажает смерть. Гефен описывает бомбоубежище в Кирьят-Шмона. Снаружи — грохот реактивных снарядов советского производства, рвущихся с интервалом в пять секунд. Внутри — тюремная вонь от пота и карболки. Пьют восточный самогон — "Арак", хохочут и поют хором. Реактивные снаряды, взрывающиеся снаружи, в Израиле продолжают звать по старой памяти "Катюшами". И Гефен пишет: "Вы знаете, какую песню любят больше всего затягивать в бомбоубежище эти добрые евреи из Марокко, Алжира, Ирака и Туниса? "Выходила на берег Катюша..."

Нарочно не придумаешь.

"У нас сейчас рассуждают о бегстве из-под обстрелов, — продолжает Гефен. — А я хочу поговорить не о страхе, а о мужестве; о тех, кто не бежал, о людях бомбоубежищ". А его главный редактор Шмуэль Шницер пишет в том же номере "Маарива" о людях из кабинетов "Вашингтон Пост".

Шницер находит оригинальное объяснение тому, что его американские коллеги приняли сторону террористов, давно и громогласно проклинаящих и по-

носящих Соединенные Штаты как исчадие мирового империализма. Американцы просто устали от этого вечного клейма, полагает Шницер. Как и мы, американцы тоже стосковались по доброму слову. Хотя бы из Бейрута, раз на Москву или Тегеран надежды слабы.

Шницер подробно и даже очень интересно развивает эту мысль, чисто по-еврейски вылезая из своей кожи, чтобы влезть в чужую, то есть чтобы сочувственно отнестись к чужому враждебному отношению.

Повспоминав пороховые дни и ночи Кирьят-Шмона, газетам можно вернуться к текущим делам и проанализировать причины межобщинных трений. Достаточно ли сделано, чтобы восточные евреи, которые, кстати, составляют в Кирьят-Шмона большинство, не чувствовали себя ущемленными по сравнению с выходцами из Европы? Газета "Иедиот ахаронот" печатает таблицу, из которой видна сравнительная оснащенность сефардов и ашкеназов бытовыми приборами, в том числе электромиксерами. Увы, евреев и в этой области еще разделяет пропасть; электрическим способом сбивают сливки лишь 51 процент сефардов, в то время как целые 56 процентов ашкеназов уже перешли с вилки на миксер.

Может быть, и тем и другим не мешало бы есть чуть поменьше сливок, но это уже другой вопрос. В Израиле, как на всем Западе, обожают статистику. На Западе подсчитывают, обсчитывают и высчитывают все на свете в твердой валюте цифр, на которую якобы только и можно купить истину.

Так бы и продолжать. Но в день, когда была опубликована таблица пользования миксерами в общинном разрезе, в девять часов вечера телевидение показало автобус с разбитыми стеклами на иерусалимской дороге. Темно. Шофер рассказывает в представленный микрофон о нападении. Лицо и голос вполне спокойные, лишь учащенное дыхание в паузах. Поглаживает затылок, едва не прошитый автоматной очередью. Ослепительно белые лампы иерусалимской

больницы: столько-то раненых, одна — тяжело.

Тяжело ранена двадцатидвухлетняя Двора Арендт. Сама на седьмом месяце беременности, она везла на коленях годовалого ребенка. Пуля попала в живот. Успела передать ребенка соседу по скамье, тоже раненому. Врачи продолжают бороться за ее жизнь. Плод извлечен во время операции мертвым.

Кстати, большинство пассажиров пострадавшего автобуса составляли ашкеназы.

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

Бывают разные способы преодолевать земные печали. В открытой продаже у нас появились легчайшие самолетики из четырех алюминиевых трубок, мотоциклетного мотора и деревянного пропеллера — от одного вида страх берет, а фирма гребет деньги лопатой.

Но речь сейчас о другом массовом способе не унывать в нашей трудной жизни, притом — без всякого отрыва от земли.

На Пурим, как известно, завещано резвиться, и план по этой линии у нас выполняют и перевыполняют. К бывшему москвичу, ныне несционцу, ученому лингвисту, преподающему в Тель-Авивском университете наречия Центральной Африки, пришли коллеги на пуримскую костюмированную вечеринку. У входа в дом ряженым пришлось увертываться от нищего, который, сидя на земле, хватал гостей за ноги и, трясая жестяной кружкой, показывал им голое колено с огромной синей язвой. В нищем нетрудно было узнать приятеля хозяина дома — профессора-физика из института Вейцмана. Тут интересно не то, что такую маскарадную роль придумал себе профессор, а то, сколько труда он положил на приготовление язвы из йода, чернил и гусиных шкварок.

Эстеты, вероятно, поморщатся от подобного натурализма, но строгий вкус никогда не был сильной стороной пуримских проказ. Вечерний телевизионный

концерт, которым нас угостили наши эстрадники, оказался и вовсе пошлым. "Каждая гадость находит свою пакость", как говаривал мой покойный дядя, имея в виду рассказчиков казарменных анекдотов и их благодарных слушателей. Правда, и в этом концерте нашелся недурной номер: явление Хаима Явина народу, снятое скрытой камерой в тель-авивском музее восковых фигур. Явин, самый популярный диктор израильского телевидения занял место в музейных потемках среди восковых фигур других наших знаменитостей, а камеры снимали переживания посетителей от встречи с новым экспонатом. Провинциалки ахали и шептали: "Как живой!". Даже тертые тель-авивские калачи клевали на эту удочку. А когда Явин вдруг менялся в лице и заговаривал с публикой магнитофонным голосом, начиналась просто паника.

Другие работники того же телевидения в порядке такого же розыгрыша сообразили открыть накануне Пурима на иерусалимской станции техосмотра автомобилей дополнительный контрольный пункт. Он состоял из стола, над которым висело объявление: "Техосмотр водителей". За столом сидел инспектор в бравой шоферской кепочке. Копируя акцент немецких евреев, который в Израиле служит таким же признаком эрудиции, как в России пенсне интеллигента, "инспектор" предлагал испытуемым смерить себе портняжным метром ширину плеч и расстояние от носа до подбородка. Затем он задавал сложные вопросы, как-то: что может сказать водитель о терпимости своего автомобиля? То есть, терпит ли еще автомобиль своего владельца, или уже есть признаки того, что владелец машине надоел?

Экзаменуемые безропотно мерили себе носы, а один, уже сняв мерку с плеч, а затем спохватившись, что не выкатил грудь колесом, попросил разрешения на повторный обмер, чтобы исправить показатели. Услыхав вопрос о терпимости автомобиля, все сначала делали большие глаза, но тут же принимались убеждать "инспектора", что машина переносит их хорошо,

можно даже сказать, прекрасно.

К празднику показали также эпизод из нового израильского фильма, тоже построенного на розыгрыше прохожих, попавших в объектив скрытой камеры. В центре эпизода — роскошный сливочный торт, выставленный на улицу. Редко кто выдерживал искушение. Основная масса прохожих воровато оглянувшись, зацепляла сливки пальчиком и отправляла в рот. За массовым преступлением следовало наказание: сливки были приготовлены из смеси солидола с мылом.

Примечательно, что, отплевавшись от ворованной пакости, все наказанные приходили в превосходнейшее расположение духа. Как будто у нас тут страна сплошных забав, где на уме только шалости и проказы. Да что сливки, когда группа серьезных сотрудников газеты "Маарив" десять часов гримировала эстрадника Моти Гилады под Менахема Бегина! Зачем? А затем, чтобы тоже слегка разыграть народ на праздник.

Нашлись и другие серьезные люди, раздобывшие для этой затеи громадный лимузин, подобающий выезду всемирно знаменитой особы. На флагштоках лимузина развевались государственные флажки, а на крыше вращалась красная пожарная мигалка. Моти Гилады сопровождали телохранители с выразительно оттопыренными карманами — переодетые газетчики.

Так Бегин, который со времени ухода в отставку живет затворником, вдруг взял и появился на рынке в городе Ашдоде, потом в забегаловке буйного тель-авивского квартала Хатиква и, наконец, — на центральной улице Дизенгоф, возле богемного рестораника "Касит"!..

В забегаловке квартала Хатиква, устав изображать Бегина, Моти спросил себе рюмку водки и, сильно охмелев, вдруг понесся имитировать Шимона Переса. На местных сторонников Бегина это совершенно не подействовало. Они продолжали приветствовать и благославлять лидера Ликуда, даже когда у лидера

отклеилась резиновая лысина и из-под нее вылез клок густой Мотиной шевелюры.

Все главные сцены и положения этого турне были сняты на цветную пленку и опубликованы в газете.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИВА И ДРУГИЕ ПАВЛИНЫ

Пообещав в свое время читателям регулярно рассказывать все, что пишет израильская пресса кроме политики, я поступил, разумеется, опрометчиво. По-видимому, не дозрел до кондиции стопроцентного израильтянина, у которого что ни утро, то новая злоба дня. Тут вам не Россия, где политика не ваше дело, и не Англия, где вам нет дела до политики, и не Америка, где вам нет дела ни до чего, кроме ваших личных дел.

Общественные события так влияют на наше дыхание и пульс, что в гостях, если хотят мило провести вечер, прежде всего уговариваются не трогать политики. Все знают, как вредна она для здоровья, и все свято обещают избегать ее. Но посмотрели бы вы на компанию минут через пятнадцать.

Вчера у нас рвали и метали по поводу законопроекта, касающегося археологических раскопок. Сегодня от археологической бури следа не осталось: подул грозовой ветер из Министерства финансов, где точат ножи на госбюджет. Есть еще и биржа, повесившая нос, и небывалый прилив туристов, наряду с небывалым отливом израильтян в заграничные турпоездки. Иностранцы везут доллары в Израиль, мы эти доллары увозим иностранцам. Один врач по фамилии Бар-Зохар, только что бастовавший с коллегами ради куска хлеба, поехал кататься по респуб-

лике Перу. Вернувшись, поделился впечатлениями. Обкрадывают — спасу нет! В поездах пассажиры привязывают пожитки цепями. Гром стоит, как на скобяном заводе. Перед каждой станцией проводник предупреждает, что главные воры еще впереди. Подумаешь! Посмотрите, что делается у нас самих! В сатирическом приложении в газете "Давар" напечатана в форме объявления веселая шутка:

"Рады уведомить клиентов, что всегда открытые для них двери нашего магазина теперь распахнуты настежь, ввиду состоявшейся ночью кражи со взломом".

А как вам нравится история с этой книгой! Газеты, радио, телевидение только о ней и говорят. Это же не книга, а судебный приговор! Вынес его выходец из Ирака выходцам из Европы, которые якобы преднамеренно организовали зажим восточных общин. Этого нам только не хватало! Больше нам не от чего краснеть, бледнеть и приходить в ужас! Где ж оскорбленному есть чувству уголок? Нигде, кроме рубрики для детей.

Лишь там я отдохнул душой на заметке наших израильских юнкоров. Своим умильным тоном и твердой верой в честность, дружбу и любовь она напомнила мне столбцы родной "Пионерской правды".

В заметке рассказывалось о честном гражданине, который держит у себя на дворе и показывает всем желающим безобидных птиц.

У меня внучка трех лет — пора прививать любовь ко всему безобидному и честному.

Поехали по указанному адресу. Из всех птиц я лучше всего разбираюсь в курице, могу еще отличить попугая от павлина. Павлин там был, но весьма общипанный. По какой причине, выяснилось позже. Зато всяких куриц и попугаев там была тьма. Да еще таких пышных форм и красок, что и курице ясно: собраны они исключительно на удивление публике, а никак не для науки. Там были голуби размером с индюшку, да еще словно выкупанные в синей хими-

ческой краске. На головах у этих анилиновых голубей красовались белые кружевные хохолки-наколки. Коллекцию попугаев всех цветов радуги украшал попка, розовый, как дамский пеньюар. Из пеньюара торчал разинутый клюв, могучий, как саперные ножицы.

В воздухе летал разноцветный пух. Молодые люди школьного возраста чистили клетки и заправляли кормушки снедью, храня на лицах неприступное выражение спецуполномоченных. Внучка подошла к клетке, в которой сидело и вовсе нечто несуразное. Вроде Бабы-Яги, если ей пришить крылья. Слегка обалдевшие, мы направились к выходу, и тут нас остановил хозяин и преподнес нам, как и всем посетителям, большое павлинье перо в виде сувенира. Бедный общипанный павлин!

Хозяина, как я знал уже из заметки юнкоров, звали "иш-ха-циппорим Эйтан". Эйтан — имя, "иш-ха-циппорим" — прозвище, которое требует объяснения. По-русски "птичник" — это работник птицефермы. "Иш-ха-циппорим" — человек, который связан с птицами, не важно каким образом. То ли из любви к науке или к доходу, то ли просто из чудачества.

Как есть в Израиле непомерно много дантистов и юристов, биржевиков и часовщиков, гинекологов и кремленологов, а также специалистов по Хлебникову и Соловьеву, так есть в Израиле и непомерно много чудаков, помешанных на совершенно бесполезных вещах. "Иш-ха-циппорим" Эйтан — здоровенный пожилой мошавник — употребляет все свои личные доходы от сельского хозяйства на содержание огромного экзотического птичьего двора. Исключительно на радость израильской детворе. С бесплатным входом и с сувениром от бесхвостого павлина на прощанье.

Я заметил ему, что наши дети, для которых он так старается, и без того избалованны. "О нет, — возразил "иш-ха-циппорим". — Они заслужили, чтобы мы их баловали". — И пошел на улицу заводить свой трактор,

чтобы ехать в поле.

Эйтан родился в Карпатах, в лесном доме, где вешали кормушки для птиц. Пока в лес не пришли немцы и не расстреляли его отца и мать.

Внучка повертела в руках павлинье перо и бросила. А газеты продолжали защищать выходцев из Европы от выходца из Ирака, а также освещать пикантные подробности кражи драгоценностей на сумму пятнадцать тысяч долларов у Пнины Розенблюм — нашей международной красавицы из Петах-Тиквы.

ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ

Наше телевидение показало киноинтервью Артура Рубинштейна на его квартире в Женеве за две недели до смерти.

Лицо великого пианиста напоминало посмертный слепок. Восковая маска с дырами глазниц. Маска бурно разговаривавла, хохотала, острила, то есть снова исполнила один из тех фантастических номеров, которые публика всегда ожидала от дожившего почти до ста лет чудо-ребенка и которые она всегда получала от него сполна.

Ослепший, умирающий старец с веселой горделивостью рассказал, как однажды в молодости, когда ему вздумалось покончить с собой, он долго пытался повеситься на своем халате. Хотя проще было выпрыгнуть из окна, но об этом и речи быть не могло.

— Почему? — удивились репортеры.

Восковое лицо Рубинштейна посуровело от такой непонятливости.

— Это испортило бы мне костюм, — сказал он довольно хмуро.

Репортеры его спросили, пожертвовал бы он ради музыки своими бесчисленными романами, если бы жизнь поставила его перед таким выбором. Рубинштейн окончательно рассердился:

— Почему жизнь вам кажется такой жестокой?!..

Лет шесть назад его повели в только что открывшийся в Тель-Авиве Музей диаспоры. Увидев среди

фотографий великих евреев и свой снимок, Рубинштейн снял шляпу и отвесил сложнейший поклон собственному портрету, отступая и приседая перед ним, как д'Артаньян перед "королем-солнце".

Тогда у него еще ходили ноги и даже колени сгибались. Вскоре он потерял способность самостоятельно передвигаться. Утратив возможность наезжать в Израиль без чужой помощи, он распорядился, чтобы его регулярно возили в Израиль. Наше телевидение увековечивало на пленку каждый его приезд, как и визиты Айзека Стерна и многих-многих знаменитых евреев, периодически демонстрирующих Израилю свою любовь и привязанность. Рубинштейн демонстрировал еще и свою шляпу, скроенную по моде пилсудской Польши, и пиджак от лучшего лондонского портного. Опираясь на руку компаньонки, он иногда останавливался, слегка пошатываясь, как старый канатоходец, внезапно почувствовавший под собой пропасть. Он с трудом говорил, но, преодолевая одышку, продолжал гнуть свое: жизнь прекрасна, твердил Артур Рубинштейн, надо только уметь пользоваться ее наслаждениями и от одних радостей переходить, по мере сокращения возможностей, на другие.

Как чудесно было смотреть на него и слушать его советы! Ведь так хочется верить, что жизнь может быть приятной и в девяносто лет; что таким счастливчиком в продолжение всей жизни можно быть и еврею; и что в таком бесконфликтном благополучии еврею можно прожить предлинную жизнь, даже в двадцатом веке.

Рубинштейн не изменил себе и не разочаровал нас и в своем последнем, женеvском, интервью.

На столике рядом с креслом лежали два предмета — отлитые из золота кисти рук великого пианиста, — увидев которые я вспомнил, как Рубинштейн давал свой последний концерт в Иерусалиме в возрасте девяноста трех лет. Не исполнитель и не музыка, а вот эти его кисти — это прекраснейшее произведение природы — стали подлинными героями того концерта.

Все в таких же крахмальных манжетах, все на такой же белоснежной клавиатуре, но уже землистые, скрюченные подагрой, изуродованные вздутыми венами, они метались, как солдаты в последнем бою.

Зрелище этих рук столь же потрясало, сколь и противоречило всем мажорным сентенциям их обладателя, сидевшего за роялем с лицом, вздетым навстречу неведомому, с веками, вздрагивавшими, как у слепца.

На следующий день после концерта Рубинштейн снова откалывал свои экстравагантные фокусы и рассказывал свои сладкие сказки.

В Израиле Рубинштейна встречали, как в Париже, Нью-Йорке, Лондоне — обожанием и овациями. И в Израиле, как в Париже, Нью-Йорке, Лондоне, Рубинштейн играл самого себя — знаменитого человека и баловня судьбы.

Однако его настойчивые приезды свидетельствовали о том, что Иерусалим для него не был ни Парижем, ни Нью-Йорком, ни Лондоном. Что в Иерусалим его тянуло так же, как любого безвестного старого еврея-паломника. Подобно несметному числу других евреев, наезжающих в Израиль из Парижа, Нью-Йорка, Лондона, старик-паломник молчал — в любви к Израилю объяснялась всемирная знаменитость.

Когда пришло известие о кончине Артура Рубинштейна, наше телевидение сопровождало это сообщение одним документальным эпизодом, не показанным до сих пор.

В очередной свой приезд в Иерусалим Рубинштейн сидит в пустом концертном зале. Идет репетиция. Рубинштейна, конечно, снимают. И вот, покосившись предварительно на камеру, чтобы убедиться, что она запечатлит его патристический жест для современников и потомков, он вдруг встает, просит оркестр сыграть "Хатикву" и садится снова. При первых аккордах гимна, Рубинштейн вскакивает, вытягивает руки по швам и выпячивает грудь, точно при подъеме флага.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Последние направления западного авангардизма упираются на сложную философско-эстетическую базу. Есть, например, окруженизм! Окруженист берет окружающие средства, вмешивается с их помощью в окружающую среду и создает из нее окружанс.

Извинимся, конечно, за терминологию, самодельную только потому, что Академия русского языка к окружансам не прикасается. По причинам, которых мы тоже касаться не будем, дабы не загромоздить вместе с Академией по статье о протаскивании чужих влияний, пагубно отражающихся на незрелой творческой молодежи.

В самом деле, что будет, если молодежь узнает о ведущем американском окруженисте, который создал окружанс из снегов канадской тундры? Распылив краску с самолета, он покрасил снега в поганый цвет. Осквернив таким образом священную пядь канадской земли, он из тундры прилетел в Израиль и с аэродрома приехал в Тель-Хай на автоцистерне с краской в твердом намерении выкрасить и это историческое место.

Тем самым он поднял на ноги как общество охраны природы, так и управление заповедниками. Два этих учреждения, которые у нас только и несут знамя социалистического реализма, связали американцу руки, слава Богу, фигурально.

Получился международный инцидент. Тем более громкий, что иностранец прибыл в Тель-Хай не са-

мозванно, а по приглашению лучших местных окруженников. В Тель-Хае и его живописных окрестностях они раз в год открывают творческую мастерскую под открытым небом.

События в этой мастерской стоят того, чтобы их увековечили в большом документальном фильме. Фильм, снятый израильским телевидением, как раз и начинается с американца на фоне его безработной цистерны. Именитый гость грустно созерцает склон горы, уже было выбранный им для покраски, в то время как местные окруженники не в пример ему вмешиваются в окружающую среду изо всех сил.

Вот наш главный мастер Менашше Кадишман, жирный и бородатый, словно фавн. Менашке, как ласково зовут его приближенные, красит стволы эвкалиптовой рощи в цвет соленой лосося.

В следующем кадре Кадишман объясняется с полицией, которая прибыла составлять на него протокол. Оказывается, в отличие от американца, наш мастер, равно заинтересованный в развитии международной эстетики и родной природы, запасся, кроме краски, еще и справкой о ее химическом составе. Согласно справке, цвет соленой лосося угнетает не только зрителя, но и жуков и гусениц, как разрешенный к употреблению ядохимикат.

Полиция берет под козырек и отбывает на другие окруженнические происшествия, а Менашке, аккуратно спрятав справку куда-то там под бороду и улыбаясь во весь рот, отправляется к группе школьников и ведет ее к стаду баранов.

Кадишман, надо вам знать, лауреат венецианского биеннале. Несколько лет назад он, можно сказать, сорвал банк на этом знаменитом смотре международного авангардизма. Выкрасил стадо баранов в голубой цвет и поставил жюри перед свершившимся фактом. Теперь он предлагает школьникам повторить свой творческий эксперимент. Малярные щетки он приготовил сам, а блеющих мучеников от искусства ему пожертвовал соседний киббуц. Дети разбирают

щетки и без затруднений приобщаются к искусству.

Мастерская под открытым небом, заметим, открыта не только для профессионалов, но и для всех желающих, съезжающих в Тель-Хай со спальными мешками, гитарами и полной готовностью дни и ночи напролет радоваться и веселиться. Уже благодаря одной этой готовности, желающие никогда не обманываются в ожиданиях. Так возникает "хеппенинг" — еще одно западное явление, не известное Академии русского языка: никем не организованное многотысячное действо вокруг какого-нибудь культурного мероприятия, в котором зрители принимают самое бурное участие по собственной инициативе. "Хеппенинг" в Тель-Хае развивается так же самопроизвольно и стихийно, как в Акко вокруг смотра любительского театра или в Иерусалиме и Тель-Авиве вокруг художественных фестивалей, или в Димоне вокруг Дня ивритской песни, или в Эйлате вокруг Ночи международного джаза. Все эти импровизированные слеты по своим масштабам уступают, может быть, только столпотворению на ежегодном бесплатном концерте Израильского симфонического оркестра. Этот концерт в парке на севере Тель-Авива собирает до двухсот тысяч человек. В несколько раз больше числа любителей классической музыки во всем Израиле.

Как же участвуют в концерте те, кто классическую музыку терпеть не может? В общем-то самым простым, но для некоторых и самым трудным способом. Они слушают. Если до концерта и после него в парке царит невероятный бедлам, то во время концерта воцаряется еще более невероятная тишина.

К счастью, в Тель-Хае сдерживать себя никому не надо. Окруженизм не только разрешает шум, но и поощряет его. Если в некотором, нееврейском, царстве русалка на ветвях сидит, то в лесу под Тель-Хаем сидит на ветке дама с контрабасом. На других ветвях сидят господа со скрипками и флейтами. Дамы и господа извлекают из своих инструментов самый сложный атональный гвалт.

Известный инструментальный ансамбль, приехавший посмотреть на чудеса окруженистов, проникся идеей творческого союза между искусством и природой и, недолго думая, поставил свой первый эксперимент. Полез на дерево.

К произведению, которое ансамбль исполняет между небом и землей, напряженно глядя в ноты, хорошо идет рык бульдозера, работающего по соседству в глубоком ущелье. Там вмещивается в природу моторизованный окруженист. Он оставляет на неведомых дорожках следы невиданных зверей, пригнав бульдозер туда, откуда без трактора не выбраться.

Подумаешь, пригнал бульдозер, как бы отвечает ему профессор Хайфского университета, прибывший на "хеппенинг" не более не менее как с лазерным агрегатом.

Ночью профессор протягивает над горами и долинами струну лазерного луча, ослепительную и тревожную, в память о защитниках Тель-Хая.

Утром другой участник "хеппенинга" приходит к замшелому валуну у дома, где жили и погибли Трумпельдор и его товарищи, и наклеивает на валун заголовки, вырезанные из забытых газет, некогда разнесших весть о трагедии в Тель-Хае. Третий идет в дом и ставит на пол тарелки, налитые краской цвета крови.

На дворе меж тем колдуют поклонники чистого окруженизма. Среди них творит и любитель-скульптор из киббуца, приверженец древней истории. Он методически закапывает в землю бюсты своей работы и методически раскапывает их. Вместе с ним переживает радость археологического открытия компания самодельных гитаристов, по такому случаю бросивших тренькать на гитаре.

Тем временем на центральной площадке, отведенной под показательные выступления мэтров, разражается крупный скандал. Площадку попытался оккупировать студент художественного училища "Бецалель". Он привез из Иерусалима тюк полиэтилена, а

также компрессор. По мере того, как полиэтилен надувался, перед глазами публики из тюка вставало нечто вроде лошади, которая толчками росла вверх, постепенно принимая очертания жирафа. Однако администрация мастерской под открытым небом не потерпела незваное зоопроизведение на почетном месте. Она выдернула вилку компрессора из розетки. Как только компрессор задохнулся, жираф вздрогнул, обмяк и спарашютировал на своего создателя под восторженные аплодисменты публики.

Наплевав на все окружансы, она заплодировала ею же созданному народному театру, постоянно действующему в Израиле, хотя нигде постоянно не прописанному.

”ПРОИСШЕСТВИЕ”

Черный ирис — эндемное растение, растет только в Израиле, да и то не повсюду, а лишь на горе Гилбоа и еще на берегу моря под Натанией. Его исчерна-лиловые лепестки с вишневым отливом колышались по ветру, поражая странным сочетанием полевой простоты с изысканной экзотикой.

Цветок черного ириса дает некоторое представление о внешности Ирис Шитрит. Живет Ирис в Бат-Яме, ей девятнадцать лет, отец ее марокканский еврей, у Ирис есть еще две маленькие сводные сестры от второго брака отца. Как все девушки ее возраста, Ирис проходит военную службу. Служит она на радиостанции Цахала. Накануне Пасхи Ирис постучалась в кабинет начальника станции, журналистки Эдны Пезр, и попросила газету:

— Я слышала, есть объявление о десятой годовщине происшествия.

— Какого? — не поняла Пезр.

— Я ведь из Кирьят-Шмона, — сказала Ирис. — В Бат-Ям мы переехали недавно.

Десять лет назад, на третий день Пасхи в шесть утра, как всегда, ее отец вышел из Кирьят-Шмона на фабрику соседнего киббуца. Сквозь ровный шум станков Йосеф Шитрит услышал выстрелы со стороны поселка. ”Успокойся, не у тебя одного там жена и дети”, — сказал ему мастер цеха, но отпустил домой. Шитрит побежал со всех ног и на бегу услышал чей-то

крик: "Йосеф, в вашем доме террористы!" Не помня себя, он влетел на свою улицу: войска, полиция, пожарные машины, скорая помощь.

В Кирьят-Шмона все жили под страхом смерти, налетавшей внезапно из Ливана. Но на этот раз несчастье вошло прямо в его дом. Он подскочил к Элизеру, поселковому полицейскому, пытаясь вырвать у него автомат, чтобы бежать с оружием к себе на четвертый этаж. Шитрита схватили за руки, повисли у него на шее так, что даже кричать не мог, только хрипел: "Я же солдат, пустите!" В этот момент на балконе его квартиры появилась девятилетняя дочка Шитрита с их песиком под мышкой... Йосеф дернулся, чуть не страхнув повисших на нем людей: "Ирис, где наши? Где Ахарон?!"

— Нет уже, — сказала Ирис мальчишеским дискантом.

— Что?! Где Моти?

— Тоже убит.

— Где мама? Где Йохи?

— Еще живые. Я смотрю за ними, — Ирис повернулась и скрылась в комнате.

В половине седьмого утра Ирис, Ахарон, Моти, Йохи и мать слышали автоматные очереди: террористы расстреливали детей Шошаны из нижней квартиры. Швырнув напоследок гранату, террористы понеслись с третьего этажа на четвертый и выломали прикладами дверь. Увидев мать с четырьмя детьми, они начали загонять свежие обоймы в калашниковы.

Когда в дверь застучали приклады, песик юркнул в заднюю комнату. Ирис бросилась за собакой, волоча за собой пятилетнего Моти. Песик нырнул в раскрывшийся платяной шкаф. Ирис прыгнула за ним, а утащить Моти не успела — его убило автоматной очередью. На Моти свалился убитый Ахарон.

В тишине после грохота стрельбы, когда террористы ушли в другую квартиру, песик вылез из шкафа и, семеня за Ирис вокруг мамы и сестры, стал обнюхивать брызги на полу и осторожно лизать из лужи.

Ирис пробовала заткнуть рану на спине у матери ватой из перевязочного пакета. Все равно лилось, как из крана. У сестры рука, отсеченная автоматной очередью, висела на кусочке кожи. Сестра попросила пить, но напиться не смогла. Тогда Ирис задрала на сестре платье и увидела, что живот у нее весь в дырках.

Внизу выл отец и рвался из рук навалившихся на него людей. Наверху, прижав к груди собаку, Ирис сидела на корточках возле сестры и матери, сидела и не уходила, хотя мать приказывала Ирис накрыть ее чистой простыней, а самой спрятаться в ванной.

Так продолжалось не минуту и не две — полтора часа. Террористы захватили целый жилой дом. Войска в таких случаях не спешат, с плеча не рубят.

Через полтора часа в комнату вошел незнакомый пацан. Ирис подумала: смерть пришла — для нее пятнадцатилетний Гил Шишо был очень взрослым мужчиной, и она приняла его за террориста. Пацан явился снизу, из толпы жителей Кирьят-Шмона, собравшихся позади оцепленного вокруг дома. Не выдержав бездействия, Гил шепотом спросил у Шитрита номер квартиры и направился к дому. Его никто не задержал, таким неожиданным и невероятным было это зрелище: мальчишка, идущий в лапы к террористам. Благополучно пройдя по лестнице и войдя в квартиру, Гил попробовал остановить у матери кровь. Мать спросила у него про отца. Ирис наклонилась над матерью и взмолилась: "Уже идет, потерпи еще немножечко!" Но тут она увидела, что глаза у матери уже на нее не глядят, а смотрят в потолок.

Гил вышел на лестницу, нашел брошенный "калашников", велел Ирис приготовиться идти за ним, хотел было вынести и ее сестру, но из-за ее руки отказался от этой мысли, и повел Ирис вниз, прихватив по дороге еще беременную соседку и прикрывая движение оружием, которым и пользоваться-то не умел. Так они появились перед не помнившим себя Шитритом, перед всеми, кто под прикрытием машин и деревьев оцепил этот страшный дом: девочка с собакой, за нею

женщина на сносях и, наконец, пацан, который отступал, пятась спиной к ним и наставив на окна автомат.

Вот, что Ирис назвала "происшествием", лишь теперь, десять лет спустя, рассказав подробности. Десять лет Ирис и ее отец молчали, не в силах заговорить про шкаф.

Про брызги на полу.

ЗЕМЛЯ ШЕМЕР, ЗЕМЛЯ КЕЙНАНА

На экране телефильм Мордехая Киршенбойма о двух идейных союзниках и противниках в то же время.

У писателя и публициста Амоса Кейнана и у композитора Нозми Шемер совершенно одинаковое высшее мерило ценностей — земля, куда после двухтысячелетнего отсутствия вернулись евреи. У Шемер и Кейнана совершенно непримиримые взгляды на отношение к этой земле вернувшихся изгнанников, как и на вопрос о том, что вообще значит — вернуться на свою землю.

Для Нозми Шемер такого вопроса просто не существует: раз еврей прижился на своей земле и никому ее не уступает — он вернулся. Политическое следствие такого взгляда: Шемер за аннексию Иудеи и Самарии и против ухода из Ямита. И тут у нее нет большего противника, чем Кейнан. Для него вернуться на свою землю — значит восстановить с нею те исконные почвенные узы, которые мы, изгнанники, утратили, и которыми овладел после нас палестинский араб. Политическое следствие такого взгляда: Кейнан за создание палестинского государства в Иудее и Самарии.

Такой рассудочный раскол на базе глубокого эмоционального союза — самая животрепещущая проблема израильского общества. Поэтому спор двух известных людей искусства предельно актуален и интересен. Хотя фильм прежде всего о земле. Она

показана так, что дух захватывает.

Земля проходит через все кадры. Ее глина и скалы. Ее скупая вода, солнечно-холодная под огнедышащим небом. Ее сосны и кипарисы, выгравированные на горизонте.

Силуэт этой земли в сумерках, какой она была и тысячи лет назад. Полоска суши в пасти надвигающегося прибоя. Грохот, как в первый день Творения.

Это — магическая земля Кейнана. Ее нельзя обрести, не подчинившись ее магии. Поэтому Кейнану недостаточно, что евреи застроили ее не хуже, чем в Европе или Америке. Только ради этого не стоило сюда ехать. Можно прожить жизнь и не прикоснуться к родине, сидя, как выражается Кейнан, среди километров цветных обоев, под километрами телевизионных антенн. Человек обретает родину не благодаря своей власти над нею, а благодаря ее власти над ним.

Когда-то каждый еврей знал здесь не только каждый родник, но и как брать из него воду, чтоб не оскудел, и где какая почва что родит, и какова на запах и на вкус каждая былинка. То, что было достоянием древних евреев, сегодня — достояние местных арабов. И Кейнан ведет зрителей поучиться в арабское село Битар, на месте древнего Бетара — крепости Бар-Кохбы.

Если мне будет позволено выразить свое мнение, то Кейнан безусловно прав в том лишь, что два тысячелетия евреи прикипали душой к магии то Тибра, то Рейна, то Вислы, то Волги. Сегодня в Израиле нередко запевают про листопад, которого здесь не было и нет. От таких песен круглые глаза Кейнана зажигаются злым огнем. Беду евреев он ставит им в вину и требует исправиться немедленно. Его раздражает все наносное и привозное — от цивилизации до акцента.

Впрочем, по вопросу о том, как познается родина, оппонентка Кейнана Нозми Шемер с ним вовсе не спорит. Просто то, что Кейнан твердит с остроумнейшими, надо сказать, вариациями на протяжении

всего фильма, Шемер выражает всего одной фразой. "Родину, — говорит она, — узнаешь прежде всего босыми ногами". В фильме есть земля не только Кейнана, но и Нозми Шемер.

И та и другая прекрасны, хотя лик у них очень разный. Земля Шемер возделана, как райский сад, разбитый от Метуллы до Ямита. Земля Шемер застроена не хуже, чем в Европе и Америке. На земле Шемер растения, сбегаясь в перспективе ровными рядами, растут в холе и довольстве, не испытывая, по-видимому, никаких неудобств от того, что их поят водой не из родника, а из железной трубы. Прохладу здесь дарят рощи эвкалиптов — недавних иммигрантов из Австралии, опрокинувших в зеркало Киннерета купы лиственной ряби. Для Шемер эти иммигранты такие же местные, родные, как для русского человека березы. Воспевая эвкалиптовую рощу, Шемер, в сущности, воспела мучительный подвиг евреев с чужим акцентом, расставшихся навсегда в дивными листопадами, чтобы обрести свое место на земле, и не столько уже для себя, сколько для своих детей. Здесь они мерли от лихорадки, гибли от ножа и пули, накладывали на себя руки от разочарований — но для их сынов и дочерей эвкалиптовая роща из песни Шемер давно звучит символом их детства. Шемер, как и Кейнан, полагает, что кроме политического самоопределения есть самоопределение духовное; но его она ищет не в примере палестинского араба, как почвенник Кейнан, а в примере отцов и матерей современных израильтян.

И Нозми Шемер, воспитанница киббуца, всякому социализму и атеизму вопреки объявляет религиозную молодежь, идущую на поселение в Иудею и Самарию, носительницей духа халуцианства в современном Израиле.

Вот две крайние точки зрения, вытекающие из одного и того же чувства. От того, какая из них возьмет верх, зависит многое.

ОГНЕННЫЙ СВИТОК

Публицист Натан Дуневич напечатал статью о монументе, который стоит в Иерусалимских горах уже лет десять. Случай, кажется, небывалый, чтобы газетный отклик появился с опозданием на десятилетие. К тому же автор отклика, в силу своей журналистской профессии человек осведомленный, признается, что сам узнал о существовании памятника только через четыре года после его открытия. Большинство же израильтян, пишет Дуневич, вообще о нем не слыхали. Монумент в Иерусалимских горах по сей день окружен океаном безмолвия.

Вы спросите, какой-такой может быть "океан" при скромнейших израильских масштабах? Но и горы, где стоит памятник, даже с большой натяжкой, нельзя назвать горами. Геодезист вам скажет, что они не выше среднего европейского холма. С точки зрения землемерной ленты, земля, на которой разворачивались библейские события, крошечная. Однако давно замечено, что впечатление от драмы не зависит от размеров сцены.

Объясняйте чем угодно, мистикой или оптическим обманом, но Иерусалимские горы — само величие. А монумент, всего лишь в восемь метров — ниже цоколя парижской Триумфальной арки — кажется здесь могучим столпом, словно вытолкнутым из недр земли неведомым катаклизмом.

По мере приближения к нему, столп превращается

в приоткрытый свиток. Поднятый в небо бронзовый свиток Торы. Глаз начинает различать письма. Письмена вырастают в человеческие фигуры. На бронзе поток людей, устремленный по спирали вверх, через скалы и пропасти.

Эпизоды скитания евреев на пути от рабства к свободе. Звездные часы и трагедии, взлеты и падения, мученики, герои, дезертиры — от Исхода из Египта до восстания Варшавского гетто. До провозглашения Государства Израиль. До войны Судного дня. До еще не свершившегося витка вечной спирали.

“Огненный свиток”, как назвал свое произведение его создатель, скульптор Натан Рапопорт.

Наедине с небом в самой высокой точке Иерусалимских гор.

Безлюдье вокруг, о котором пишет Дуневич, можно, конечно, объяснить отсутствием до недавних пор автомобильной дороги. Хотя и это объяснение сомнительно: во всех других случаях израильтянину нипочем не только бездорожье, но порой и смертельный риск, скажем, в Иудейской пустыне, — только бы обойти свою страну вдоль и поперек. Как нельзя объяснить, почему в Иерусалимских горах чувствуешь себя, словно на крыше мира, так нет объяснения безлюдью вокруг памятника.

Даже его снимок, с таким запозданием появившийся в газете, стоит в ней словно особняком. В стороне от газетной смеси. Смерть Садата. Положение в Ямите. Проблемы израильского кинематографа. Кулинарные рецепты и зимние моды. “Огненный свиток” не вписывается в этот ряд.

Дуневич рассказывает, что в свое последнее посещение памятника был приятно удивлен царившим подле него оживлением: шофер автобуса, заезжающий и в такие места, куда другие машины не заглядывают, решил отпраздновать бар-мицву сына у подножия “Огненного свитка”. Жаль только, пишет Дуневич, что компания веселилась уж слишком шумно, не соображаясь с местом, на которое пожаловала. А по мне это

прекрасно, что юные израильтяне именно орали свои юные песни.

Иерусалимские горы ничем не потревожить. А "Огненный свиток", как всякая вечная идея, стоит в недостижимой дали и в непосредственной близости и от справляющих бар-мицу, и от публициста из газеты "Ха-арец", и от меня, и от тебя, дорогой читатель. От всех, чьи судьбы несет на своей темной бронзе памятник в Иерусалимских горах.

העמותה לקליטת עליה בחיפה

רח' י. ל. פרץ 20 חיפה 33041

ספריה

1085

מס'

КНИГИ СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

- 1-2. Леон Юрис. ЭКСОДУС
3. Д-р А.И.Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е.Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А.И.Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У.Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И.Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 – 1967)
25. Ш.Й.Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы и романов
26. Элиззер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г.Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д.Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И.Башевис-Зингер. РАБ
37. Р.Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ

40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалиа Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА
СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И.Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И.Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ
ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И.Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
И.Кауфман. Библейская эпоха;
Л.Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь;
Ш.Эттингер. Корни современного антисемитизма.
67. А.Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л.Коллинз и Д.Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М.Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М.Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ

75. Ф.Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф.Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А.Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х.Н.Бялик и И.Х.Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
 Б.Динур. Исторические основы возрождения Израиля;
 С.Дубнов. Письма о старом и новом еврействе.
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ
 В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД – ИЕРУСАЛИМ
 С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М.Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А.Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М.Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н.Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
 В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкелстайн. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М.Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ

110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник
114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ
МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов
современных израильских писателей
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ВОСПОМИНАНИЯ
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского
офицера
123. Исраэль Таяр. СИНАГОГА – РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО
НЕПОКОРЕННАЯ
124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
132. Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. Ицхак Орен. МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
134. Андре Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
136. Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ
137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 2

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

Наши книги можно заказать

также по адресу:

P.O.B. 4140

91041 Jerusalem

Israel

